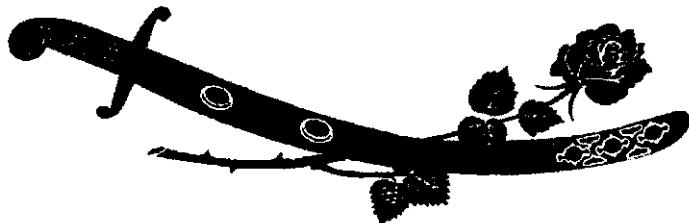

НАРИМАН САМУРОВ

*Ахтынская
крепость*

*художественно-
документальная
повесть*

ГУП
"Дагестанское книжное издательство"
Махачкала 2002

ББК – 84.4. Даг.

Самуров Н.

С-17 Ахтынская крепость: Художественно-документальная повесть. – Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2002. – 224 с.

В острожетной художественно-документальной повести автор воссоздает одну из малоизвестных страниц истории Дагестана – осаду Ахтынской крепости во время восстания горцев против царизма под предводительством Шамиля. Широкая панорама событий разворачивается во всей достоверности через психологию и поступки реальных исторических лиц: царя Николая I, коменданта Ахтынской крепости Ф.Ф. Рота, Мирзаали ал Ахди и других.

ББК-84.4. Даг.

C 4702010201 - 66
M 123 - 2002 24 - 02

© Самуров Н., 2002

ISBN 5-297-00648-1

ДАР МУЖСКОЙ ПОРЯДОЧНОСТИ И СВЕТЛОГО ТАЛАНТА

Нариман Самуров (Гаджиев) – один из тех редких людей, которым удается сохранять исключительную порядочность человека и гражданина на протяжении многих лет духовной жизни, независимо от обстоятельств.

Он прошел путь от шахтостроителя и старины первой статьи военно-морской авиации до журналиста и ответственного секретаря районной и республиканской газет, от секретаря райкома комсомола до заместителя заведующего отделом обкома КПСС и первого секретаря райкома партии, а после – заведующего отделом Правительства РД.

Автор этой книги окончил факультет журналистики Ростовского госуниверситета и Высшую партийную школу в Москве, избирался делегатом 28-го съезда КПСС, трижды депутатом и членом Президиума Верховного Совета – Народного Собрания РД.

Где бы ни работал, Нариман всегда соответствовал первозданному смыслу своего имени, означающему в переводе с персидского «мужественный». Не потому ли представляется весьма символичным тот факт, что он посвятил новую художественно-документальную повесть еще неизученным героическим страницам Кавказской войны времен легендарного Шамиля.

Испытываю белую зависть к читателям, которым предстоит приобщиться к трогательной истории любви выпускницы Смольного института благородных девиц Нины Рот и дагестанского юноши, а также к примечательным судьбам реальных исторических лиц.

МАГОМЕД-РАСУЛ

Павшим за вольность

*Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует...*

А. С. ПУШКИН

1.

И мам Шамиль проснулся неожиданно, будто кто-то резко толкнул его в плечо, чтобы пробудить от тяжелых кошмаров. А снилось ему, будто Донного, отец, бьёт его со всей силой камчой по голой спине, и она от беспощадных ударов стала мокрой от крови.

Открыв глаза, Шамиль провел рукой под толстым шерстяным одеялом, но Шуанат, к которой он приходил в эту ночь, рядом не было. Одеяло с ее стороны было откинуто, отчего ночной воздух неприятно холодил потное плечо. Шамиль приподнялся и оглядел комнату. Чираг, поставленный на полку у потухшего очага, бросал тревожные тени на обвешанные коврами стены и закопченный потолок. Шамиль не любил спать в отапливаемой комнате, где, как он считал, воздух сгорает в огне, и потому Шуанат, несмотря на еще по-зимнему холодные ночи, не разожгла очага, впрочем, как и другие его жены, которые в дни прихода к ним мужа не топили, с лукавым смехом объясняя друг другу, что с Шамилем под одним одеялом и так бывает жарко.

Шамиль заметил полотенце на подушке Шуанат и, сунув его под рубашку, стал энергично вытирать потные плे-

чи и спину. Все еще под впечатлением сна, он забыл о Шуанат, да она больше и не нужна была ему в эту ночь.

Тем временем Шуанат вбежала в комнату Зайдат, старшей жены Шамиля, и стала тормошить и трясти ее, пытаясь разбудить и рассказать, что Шамиль охает, кричит и тяжело вздыхает во сне.

Зайдат еще не спала, но, услышав голос Шуанат, притворилась спящей и не сразу отозвалась на нетерпеливые призывы этой армянки, которую Шамиль почему-то больше других своих жен одаривал платками и материями, чаще, чем у других, спал в ее постели.

Наконец Зайдат нехотя открыла глаза, сердито глядя на Шуанат, выслушала ее испуганный, сбивчивый рассказ и, зевнув, снисходительно улыбнулась, потом грубо притянула к себе благоухающую дорогим мылом и привезенными издалека духами голову Шуанат, и шепотом, на ухо стала объяснять ей, что их мужу, имаму Чечни и Дагестана, Всевышним дан редкий среди смертных дар – разговаривать во сне с пророком, мир ему, и даже с самим Аллахом, и спрашивать у них совета или получать благословение в делах, которые имам совершает на благо мусульманской веры.

– Но он охает и кричит, будто кто-то бьет его, поэтому я испугалась и прибежала за помощью к тебе, – нетерпеливо заговорила Шуанат.

Зайдат, столкнув ее со своей постели, резко поднялась, села, облокотившись на большие пышные подушки, и, повысив голос, сердито сказала:

– Тогда иди и разбуди его, он же не в моей, а в твоей постели, что ты прибежала ко мне как дура?!

Когда Шуанат, откинув занавеску из тяжелой темной материи, вошла в свою комнату, то в свете тревожного мерцающего чирага увидела Шамиля, уже одетого в длинную белую шубу и высокую папаху и собравшегося уйти к себе, тогда как прежде он всегда оставался с ней, Шуанат, до времени утреннего намаза.

Шуанат схватила с ниши в стене небольшой кувшин с холодным шербетом, который любил пить Шамиль после

жарких любовных утех, и протянула мужу. Но, охваченный тревожными думами под впечатлением увиденного сна, Шамиль даже не взглянул на жену и забыл поцеловать ее, как обычно, на прощание в чистый горячий лоб, благодаря за доставленную в эту ночь райскую радость. Молча наклонив голову, мягкими и бесшумными шагами он вышел через низкий для его могучей фигуры проем двери.

Вернувшись в свою комнату, Шамиль не смог больше сомкнуть глаз. Присев на холодную постель, он молился, пытаясь найти объяснение своему странному, о чем-то важном предостерегающему сну. «Почему отец так сильно, до крови стегал меня камчой по спине? Почему он грозил мне пальцем? Предупреждал о чем-то или, наоборот, укорял за ошибки? Почему он держал в другой руке рог с вином и демонстративно выпивал после каждого удара по моей спине, хотя давно обещал мне бросить пить? И чей это девичий смех был слышен в то время, как отец мой Доного избивал меня?»

Утром, выйдя к небольшой речке с прозрачной водой и съев, глядя на сверкающий поток, одно из яблок, привезенных ему из Гимры, из отцовского сада, Шамиль решил о сне никому не говорить, даже самому Джамалутдину, его наставнику и тестю: ибо это мог быть сон свыше, ниспосланный только одному ему, имаму. Следовало подождать, не будет ли дальнейших сигналов и внушений свыше, пророческих озарений и указания верного пути, которым необходимо следовать. Ведь он, имам, должен принять важное решение о броске на юг, чтобы, наконец, соединиться с единоверцами в Турции и общими силами прогнать войска русского царя с Кавказа. Впрочем, Шамиль мало доверял письмам и словам турецкого султана, который больше заботился о своей наживе и пуще всего боялся белого царя. Имам Чечни и Дагестана думал о том, что удачный поход на юг очень нужен ему, чтобы упрочить свой авторитет в глазах народа и заткнуть рты тем, кто считает его, Шамиля, уже старым, не способным добиваться успеха в боях с иноверцами. Вот их-то, колеблющихся, присмирят удачный поход и победа

на юге. Шамиль также понимал, что удачный бросок на юг поможет не только его возвышению, но и даст возможность показать всем умение управлять войском его сына Гази-Магомеда, которого, после женитьбы, Шамиль решил сделать своим преемником. Да, бесспорно, поход на юг нужен, об этом все говорят и торопят, но когда начать его, Шамиль еще не знал. Надо было все точно рассчитать и выбрать наиболее благоприятное время, ибо если он потерпит неудачу, то этим не только еще больше развязает нечестивые языки недоброжелателей, но и потеряет тех, кто пока еще выказывает ему преданность. И Шамилю ничего не оставалось, как чаще молиться и ждать видения с небес, которое убедительно показало бы ему, что время наступления пришло и дальше медлить нельзя.

2.

Темное бездонное небо, сверкая мириадами звезд, казалось, стремительно и бесшумно надвигалось на Мирзаали. Еще миг – и он достигнет звездной пучины и растворится в ней вместе со своим домом, на плоской крыше которого, как принято летом, была постелена его постель, вместе со всем селом и окружающими его высокими крутыми горами. Не было слышно ни звука: ни лая собак, ни криков петухов, исчез даже грохот клокочущей меж скал реки Ахцахвац, делящей большое село на две части, не доносился и гул реки Самур, протекающей в полуверсте и сливающейся с Ахцахвацем возле русской крепости, построенной по велению императора Николая I десять лет назад, в 1839 году.

«Вода уснула! Миг откровения настал!» – догадался Мирзаали, казий Самурского округа, и стал вспоминать вопросы, на которые искал и не находил ответов ни в жизни, ни в древних книгах.

«О Аллах! Открой мне истину: для чего ты создал человека на земле и проводишь его через невыносимые испытания и муки, а затем умерщвляешь без разбору, и грешных, и святых?»

Почему сразу, с рожденья, не наставляешь каждого человека на путь истины, справедливости, добра и созидания, ведь это же в твоих силах?»

Но Мирзаали все так же несся в безмолвной тишине, не слыша даже собственного голоса, взывающего к равнодушно мерцающему звездному небу.

Отчаявшись, Мирзаали выкрикнул в звездную пустоту еще один вопрос, который часто задавали ему земляки, ах-цахцы и жители всего округа, во время пятничных молитв в Джума-мечети.

«О Аллах! Что ждет нас, наш народ завтра, через год, десятилетия, через сотню лет, через тысячелетия?»

Мирзаали закрыл глаза, но от этого звездное видение не исчезало, он по-прежнему стремительно летел навстречу светилам.

Внезапно сон его прервало громкое пронзительное пение петуха. Мирзаали вздрогнул и открыл глаза. Прямо над ним в светлеющем небе таинственно мерцали звезды. Легкий утренний ветерок с гор холодил взмокший лоб, по щекам медленно стекали слезы.

«Бисмиллаху рахманни рахим!» – громко молвил Мирзаали, провел ладонями по лицу и вылез из-под тяжелой белой шубы из овчин с длинной шерстью, под которой спал.

С высокого каменного минарета возле Джума-мечети послышался требовательный призыв муэдзина к молитве и селение стало наполняться скрипами открываемых дверей и ворот, еще сонными женскими голосами, звоном кувшинов, с которыми ходят по воду, и нетерпеливым мычанием ожидающих дойки коров и проголодавшихся за ночь телят.

С улицы донесся негромкий сердитый голос соседской девушки, которая просила подруг поторопиться выйти из дома, чтобы успеть по холодку подняться в горы, на яйлаг (горное пастбище).

Привычно засучив рукава и обнажив полные, белые, с поседевшими волосами руки, закатав штаны, Мирзаали взял приготовленный с вечера кумган с остывшей за ночь водой и не спеша омыл руки, одутловатое лицо с коротко

подстриженной бородой и выпуклым большим лбом, затем волосатые худые ноги, несколько раз громко высморкался, втягивая холодную воду большим мясистым носом, вытерся полотенцем из шершавой домотканой материи.

Встав на край постеленного на кровле ковра, Мирзаали поднял голову и посмотрел большими серыми глазами на юг, прямо на макушку горы Несенпел, бывшей в Ахцахе (Ахты) ориентиром далекой аравийской Мекки, и начал утренний намаз.

Заканчивая молитву, Мирзаали провел обеими ладонями по выкрашенной хной бороде, затем присел на край постели и задумался.

«Во сне я стремительно летел в звездное небо и звезды отдалялись от меня. Видимо, небо готовит новые испытания для меня, а может, для всего моего народа. Надо заглянуть в книгу судеб», – решил Мирзаали и стал спускаться по крутой лестнице вниз, чтобы отпереть комнату со своими книгами и взять тяжелый рукописный фолиант с древними толкованиями снов, ценную книгу, которую он выменял в Дербенте за двух трехгодовалых бычков.

3.

С горы Келедхев, круто вздымающейся за небольшой стояржевой крепостью, по преданию возведенной еще Шарвили – древним лезгинским богатырем и царем Албании, послышались звонкие голоса девушек. Они выкрикивали задорные частушки в сторону недавно построенного русскими солдатами одноэтажного здания Самурского окружного управления под необычной в горах двускатной железной крышей, выкрашенной в бурый цвет, которую остроумные ахцахцы находили похожей на спину худого старого осла.

Николай, ты нам надоел,
Налогами ненасытный,
Терпение наше ты съел,
Когда придет твой день судный?

Начальник Самурского округа, он же и комендант Ахтынского укрепления подполковник Рот Федор Филиппович, отличающийся выпрямкой старого служаки, подымался на ноги вместе с ахтынцами и до восхода солнца гулял в вытянутом вдоль реки дворе управления.

Поняв по отдельным словам, что девушки громко выкрикивают какие-то слова в адрес власти, он нахмурился, провел ладонью по своему покатому большому лбу, погладил длинные вислые с проседью усы и, остановившись напротив караульного, стоящего у входа в здание и понимавшего по-лезгински, уставился холодными глазами в румяное здоровое лицо солдата, строгим голосом велев ему перевести, о чем это поют девушки.

Казак поправил папаху на голове и улыбнулся:

— Баловство, ваше высокоблагородие, девы неразумные, жалуются, что налоги большие и терпеть это тяжело. Тут снова послышался голос с горы, на этот раз пела другая девушка, и караульный, и начальник округа, задрав головы, стали слушать:

В лесу нашем охранником
Назначил ты Мешебеги,
У всех дрова он отнимает,
Чтоб сыты были начальники.

Солдат, стараясь сдержать невольную улыбку на лице и поэтому подкручивая по-горски прямые и острые усы, стал объяснять Роту содержание новой частушки.

— Эти девушки поют о том же, о чем толкуют на gode-канах их мужчины, — хмуро заметил Рот.

— А как же, ваше высокоблагородие, куда иголка, туда и нитка. У нас, в Рассее, тоже так. А как же иначе?

Рот строгоглянул на караульного, отчего тот вытянулся по стойке смирно, высоко задрав нахальная красную рожу. Рот, задумавшись, неторопливо пошел к реке, где не-подалеку от берега был родничок с холодной прозрачной водой, и где Федор Филиппович каждое утро любил умываться.

Когда комендант еще раз посмотрел вверх, там уже не было видно девушек, они скрылись за скалистым гребнем горы, по которой узкая тропа, петляя, вела на дальний яйлаг, где летом содержались коровы ахтынцев, живущих по левому берегу Ахцахваца.

А девушки шли на высокогорный яйлаг, чтобы отнести своим бабушкам свежий хлеб и принести домой сбитое ими там масло, свежие сыр и творог. Пройдя вверх по тропе, девушки оказались на небольшой полянке с еще зеленой травой, которую освещали первые лучи поднявшегося солнца, и тут же, не сговариваясь, сели, подложив под себя мешки и хурджины, расправили на коленях длинные темные платья, расстегнули душегрейки без рукавов, сшитые из мягких ягнечьих шкурок, развязали плотно завязанные вокруг шеи разноцветные платки и подставили головы теплому озорному ветерку с гор. Благо, теперь из села никто уже не мог их видеть: ни строгие мамаши, ни сельские старушки, почему-то всегда недовольные молодыми.

Одна из девушек, высокая и статная Джахварат в длинном, развевающемся на ветру темно-красном платье и наброшенном на покатые плечи темно-зеленом платке, запела высоким и сильным голосом:

Когда солнце в небе взойдет,
Речка снова тихой станет.
Когда яр (любимый) мой с войны придет,
В сердце моем боль утихнет.

– Не говори, не говори, Джахварат, о войне – будь она проклята! – Так можешь и беду накликать, – испуганным голосом затараторила невысокая ростом, но плотная и быстрая в движениях Маржанат. – Десять лет прошло после той войны, мои отец и дяди погибли там, я стала сиротой. Дома бабушка старая, мать больная, некому даже защитить меня, не то что замуж выдать. Да и кому нужна сирота, слабый росток без корней? Да и женихи наши где? Лежат под могильными камнями, ничего не увидев хорошего в жизни.

— А разве мои отец и братья, павшие в трехдневном сражении с урусами, не похоронены десять лет назад на кладбище шахидов, между Усухчаем и Цахулом?! — тихим печальным голосом спросила худощавая Муслимат. — Два дня надо идти, чтобы раз в год навестить их могилы, помолиться за упокой их душ и раздать садака (милостыню).

Поняв, что девушки, начав сетовать на горькую судьбу, теперь долго не остановятся, Джахварат, самая старшая среди них, вскочила на ноги:

— Нас послали не для того, чтобы сидеть здесь и плакаться. На яйлаге ждут хлеб, а в селе — масло и сыр. Вставайте и пойдем, а то скоро станет жарко, и идти будет труднее. Отдохнем на яйлаге, заодно жирного ароматного молочка попьем.

Джахварат повернулась и решительно зашагала вверх по тропе.

— Тебя, Джахварат, в селе чаущем (смотрителем за порядком) надо назначить или унтером в крепости, никому ты покоя не дашь! — крикнула в сердцах Муслимат. Девушкам ничего не оставалось, как нехотя подняться с уютной зеленой лужайки и поспешить вслед за непреклонной Джахварат.

4.

Когда на рассвете Ади с дядей Мажидом вернулись на свое пастбище, расположенное в лесистом местечке Тархам, высоко в горах над Ахцахом, из-за горы Китиндаг жаркими лучами брызнуло солнце, согревая их продрогшие спины. Спешившись, рослый широкоплечий Мажид сдвинул на затылок черную папаху, провел большими сильными ладонями по густым смоляным усам и весело подмигнул племяннику:

— Пусть теперь кто еще раз попробует украсть наших дошадей! Еще благодарить должны, что не угнали весь их табун. Мы по справедливости поступили с ними. Вернули свое, а за труды по поиску украденного ими прихватили па-

ру их коней. Если кто спросит, так и отвечай. А лучше говори, что Деликуш сама прискакала, а других коней мы не видали и не слыхали. А то пожалуются русским начальникам или шариатским судьям, придется от них откупаться магарычами, и не один раз: и у нас будут брать вино и мясо, обещая уладить дело, и у тех, обещая вернуть коней. – Не видел, не слышал! Вот самый лучший ответ для начальников. Ведь эти бумагописатели не о справедливости и законе думают, а лишь о том, чтобы набить собственное брюхо за счет таких захматчи (тружеников), как мы с тобой.

Пока довольный ночным набегом дядя учил Ади, этот семнадцатилетний парнишка, такого же роста, как дядя, но худой и безусый, спрыгнул со своей кобылки, прозванной Деликуш (Дикая птица). Ее прозвали так потому, что она не только не позволяла оседлать себя кому-либо кроме своего хозяина Ади, но и норовила укусить каждого, кто приближался к ней с подобными намерениями. Ади, отпустив Деликуш, стал привязывать пригнанных коней к толстым стволам сосен. На нем был короткий старый дядин кожух из черных овчин и под ним темно-коричневый свитер, который был ему мал, ибо был связан бабушкой еще три года назад.

Накануне, когда стемнело и никто не мог различить всадников, поскакали они с дядей Мажидом в сторону яйлагов на склонах Шалбуздага, где, по словам знакомых чабанов, была замечена в одном из табунов богача-барановода их украденная две недели назад Деликуш. Эту красивую быструю красно-золотистого цвета кобылку Ади упросил дядю отдать ему после того, как ее мать загрызли волки, загнав в густые колючие заросли держи-дерева. Деликуш нравилась всем, кто видел ее, а горцы, особенно чабаны, понимали толк в лошадях. Но Мажид не раз задумчиво приговаривал, что от лошади, которая нравится всем, ничего хорошего нельзя ожидать тому, кто ею обладает. Дядя говорил Ади, что кобылку можно дорого продать или обменять на новую винтовку с нарезным стволом, которая стреляет дальше и более прицельно, чем все другие известные ружья.

Кобылку они нашли не сразу. Связанные сонными по рукам и ногам, перепуганные наемные табунщики барановода в один голос клялись молоком своих матерей, что ничего не видели и не слышали.

Но Мажид, который догадывался, кто по своей шакальской натуре занимается подобным промыслом, посчитал спрашевливым забрать из табуна предполагаемого вора двух лошадей. Одну – за Деликуш, вторую – за причиненные хлопоты по ее поиску, а также в назидание, чтобы в другой раз обходили стороной его, Мажида, яйлаг, иначе он соберет молодцов и угонит весь табун ненасытного хозяина. Табунщики, с кляпами во рту, лишь мычали и согласно кивали головами, видимо, довольные тем, что их жизни ничего не угрожает.

Когда они были уже на полпути на свой яйлаг, их догнала, оглашая радостным ржанием родные горы, Деликуш, которая, видимо, паслась на привязи где-то на укромной лесной поляне. Услышав знакомый свист Ади, растившего ее с рождения, она перегрызла веревку, которой была крепко привязана, и бросилась вслед за хозяином. Обретение Деликуш очень обрадовало и дядю, и племянника, но они и не подумали возвращать угнанных лошадей.

На стоянке Мажид направился к расположенной среди сосен хижине, чтобы переодеться и погнать украденных лошадей через перевал в сторону Шеки.

– Отдам коней знакомому армянину, куплю самую лучшую винтовку! – сказал Мажид, когда вернулся к Ади со свернутой черной буркой, которую всегда брал с собой в дальнюю дорогу.

– Тогда все туры будут наши – зачем овец пасти? Захотел мяса – пошел в горы, настрелял, сколько надо, тuroв или пошел в лес – и убил оленей, не так ли, Мажид? – говорил Ади, проводя по шерсти лошадей куском овчины, намоченной в красителе, заблаговременно приготовленном дядей из горных трав, чтобы скрыть от случайных встречных в пути масть украденных животных.

— А кто купит у нас столько мяса туров, у всех ведь домашние бараны и козлы есть, — добродушно улыбался Мажид над наивностью племянника, приторачивая бурку к седлу своего коня.

— А у царя в крепости сколько голодных солдат, а? Кто из них откажется от дешевого мяса? — не унимался Ади, приступая к покраске второй лошади.

— Мяса диких зверей нам с тобой и двоим не хватит, если есть его вволю каждый день. Ты думаешь, много их осталось в горах и лесах? Все считают их своими и убивают и зимой, и летом, — покачал головой Мажид, натягивая на ноги, взамен сброшенных мокрых шаламар (онучей), офицерские сапоги, которые он прошлой осенью выменял в крепости на вяленую баранину.

— Почему так? Почему люди так делают? — удивился Ади.

— Потому что желающих кушать всегда больше, чем желающих работать. Мало кто с удовольствием день и ночь ухаживает за овцами и коровами, пашет землю и растит хлеб, — объяснил Мажид Ади, забирая из его рук поводья обеих лошадей, испуганно косящих глазами.

— Я поеду, а ты никому ничего не говори, куда и зачем поехал, где были ночью, даже нашему Салиму. Что известно троим — будет известно каждой собаке, понял? — уже вскочив на своего коня, наставлял племянника Мажид.

— А что ответить Салиму? — спросил Ади.

— Скажешь, поехал к кунаку в село Ахир, договориться насчет охоты на туров, ведь скоро осень.

Ади молча кивнул и долго смотрел вслед дяде, пока тот с лошадьми не скрылся на тропе, петляющей среди высоких сен.

5.

Император России Николай 1 проснулся задолго до восьми утра с предвкушением чего-то нового и радостного в наступающем божьем дне. Лежа под офицерским плащом на

железной солдатской кровати, он силился вспомнить, что бы это могло вызвать редкое в его скучной монаршей жизни, радостное настроение.

Вот уже двадцать три года он, Николай Павлович, твердой рукой правит империей во благо России, Европы да и всего мира христианского... Если бы не он, разве была бы сегодня Россия единой, сильной, способной показать кулак и Западу, и Востоку?

«Расползлась бы империя по кусочкам, по Польшам, Румыниям, Бессарабиям, Бухарам... – думал с благоговением Николай, – если бы не я. Если не подавил бы железной рукой восстание декабристов в 1825 году, восстание полячишек в тридцатом. Теперь в Венгрии копошаются революционерики... Я не позволю! Не позволю никому посягать на Российскую, на мою империю!»

Николай вспомнил, что он заблаговременно выдвинул войска к границам Венгрии – революционную заразу надо душить в зародыше. Хотя создано Третье отделение, но внутри государства все же витает дух анархии и безбожия, дух этих Пушкиных, Лермонтовых, Герценов, да еще этого хохляцкого Шевченко.

Демократия погубила Рим, погубит и Россию... «Только я смогу сохранить Россию великой и единой. Я полякам отменил конституцию, дарованную предшественниками, и впредь ее никто не получит! Есть Царь! Есть Бог! Живите и благодарствуйте! Демократия придумана на гибель великой России ее вечными врагами. Этому никогда не бывать!» Николай решительно отбросил плащ, встал, вытянулся во весь свой внушительный рост и погладил выпуклый, плотный, волосатый живот, который ночью почему-то беспокоил его.

Несмотря на мрачные мысли, предчувствие чего-то радостного наполняло его сердце, не давало впасть в дурное настроение от тяжелых дум. «Но отчего может быть это ожидание? На Кавказе война продолжается, отвлекая большие силы и, главное, деньги, которых не хватало и не хватает. Хотя все вокруг хвалят мой гений, но ведь Шамиль еще

не пойман. Каждый раз удаётся ему убежать в свои горы. А потом, как ни в чём не бывало, снова совершет набег...»

Николай подошел к белого цвета, аккуратно сделанной табуретке, напоминающей солдатскую, на которой стоял тазик с распиленными и оглаженными руками слуг кусками льда, и, взяв пригоршню ледяных шариков, стал ими обтирать свое холеное, сразу покрасневшее от холода тело. Обтиранье взбодрило его. Николай вытерся суровым солдатским полотенцем, надел тонкое нижнее белье, мундир, натянул сапоги с длинными голенищами и уже надевал шинель, когда дверь осторожно приоткрылась и на пороге показался министр двора, всем своим видом выражая трепетное подобострастие перед монархом.

– Ваше Величество! Вы велели напомнить, – негромким, но четким голосом заговорил министр.

– Ну, что? Говори! – стараясь быть строгим, велел Николай, хотя уже и сам вспомнил, что приказал накануне.

– Ваше Величество! Вы изъявили желание посетить Смольный институт благородных девиц, где...

– Ну, есть там достойные... экземпляры? – уставился Николай большими навыкате глазами на министра.

– Есть, есть... И весьма интересные... Немка, отец немец, мать – грузинка. Черноокая, стройная, умная и, в отличие от наших северных дев, горячая... – вкрадчивым голосом быстро проговорил министр и смущенно опустил глаза.

– Доложи императрице, что после аудиенции посетим Смольный институт, – велел Николай, приглаживая костяной расческой бакенбарды.

– Ваше Величество, начальнице института сообщить?

– Не надо! – отрезал Николай. Ему нравилось видеть то состояние восторга и ужаса одновременно, которое он производил на окружающих своим неожиданным появлением.

– Но смотри, чтобы нужные лица были в присутствии...

– Ваше Величество! Все будет устроено, – обрадовавшись окончанию аудиенции и вытирая белоснежным платком взмокший лоб, министр на цыпочках выскользнул из

спальни императора и бесшумно прикрыл за собой массивную дверь.

Николай лишь теперь догадался о причине радостного возбуждения, переполнявшего его с самого утра.

«Да, у меня дар предчувствия грядущего, мне Господь внушиает верные пути, я один спаситель других народов...», – думал он уже в парке, совершая обычную утреннюю прогулку пешком.

После таких мыслей о собственном величии хорошее настроение Николая не могли испортить ни моросящий мелкий майский дождь, ни холодные капельки, затекающие под воротник, ни однообразный, скучный доклад военного министра Чернышева во время утреннего приема об ожидаемых набегах Шамиля на Кубинскую сторону и Кахетию. Николай, снисходительно поглядывая на поседевшего министра, подкручивал свои роскошные усы и вспоминал, сколько раз и до этого докладывалось ему о предполагаемых набегах горцев. Император размышлял о том, кто придумывает донесения об этих ложных набегах: сам Шамиль, чтобы держать в напряжении русские войска, или русские генералы, чтобы напугать царя и получить дополнительное финансирование. Николай догадывался, что Шамиль нарочно дразнит его, императора, а генералы и военный министр на всякий случай докладывают ему обо всех слухах, чтобы потом не обвинили в сокрытии опасных для государства вестей.

Презрительно выпятив губы, выслушал Николай и доклад начальника Третьего отделения о столичных слухах: о возможной скорой войне России с Англией и Францией, о новом предполагаемом восстании офицеров, как это случилось в 1825 году.

«Пусть попробуют. Я их накажу пострашнее, чем было два десятилетия назад. Всех виновных вздерну на виселицы. Ссылок, да еще с женами, больше не будет. А то эти ссыльные преступники обретают в салонах глупых светских дам ореол чуть ли не героев», – думал Николай, ухмыляясь про себя.

У императора были уже заранее продуманные жесткие, устрашающие меры на все возможные действия, о которых щебетали в салонах не понимающие истинной государственной политики недалекие знатные особы, и с важным, напыщенным видом рассуждали стареющие генералы, которым все прошлое казалось прекрасным и радужным, а все настоящее и будущее – темным и непонятным. Поэтому Николай никому не верил, кроме себя, не верил слухам, не верил своим министрам, пытающимся представить все происходящее в выгодном для них свете, с пользой для своей карьеры и в ожидании благожелательного расположения к себе государя.

Военному министру Чернышеву Николай приказал отписать наместнику на Кавказе графу Воронцову, чтобы тот всемерно, последовательно и неуклонно укреплял все фортификационные линии, вырубал и сжигал леса, дабы горцам негде было укрываться от кары за противодействия власти, совершая глубокие рейды в логова горцев, разрушая дома непокорных, наносил им как можно больше ущерба, ибо другого языка эти дикари не понимают, и тогда лишь может подвернуться случай для окружения и поимки этого Шамиля.

– Ваше Величество, на Кавказе гибнет много солдат, строительство и содержание крепостей дорого обходится казне. Не пора ли потребовать от наместника покончить решительно с оставшимися немногочисленными шайками разбойников? Тогда и крепости не понадобятся, и огромных затрат не будет.

– Ошибаешься, Чернышев. Видно, стар стал. Россия завоевывает Кавказ навечно, понял?! Завоевывает его крепко, чтобы упорно продвигаться дальше на юг, до самых до теплых морей. Понял?!

Чернышев, подняв седую голову, подобострастно устался на государя-императора, всем своим видом показывая, что он восхищен глубиной и дальновидностью его высказываний, хотя тот и не говорил ничего нового, а лишь под-

твёрждал то, что лежало в основе политики государства Российского.

— Мои крепости на Кавказе служат для охраны новых земель государства, ведь приобрести их, может, и легко, а удержать — трудно. Крепости строятся, чтобы навечно присоединить новые земли к моей империи. Это вам не схватка с цивилизованным Наполеоном. Это невиданная доселе война! Нужно время, пока эти горцы станут покорными подданными Российской империи. Я этого добьюсь! Кавказ станет украшением наших земель, Англия его не получит! Посмотрю я потом, о чём будут шептаться в петербургских салонах. Да! Так и отпиши Воронцову, что я требую неукоснительного следования моей стратегии. Чтобы в скромном времени, как и в Бессарабии, кавказские подданные так же аккуратно платили положенную дань и справно служили в моих войсках, покоряющих новые земли еще дальше на юге. Никто в мире до сих пор не смог покорить Кавказ — это сделаю я! И весь мир преклонится перед святой самодержавной волей. Так и отпиши Воронцову. И не мешай ему. Он там лучше видит и знает положение, чем вы все в столице. Полководцы из бальных залов! — усмехнулся Николай.

— Как всегда, Ваше Величество, вы необыкновенно прозорливы, — сказал Чернышев, медленно закрывая кожаную папку и поднимаясь с жесткого кресла.

— А ты как думал?! — строго спросил Николай, посмеиваясь в душе над осторожным, робко ловящим его взгляды Чернышевым. И на этот раз министру не удалось поставить под сомнения действия на Кавказе Воронцова, которому государем-императором были предоставлены неограниченные полномочия.

«Государь-император послал на Кавказ меня, а не свод законов и предписания из министерства, — говорил Воронцов, когда Чернышев или другие министры пытались напомнить наместнику на Кавказе, что отдельные его действия не согласуются с законами Российской империи.

Не дожидалась, пока уйдет из кабинета Чернышев, Николай снисходительно кивнул ему и направился к высокой двери, которая вела в его покой.

«Надо менять и военного министра, да и самого Воронцова – старческий возраст не для военных, – думал Николай, следя к себе, чтобы переодеться, а затем зайти к императрице и детям. – Нет у них уже удали, нет напора, лишь объясняют убедительно все то, что не получается. Да, надо менять! Но на кого менять? На Ермоловых, кутил и бабников? Будет еще хуже...»

6.

Когда кареты императорской четы и сопровождающей свиты остановились у подъезда Смольного института благородных девиц, раздался громкий звон колокола, оповещавший о приезде гостей. Пройдя длинный коридор в сопровождении бледной и неестественно вытянувшейся начальницы института, император остановился у дверей одного из классов, дверь которого мягко и бесшумно распахнул перед ним капельдинер двора.

– Сюда, Ваше Высочество, – тихо прошептал капельдинер, отступая на шаг.

Появление Николая в шинели с барабашковым воротником и государыни подняло на ноги всех девиц. Только что беззаботно повторявшие грамматические правила, теперь они широко раскрытыми от испуга глазами смотрели на высочайших особ, особенно на внушительную и самодовольную фигуру императора. В руках учителя заметно дрожал учебник грамматики.

Николай улыбнулся и, оглядывая всех своими навыкатель глазами, громким басом поздоровался:

– Здравствуйте, дети!

Не дожидалась ответа перепуганных девиц, он протянул руку учителю. Наставник юных созданий, уронивший книгу от такой неожиданности, низко поклонился, благого-

вейно поцеловал императорскую руку в белоснежной перчатке.

— Чем занимаетесь?! — весело и громко спросил Николай, когда девицы нестройно, запинаясь, ответили на приветствие высочайшей особы. Николай любил ласково говорить с подданными, перегугнанными его появлением. Принесли стулья, император и императрица сели. Остальные из свиты продолжали стоять: кто переминаясь с ноги на ногу, кто поминутно складывая руки то на животе, то пряча их за спину.

— Ну, малютки, кто нам расскажет урок? — добродушно спросил Николай, оглядывая смущенных девиц. Император заметил сидящую за второй партой девушку с черными волосами и необычным для Петербурга загорелым лицом и спросил у смуглянки:

— А вас как зовут?

Императрица сразу взглянула на вскочившую с места девушку.

— Рот, Ваше Величество, Нина Рот! — громко и четко ответила та.

— Да, служит на Кавказе полковник Рот, — сказал Николай, не сводя с нее неподвижного взгляда и показывая свите свое знание каждого офицера его армии.

«Недурственна, вовсе недурственна! Надо поручить, чтобы устроили встречу наедине на весеннем бал-маскараде, в ложе или комнате свиданий...», — удовлетворенно подумал Николай и, глянув в сторону императрицы, решительно встал.

Николай был уверен, что осчастливал каждую из тех девиц, которых доверенные люди привозили для тайных свиданий с ним. Императору нравилось самому раздевать их — чистых, испуганных, решительно и быстро лишать невинности, а потом видеть слезы радости и восторга в их широко раскрытых от потрясения глазах. Ведь после этого они на всю жизнь получали пенсии и пособия, позволяющие безбедно жить и выходить замуж за добропорядочных и состоятельных людей.

Пока император для приличия разговаривал о делах института с начальницей и учителями, императрица подозвала к себе Нину и спросила у нее по-немецки, давно ли она видела отца. Нина, волнуясь, поведала, что с самого поступления в институт лишь однажды ездила на каникулы, когда умерла мать.

Императрица вздохнула:

— Непременно поезжай к отцу, обрадуй его! Сдашь все экзамены — и сразу в путь! Петербург тебе уже насунчил, не так ли?

Нина утвердительно кивнула, вдыхая аромат духов императрицы.

— Кто же будет просвещать Кавказ, если не немка, родившаяся в Тифлисе от туземной матери, получившая образование в лучшем институте империи, — стараясь быть ласковой, проговорила императрица и коснулась загорелых щек Нины рукой в мягкой перчатке.

7.

Шамиль, закончив вечерний намаз, накинул длинную шубу из овчин, подхватил, чтобы не сползала, пальцами ее полы и пересел на подушки, разложенные на возвышении в углу комнаты. Отсюда ему хорошо были видны входящие к нему наибы и другие лица, вызываемые для доклада о делах и выработки важных решений.

Через некоторое время после намаза в комнату вошел рослый, крепкий мюрид из ахтынских лезгин в черкеске темно-коричневого цвета, с огромным кинжалом на поясе, в мягких бесшумных сапогах и черной папахе, сдвинутой на затылок, чтобы имам мог разглядеть его глаза и лицо, ибо всем было известно, что Шамиль, когда разговаривал с людьми, глядел им в глаза и следил за каждым движением. Так имам догадывался о мыслях, которые говорящий хотел бы скрыть от него.

Это был Абдулгани, которого Шамиль давно знал как дерзкого в бою и неустршимого воина, и которого назна-

чил недавно кадием в Дарго, одновременно возложив на него преподавание муталимам в медресе.

Хмурому, резкому в движениях Абдулгани, не раз раненному в боях с русскими, было привычнее много дней подряд находиться в седле, беспокоя русские гарнизоны по лезгинской кордонной линии, и поэтому он без видимой радости воспринял такое почетное назначение, хотя вслух своего мнения не выразил.

Хотя прошло всего несколько дней, как Шамиль женил своего сына Гази-Магомеда на дочери наиба Даниель-султана, красавице Каримат, что способствовало усилению и расширению влияния его имамата на юг, в Закавказье, имам решил назначить день начала похода.

Даниель-султан давно и назойливо предлагал ему поход на Шеки, чтобы очистить принадлежащие его предкам земли от гяуров и отступников веры, поставить во главу каждого общества верных людей и оттуда идти на Тифлис и Ереван. После взятия этих городов можно соединиться с турецким султаном и вместе со всеми правоверными мусульманами разгромить русские войска, разрушить их крепости, обезглавить предателей и установить на всех мусульманских землях справедливость, равноправие, свободу и неукоснительную верность шариату.

Так говорил Даниель-султан. Но Шамиль не верил ни ему, ни другим наибам, для которых главным в жизни стал не путь шариата – путь истины и справедливости, а нажива... Скольких наибов прогнал, скольких публично позорил и наказывал, скольких казнил... Иблис оказался сильнее, люди не насытятся богатством, не отучатся от вина и табака. Поэтому гяуры подкупают их деньгами, должностями и, что еще хуже, возможностью грабить и угнетать свой же народ.

Не зря горцы вокруг говорят, что «Шамиль уничтожил ханов ведь не для того, чтобы наибы стали новыми ханами, хуже прежних».

Шамиль посмотрел на сидящего на ковре метрах в трех от него Абдулгани и, помедлив, спросил негромким, но четким и ясным голосом:

– Что слышно из Ахты?

Абдулгани взглянул на Шамиля.

– Приходят ко мне часто наши люди, спрашивают, когда мы разрушим эту гяурскую крепость в Ахцахе?

Шамиль усмехнулся: – Всему свое время. Что предопределено свыше, то и сбудется. Придет день, от этой крепости камня на камне не останется.

– Имам! Этому даже русские гяуры не верят! Дочка приехала к коменданту крепости. Сам Николай разрешил ездить дочке коменданта в Ахты, теперь она там ходит с голыми руками и открытым лицом. В Куруш и Нуух ездит. Как у себя в Урусате – России! Никого и ничего не боятся! – сердито выпалил Абдулгани, сжимая волосатые жилистые пальцы рук в кулаки.

– Ты говоришь, там в крепости всего двести офицеров и солдат и что ахтынцы готовы подняться при первом моем появлении?

Абдулгани вскочил на ноги и, сверкнув глазами, выпалил:

– Клянусь Аллахом! Все поднимутся!! Эта кяфирская крепость как больной зуб во рту нашем – болит и воняет!

Шамиль, прищурившись, посмотрел в черные как угли глаза мюрида и понял, что тот говорит правду. – Иди, позови устада, я поручу ему составить письмо ахтынцам, сам отвезешь джамаату Ахты. И ты же привезешь мне ответ. Скажи всем: кто с гяурами – тому блаженствовать немного осталось, а кто с истинными мусульманами – тот вечно будет в раю! И узнай все о крепости, дорогах, да и что говорят, все узнай там.

– Иншаллах, все сделаю, как ты сказал,уважаемый имам! – воскликнул Абдулгани, слишком проворно для своих лет сбегая по каменным ступеням вниз, где на первом этаже, в отдельной комнате, находился устаз Джамалутдин.

Шамиль, оставшись один, снял черную высокую папаху, обернутую белой материей, провел рукой по голове. Затем ослабил ремень, на котором висел тяжелый кинжал в

простых, без украшений, ножнах, распахнул полы широкой шубы.

Джамалутдин в своей комнате при светильнике читал Коран. Услышав слова Абдулгани, он встал и поспешил к имаму. Абдулгани остался внизу, дабы не мешать разговору имама и устаза.

Услышав шаги Джамалутдина на лестнице, Шамиль надел папаху. При появлении устаза он почтительно встал и отошел чуть в сторонку от высокой подушки, на которой сидел, как бы уступая место своему мюршиду – духовному наставнику.

Джамалутдин, высокий и стройный, с загорелым моложавым лицом, обрамленным длинной с проседью бородой, устроился на низкой ковровой подушке.

Шамиль сел на свое место, подогнув под себя крепкие ноги в черных мягких чувяках и ноговицах. Они вместе прочитали молитву и как только оба произнесли: «Аминь!», Шамиль негромким голосом спросил, какие имеются новости, что слышно в народе.

Джамалутдин сразу понял, о чем желает услышать Шамиль, – подняв голову, он посмотрел на имама и стал говорить:

– Умные люди советуют, чтобы наш имам остерегался хромого – он враг твой и враг Аллаха, – сказал устаз, – все видят, что хромой сам хочет стать имамом. Из-за него и другие наибы начинают думать, что они ничем не хуже Хаджи-Мурата, также достойны стать имамом. Он никогда не признает своего сына Гази-Магомеда имамом после тебя. Это очень опасный человек. Он предаст всех нас гяурям, если будет уверен, что гяуры помогут ему стать первым в Дагестане.

– Одной острой шашки мало, чтобы стать имамом, нужно, чтобы народ верил, что ты воюешь ради Аллаха, ради свободы. Кто слишком любит золото и серебро, тому никогда народ не поверит и не сделает своим имамом, – возразил Шамиль, имея в виду тех наибов, которым были по душе слова и дела Хаджи-Мурата.

— Хаджи-Мурат своего места не понимает и никогда не поймет, поэтому опасен, — повторил свою мысль Джамалутдин.

— Я три года назад сказал народу, что устал, ведь десять лет уже имам, предложил избрать более достойного. Но народ, все алимы, все наибы в один голос заявили, что другого нет. Когда все единогласно так решили, не подобает мужчинам говорить за моей спиной, что имамом будет тот, чья шашка остра. Ни в Салтах, ни в других местах, когда гяуры проливали кровь правоверных, никто не видел остроты его шашки, она ржавела в его ножнах. Народ вновь доверил мне имамат на десять лет, я доверяю моему сыну. Иначе наибы меж собой воевать будут, каждый захочет сам стать имамом. Придет время, когда меня не станет, пусть тогда народ сам рассудит, чья шашка остра и голова мудра, кто лучше всех воюет за веру и свободу, а кто ради золота и серебра, — твердо и громко заявил Шамиль, давая понять, что об этом больше не стоит говорить.

— Аллах справедлив, он воздаст каждому по его делам и по его намерениям, — заявил Джамалутдин и замолчал, ожидая, когда имам заговорит о деле, ради которого позвал его.

— Ты знаешь, Абдулгани и другие мюриды из Ахтов жалуются, что я не прилагаю столько лет усилий, чтобы избавить их вольные общества от гяуров и их крепостей, — начал Шамиль после небольшой паузы, — и они правы; они всегда первыми, как львы, кидались на врагов, показывая всем пример бесстрашия и, погибая, просили только об одном: вернуть свободу их Ахтынскому вольному обществу узденей, потому что они никогда не терпели над собой ни ханов, ни царей.

— Да, Ахты — всегда был вольный край. Их казикумухские ханы не могли принудить даже к дружбе. Между ханами и узденями дружбы не бывает, — заявляли всегда ахтынцы.

— Тогда пиши им, что я с мечом и Кораном приду и помогу воплотить их святое желание!

Джамалутдин кивнул головой, соглашаясь с Шамилем.

– И еще, напиши чохцам, каратинцам, акушинцам, кумухцам, шуринцам, нухинцам, закаталам, кому еще, ты сам знаешь, такие же письма. И чтобы армяшка Аргут ничего не понял и запутался в своих поганых мыслях.

Джамалутдин улыбнулся и снова одобрительно кивнул.

Шамиль замолчал и воздел руки для молитвы. Джамалутдин сделал то же самое и после завершения молитвы встал с подушки.

Шамиль велел снова послать к нему ахтынского Абдулгани для продолжения разговора.

Абдулгани, которому Джамалутдин сообщил о предстоящей поездке в Ахты с письмом имама, вошел к Шамилю, не в силах скрыть удовлетворения на обветренном лице.

Шамиль откинулся на подушку и задумался. Он часто предавался размышлениям, погружаясь в свои мысли, не замечая посторонних, что внушало присутствующим трепет и благоговение перед имамом.

«Если бы все слушались меня и выполняли мои низамы (законы), – размышлял Шамиль, – в горах не осталось бы несправедливости и зла, люди не делились бы на богатых и бедных, плохих и хороших. Мы давно бы прогнали с наших земель всех неверных и стали бы все свободны и равны, и жили бы счастливо...».

Очнувшись от своих дум, он увидел неподвижно сидящего Абдулгани. Тот, почувствовав на себе взгляд имама, поднял голову и посмотрел ему в черные глаза.

– Об Ахты думаешь? – спросил Шамиль и улыбнулся.

– Как русскую крепость в Ахцахе сломать, думаю! Что на годекане людям скажу, думаю, — отрывисто отвечал Абдулгани. – Крепко думаю!!

– Начальник Ахтынской крепости, говоришь, немец? – поинтересовался Шамиль.

– Немец, русский — все равно гяур, не нашей веры, — ответил Абдулгани.

– А зачем царь Николай дочь его из Петербурга послал сюда, не знаешь? В чем тут дело?

— Когда хитрости гяуров узнаем, мы их всех победим,— вздохнул Абдулгани, потому что не знал, почему эта девушка приехала в горы.

— Говорят, молодая, красивая. Думаешь, сколько Николай даст за нее денег, когда мы ее возьмем?

— Раз сам Николай послал, значит, нужный человек, много даст! — ответил Абдулгани.

— Надо из каждого случая извлекать пользу для нашего дела, — произнес Шамиль, думая о том, что если немка из Ахтынской крепости будет его женой, немецкий царь примет его сторону, да и молодая жена Аминет станет более ласковой и послушной.

8.

Как бы поздно Нина ни ложилась, она просыпалась сразу — только яркое августовское солнце начинало освещать бурые скалы Самурского хребта, отвесно вздымающиеся от реки на целую версту, — и не могла больше заснуть. Но она любила нежиться под теплым уютным шерстяным одеялом и вспоминала все интересное, необычное, что увидела и узнала в Самурском округе, где начальником был ее отец, подполковник Рот. Нина втайне думала написать такую же повесть, какую написал Пушкин о Белогорской крепости и капитанской дочке Машеньке Мироновой. Вот только все слишком тихо и мирно в этой Ахтынской крепости.

Ночью Нина долго не могла уснуть из-за света необычно яркой в горах луны, которая через высокое зарешеченное окно освещала комнату. Услышав звуки гитары, Нина надела халат, вышла во двор и встала в тени, возле входа. Она узнала голос молодого офицера, звучавший со стороны северного бастиона. Он пел под аккомпанемент гитары и гул двух рек — Самура и Ахцахваца, омывающих крепость с западной и северной сторон, романс на слова Пушкина. Слова эти из первоначального варианта стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла» поэт не включил в свои сборники, они распространя-

лись в списках. Нина переписала их в свой дневник у старших институток. У нее переписал «кавказский роман» этот молодой офицер, который столь виртуозно играл на гитаре и задушевно пел:

Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла,
Восходят звезды надо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Уныния моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Когда песня смолкла, раздался громкий голос посыльного, передававшего офицеру приказ явиться к дежурному в штаб, и тот ушел, в сердцах отложив жалобно зазвеневшую гитару. Нина возвратилась в комнату и снова нырнула под жаркое одеяло – подарок родственниц Мирзаали, главного кази Самурского округа. «Живу как в Белогорской крепости из «Капитанской дочки» Пушкина. Есть кандидаты и на роль Петра Гринева. Только тихо здесь очень. Разбойника Емельяна Пугачева не хватает», – размышляла Нина, разглядывая в окно большие белые облака, проплывающие высоко над темными горами. Она вспомнила вчерашний разговор с отцом.

«Жаль, отцу не понравилось, что в повести царица сподобствовала сыну дворянина в женитьбе на простой девушке, дочери коменданта», – подумала Нина.

– Зачем это нужно было Пушкину? – спрашивал отец.

– Пушкин – светоч нашей поэзии, он не зависим от царей и сословий, он гражданин будущего, где все люди будут рождаться свободными. Свободными духом! Это люди сами придумали – дворяне или простые люди. Бог же всех создал равными и свободными.

– Да, да, свободными. Такие вот «свободные» до сих пор служат на этой самой дальней окраине империи, декабристы... с 1825 года. И эти... поляки... с 1830 года. Захотели свободы. Порядка не будет в государстве, если не будет

подчинения. Каждый станет разбойником. Если не будет одного государя-батюшки над всеми, каждый бандит с большой дороги станет измываться над честными людьми. Как в лесу будем жить, боясь сильных и поедая слабых.

– Отец, вы офицер русской армии, где все держится на подчинении нижних чинов высшим. А в республике все будет подчиняться закону, конституции! – с жаром объясняла Нина отцу, коменданту самого дальнего и опасного, расположенного на окраине Российской империи укрепления, куда были сосланы участники восстаний на Сенатской площади в 1825 году и в польской провинции в 1830 году. И эта крепость, наряду с другими, служила установлению господства Российской империи над здешним племенем – племенем лезгин, не подчиняющихся никому, даже своим выборным старшинам и муллам, ведь дикая первобытная вольность была им дороже всех правлений и религиозных догм на свете.

Полковник Рот строго посмотрел на дочь.

– Больше об этом не говори ни с кем. Ни о Пушкине, ни о конституции. К чему не благоволит император, тому не должно быть внимания и от нас, его подданных. У нас с тобой кроме службы Его Величеству нет других источников доходов и связей. Поэтому будь умницей – не общайся с ссыльными. Император их не жалует.

– Отец, Ян только читал мне свои стихи...

– Вот, вот... Вся крамола от них идет, от стихов. Как там у твоего Лермонтова или Пушкина:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы...

Нина бросилась к отцу, обхватила обеими руками его шею и горячо прошептала:

Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

9.

Суровый воин обомлел от таких нежных чувств дочери, но спохватился, сдержанно снял руки Нины со своих плеч и, глядя ей прямо в глаза, произнес:

— Замуж пора тебе, дочка! Вон, сколько молодых офицеров на тебя глазеют...

— А мне нравится семидесятилетний Мирзаали! Ученый, богатый и — самое главное — холостой!

Отец недоуменно посмотрел на Нину;

— Ты это... серьезно?!

Девушка захлопала в ладоши, запрыгала и закружилась вокруг отца:

— Он же первым начал! Такие стихи пишет мне! Он — рыцарь! И лучше, чем этот кривоногий, короткорукий и пропахший табаком и вином Аргутинский.

Федор Филиппович опешил от слов дочери.

— Нина, это правда?! Князь Аргутинский?!

— Да, князь не хотел отпускать меня одну из Дербента.

Уговаривал подождать, пока ты приедешь или вызовешь меня. Хотел получить твое благословение, обвенчаться в армянской церкви в Дербенте, которую по его разрешению возвели, и жить в ханском дворце с ним.

Федор Филиппович молча выслушал дочь, а потом тихо спросил ее:

— И что же ты ответила князю?

— Я? Что на все воля Господа нашего и родителя моего. То есть тебя, отец!

— Умница моя, умница! — улыбнулся Рот и хотел поцеловать дочку в лоб, но Нина засмутилась и убежала в свою комнату.

Нина видела, как выпрямился отец, когда услышал о предложении Аргутинского. Она подумала о том, что отцу кажется, что лучшего предложения не может и быть. Князь богат и со временем все достанется Нине, она и ее дети будут обеспеченными, состоятельными людьми.

Но Нина была другого мнения. Почему-то Мирзаали ей представлялся более молодцеватым и интересным, чем вечно недовольный Аргутинский.

Нина вспомнила поездку на лошадях в живописную Усухчайскую долину, которую знатоки-немцы считали красивее Тироля и Швейцарии, прогулку к святым местам на вершине Шалбуздага, склоны которого сплошь усеяны цветами, к сверкающим ледникам Базардюзи и Шахдага... И стихи, посвященные ей Мирзаали, «титаном голов, аристократом духа», как называли его отец и офицеры в крепости, который писал ученые труды и стихи на арабском, турецком, фарси и лезгинском языках, неплохо разговаривал и читал по-русски. Нина гордилась, что самый главный лезгин посвятил такие стихи ей, как Петр Гринев в Белогорской крепости своей Машеньке. Нина не только переписала стихи, переведенные гарнизонным переводчиком Джамирзой и поэтически отредактированные Яном, в свой дневник, но и нередко напевала на неизвестно как появившийся в ее голове мотив:

Как солнце, поднялась ты над каменною крепостью,
Звонким смехом пробудила тьму гор моих крутых,
Шахиня ты среди красавиц мира,
Рекой любви ты мое сердце унесла.
Я потерял покой, достоинство и ум,
Не нужны мне рай и блага земные!
Ты для меня одна теперь все, что в мире есть.
И солнце, и луна, и мужество, и честь.

Нина вспомнила, как Мирзаали читал их ей на обратном пути из Куруша, недалеко от пира Сулеймана или, как говорил армянин Джамирза – Соломона. Отец с нукерами ушли в ближайшее село за айраном, а Нина с Мирзаали остались наедине, возле чистого бурного потока с холодной водой.

Твои косы вскружили бы головы всем царям на свете,
Сияньем красоты и ума ты затмишь всех в мире...

Мирзаали смотрел в серые глаза Нины и вдохновенно говорил:

— Любовь не подвластна ни уму человека, ни его возрасту, ни достоинствам, ни недостаткам, ни знаниям, ни невежеству... Она обрушивается как град, как землетрясение и невозможно бороться с этим чувством...

Нина рассказала Мирзаали, что ее бабушка была лезгинкой – ее выкрад дед в Дагестане и увез к себе в Грузию.

Мирзаали оживился:

— Я отомщу твоему деду – украду его внучку!

Нина расхохоталась, за ней рассмеялся и Мирзаали.

Нина украдкой изучала своего поклонника. Плотный, коренастый мужчина держался прямо. В серой черкеске и высокой каракулевой папахе, с большим кинжалом и пистолетом на поясе, сидя на горячем дымчатом скакуне, он выглядел просто молодцом. Видя, что Нине нравятся его стихи, Мирзаали каждый день посыпал ей свои творения и обещал составить и подарить ей целый сборник.

На упреки мулл и поэта Рахун-Али, писавших ему:

Эй, ученый муж, послушай,
Путь истины ты потерял,
Рядом с юною «матишкой»
Пьяной стала твоя кровь, —

Мирзаали отвечал решительно и едко:

Эй, вы, рабы невежества и лени,
Познайте вы, где мира глубина?
Тогда поймете, что для Вселенной
Ценней всего – любовь и красота!

Нина была восхищена эрудицией Мирзаали: он читал наизусть Пушкина, Лермонтова – ее любимых поэтов, смело рассуждал о том, что поэт должен писать правду, воспевать справедливость. Он поведал о Сайде из Кючхюра, которому хан за его свободолюбивые стихи приказал выколоть глаза и бросить в колодец.

Нина похолодела от испуга, узнав, что этот же хан вызывал и Мирзаали и требовал писать хвалебные оды в свою честь. Но когда гордый поэт отказался, хан побоялся наказать его, ибо воинственный Ахтынский джамаат не прощает никому обид, учиненных узденям его вольного общества

10.

Нина вынырнула из-под одеяла и, сев к столу, стала аккуратным, четким почерком записывать свои наблюдения о жизни ахтынцев в дневник: она мечтала стать историком этого края, учить местных детей всему, чему учат их сверстников в Петербурге. Она слышала, что ее батюшку, Федора Филипповича, светлейший князь Воронцов, будучи в Ахтах весной этого года, просил сделать все для нравственного развития горцев, как они это наладили в Новороссии и Бессарабии, от чего и пошло замирение и хозяйственное развитие новых земель на благо империи.

И на новом месте Рот исподволь настраивал горцев на цивилизованную жизнь. Чтобы покончить земельные распри, начальник Самурского округа рапортировался, чтобы земельные участки переходили в вечную собственность тем семьям, кто их использовал в последние десять лет.

Девушки рассказывали Нине о своей жизни. Джамиры они не стеснялись – ведь он был армянин. Жаловались, что замуж их выдают рано, случается, и в двенадцать лет, а уже к тридцати годам они стареют; многие остаются в девицах и вдовами, потому что одни молодые мужчины погибают в войнах и набегах, другие не находят средств уплатить родителям и родственникам калым за невесту.

Нина попросила Мирзаали и отца сделать так, чтобы невесты и вдовы не оставались без мужей, запретить родителям невесты требовать с жениха кебин – выкуп за невесту, если девушка согласна выйти и без этого. С согласия кази Рот даже издал такой указ, несмотря на недовольство мулл и старейшин.

Узнав такую новость, девушки хоть и благодарили Нину, но печально улыбаясь, говорили, что все равно их никто не станет спрашивать, как были они, женщины, каравашами (рабынями) мужчин, такими и останутся.

Прослышав, о чём говорят их невестки с «матишкой», приходили злые старухи, одетые во все чёрное, и кто гибким прутиком, а кто костлявыми кулаками били и гнали домой девушек, которые вместо того, чтобы натаскать кувшинами в бочки и котлы родниковой воды, разговаривают с бесстыдной гяурской дочкой.

Немало ахтынцев не любило русских военных, потому что в многодневных боях июня 1838 года, прозванных самими русскими «Кавказским Бородино», было убито и покалечено много ахтынцев. Их родственники плевались каждый раз, когда даже издали замечали мундир военного. Немало семей ахтынцев вообще покинули родную землю и дома после строительства здесь русской крепости: кто скрылся в глухих лесистых горах, осев в селениях Ириб, Цуриб, Игали, кто уехал в Турцию, чтобы «не пить из одной реки и не дышать одним воздухом с неверными».

11.

После отъезда дяди, Ади издали пересчитал телят, которые с появлением солнца, а значит оводов и слепней, сгрудились на вершине, где в это время дул прохладный ветер из ущелья.

Ермул – здоровый черно-белый пес, прозванный так в честь жестокого генерала Ермолова, грелся под еще не жаркими лучами и следил за движениями своего хозяина. Ади достал из ямки под большим плоским камнем чанту (сумку из овчины) с хлебом, вынул оставшуюся половину лепешки и бросил собаке. Ермул схватил ее на лету, но есть не стал, а придавил к земле тяжелой лапой и бодро залаял, поворачивая голову то к Ади, то в сторону тропы, ведущей из Ахцаха. К ним направлялся Салим: его белая папаха то появлялась, то исчезала за камнями и кустами барбариса и боя-

рышника. Ади вскочил на ноги и, сунув пальцы в рот, пронзительно засвистел.

– Чур! Я тебя видел!! – закричал он.

Широколицый Салим сел, устало погрозил кулаком псу, весело пожиравшему остатки лаваша, скинул свой латаный курт (полушубок из коротко стриженных овчин) и стал разматывать обвязанные вокруг чуть кривых ног длинные шерстяные веревки, на которых держались шаламы – онучи из сыротятной прочной ослиной шкуры.

– Всегда ты меня выдаешь, кабан с обрезанными ушами! – крикнул Салим и, подняв руку, сделал вид, будто хочет бросить камень в собаку.

Ермул оскалился, рванул к ногам Салима, схватил зубами скинутый с ноги шалам и побежал с ним к дальним кустарникам, размахивая лохматым хвостом.

– Я ему полный чанта хлеба принес, а он... неблагодарная скотина!

Ади засмеялся.

– А ты не поднимай на него руку! Он не любит этого!

– Кормлю его всегда... Один раз пощупил... – с обидой заговорил Салим, кладя сумку с лавашами и соленым творогом в яму и снова опуская камень. Он вытянулся во весь рост, сунул худые костлявые пальцы в рот и тонко свистнул, потом поднял руку и помахал собаке:

– Верни мой шалам! Я тебе хлеба дам! – Но Ермул, играючи, снова схватил шалам за краешек, сделал несколько шагов вверх по склону и, снова бросив шалам перед собой, посмотрел на Салима, весело махая хвостом.

Ади прилег на кусок лита (толстого войлока) и вытянул уставшие ноги. Чарыки были еще мокрые и Ади поскорей их скинул, оставшись в носках из некрашеной овечьей шерсти. Он вспомнил, что ночью несколько раз переходили через горные потоки и ниже пояса вся одежда на нем оставалась еще мокрой. Мажид говорил, что простывает тот, кто, промокнув, после этого сидит на месте, съежившись и дрожа. Нужно ходить до тех пор, пока мокрая одежда сама собой не просохнет. Иначе – заболеешь.

— И где ты их промочил? Баранов ходил ночью воровать? Шашлык будет?

— В лес ходил, смотрел, нет ли поблизости медведя, что караулит наших телят. Вечно у тебя воровство на уме, потому что сам вор!

— Врешь! В лесу давно высокой травы нет, чтобы так ноги промочить: всю коровы да телята съели. Говори, где был? Куда ходил?

— Не веришь, у Ермула спроси — вместе ходили.

Услышав свое имя, собака приветливо замахала хвостом.

— Не скажешь, куда ходил ночью — я тоже не скажу, что видел в Ахцах!

— А что ты видел?! Ничего ты не видел! Хвастаешь... — махнул рукой Ади.

— Врешь! Знаю! Весь Ахцах за ней бегает!

— Волка кто-то поймал, что ли? Или медведя?

— Сам ты волк! — засмеялся Салим. — За Нине бегают, дочерью Рота. Говорят, русский царь послал, говорят, русский жизни будет учить наших девушек. У нее на голове — как наш поднос... Большая, красная... Платье такое, как не у всех... Длинное и как небо голубое. Вчера с нукерами и офицерами на базар приходила. Девушки и женщины прибежали смотреть русскую «матишку». Показывали ей петушиные и собачьи бои, а офицеры дали монеты хозяевам победивших петухов и собак. А сегодня возле крепости будут скачки. Всех приглашают. Чья лошадь прибежит первой — тому сам начальник дает рубль!

Ади, услышав эту новость, быстро надел еще мокрые шаламы и вскочил на ноги.

— Ты сказал, скачки в полдень?

— Да ты не успеешь! Ади... Я же один не смогу пасти столько телят. А вдруг медведь! Деликуш твою украли, на чьей лошади ты будешь скакать?!

— На Деликуш! Понял! — кричал Ади на бегу к табуну, где среди лошадей родственников из его махле (квартала) паслась и Деликуш.

— Ведь Деликуш украли неделю назад, откуда она снова взялась?! — вскочив на ноги, закричал удивленный Салим вслед бегущему вверх по склону Ади.

— Сама прискакала! Ночью! Никому не говори! Понял? Иначе поколочу!

Ади спокойно подошел к Деликуш, протянул ей кусок лаваша и на зависть остальным лошадям погладил по холке и бокам, отчего у нее по телу пробежала легкая дрожь.

Как только Деликуш сжевала хлеб, Ади ухватился одной рукой за гриву и, подпрыгнув, лег животом на теплую от солнца спину лошади. Не успел он перекинуть ногу, как она понесла его легкой иноходью вверх по склону. Ади пришлось несколько раз хлопнуть ее по шее и потянуть за гриву, пока Деликуш не направила свой быстрый ровный бег вниз, к еле заметной тропе между камней, ведущей в Ахцах.

12.

Когда Ади на разгорячившейся Деликуш прискакал к крепости, на дороге уже выстроилось десятка два лошадей, среди которых были и купленные за большие деньги иноходцы ахтынских беков, служивших нукерами у начальника Самурского округа.

Собравшиеся со всего села ребятишки, завидев Ади, радостно закричали:

— Ади! Деликуш! Давай!!! Скорей! Ты будешь первым!!

Но нукеры, которые уже знали про Деликуш, подъехали к Роту, стоявшему с дочерью в тени деревьев, и стали говорить:

— Этого не пускай! Его лошадь дикая! Всех перепугает! Он без седла, это неправильно! Да и кобыла эта у него ворованная!!

«Но почему же, пусть скачет, интересно же и ему, и нам...» — хотела возразить Нина, но отец велел распорядителю скачек, офицеру Бучкиеву, опоздавших не записывать.

Тот кивнул и поднял над головой фуражку...

– Приготовься! Пошли!!

Кони понеслись. Стоящие поблизости ахтынские парни слышали слова нукеров и стали возмущаться:

– Предатели! Всегда продаете своих и себя этим свиньям!

А затем закричали Ади:

– Эй! Ади! Вперед! Догоняй! Покажи им!! Ты же ахтынец! Никому не уступай!

И Ади, и Деликуш будто ждали этих слов и сразу рванули вслед кавалькаде. Деликуш как птица понеслась в облаке пыли, поднятой скачущими впереди всадниками, на какое-то мгновение пропала из виду и уже на середине гончной дороги выскочила вперед и помчалась, все больше и больше увеличивая расстояние между собой и остальными участниками скачек. Под радостные крики ахтынских парней и свист ребятишек лошадь первой достигла места, где стояли Нина с отцом и остальными офицерами, и, не сбавляя хода, свернула налево и ускакала по дороге, ведущей в село.

Солдаты, смотревшие скачки с бастиона и с крепостных стен, тоже радовались победе Ади. Он не раз пригонял и продавал им овец и другой скот, а также обменивал на солдатские ремни, обувь, одежду, а нередко давал и в долг сушеное мясо, которое нравилось солдатам.

Двое нукеров начали было жаловаться, но Рот, снисходительно улыбаясь, поднял руку и торжественно вручил каждому беку по монете, чему зааплодировали офицеры и возмущенно засвистели зрители, а солдаты стали молча расходиться.

– Он часто бывает в крепости и тоже получит свой приз... Но так, чтобы эти не знали, – Рот кивнул в сторону нукеров, весело разглядывавших полученные монеты.

– Почему? – спросила Нина.

– Ахтынцы не любят тех, кто служит нам, называют их людьми, моющими ноги свиньям или ослам, то есть нам... Поэтому я должен поощрять при каждом удобном случае самых верных. Нукеры закрепили за тобой хорошего коня с

ковровой попоной и удобным седлом, сопровождают в поездках по Самурской долине и по Ахцаху. Кого же как не их отблагодарить... Будут еще лучше служить русскому царю и нам. Они ждут от нас наград и ради этого ревностно исполняют свои обязанности.

13.

С переметными сумами, набитыми свертками со сменным бельем, вином и закусками, из крепости выехала на лошадях большая группа офицеров с женами, сопровождаемая взводом солдат.

Ахтынские хамамар (бани), располагались в шести верстах от крепости, на родниках горячей минеральной воды, издавна известных в Закавказье. Здесь излечивались многие недуги и быстро, как от живой воды, заживали раны.

Сегодня ни один ахтынец не встречался по дороге в баню, этот день, субботу, старики отдали гяурам, купаться с ними считалось у местных жителей нечестивым делом.

На двух лошадях, которых вели за поводья солдаты, были нагружены большой желтый самовар, скатанные брезентовые палатки, мешки с вином и провизией. К седлу лошади прапорщика Алисултана был привязан и жалобно блеял всю дорогу годовалый черный ягненок – на шашлык, подарок одного из ахтынских старшин дочери начальника округа.

Пока женщины купались в папар-хамам (женской бане) и офицер-хамам, а офицеры в солдат-хамам и этем-хамам (мужской бане) – солдаты в тени деревьев сноровисто поставили палатки: одну для отдыха дам, другую для господ офицеров – после купания на ахтынских водах почему-то безудержно тянуло в сон.

Нукеры умело зарезали и освежевали ягненка, нанизали на гибкие, ошкуренные вишневые прутики куски розового нежного мяса и затем развели костер из сухих сучьев, выломанных из кроны растущих вокруг диких абрикосов. Унтер-офицер опустил в канавку с холодной родниковой

водой четверти с вином, привозимые на подводах после прокладки дороги в крепость чавудами (евреями) из Кубы.

Солнце заходило за горы, когда вся компания, искупавшись, сытно пообедав и поспав часок на раскладных походных кроватях, а затем попив чаю, в самом благодушном настроении, не спеша возвращалась домой. Дул встречный теплый ветерок.

Нина, задумчивая после увиденного странного сна, вполголоса напевала про себя стихи Пушкина:

Мечты, мечты, где ваша сладость?
Где ты, где ты, ночная радость?
Исчезнул он, веселый сон,
И одинокий во тьме глубокой
Я пробужден...
... Любовь, любовь, внемли моленья:
Пошли мне вновь свои виденья,
И поутру, вновь упосенный,
Пускай умру не пробужденный.

На полпути в Ахты их обогнали трое всадников на резвых конях, с ружьями в чехлах за спиной и щашками на поясе. Они, не сдерживая коней, не здоровааясь и чуть не задевая стременами офицеров, проскочили мимо по узкой дороге и, не оглядываясь, поскакали дальше в сторону Ахты.

– Остановить?! Спросить, кто такие и куда едут?! – подъехав к коменданту, негромким голосом спросил капитан Байдаков.

– Не надо! – ответил Рот. Они знают, кто такие, – кивнул Федор Филиппович на нукеров, которые о чем-то тревожно переговаривались между собой.

«Райское настроение», которое владело всеми после горячих серно-натриевых ванн, сочных шашлыков, легкого красного вина и приятного сна, улетучилось при виде неприветливых вооруженных всадников. Жены офицеров, Богуславская и Байдакова, будто почувствовав озноб, достали теплые платки и закутались в них.

— От них веет зимней стужей, — говорили они меж собой.

Офицеры стали вспоминать сообщения лазутчиков о готовящемся прорыве Шамиля через Самурскую долину и Ахты в Закавказье и далее, в Турцию.

Беспокойство мужчин передалось и дамам, они принялись обсуждать странный сон Нины, увиденный ею во время короткого отдыха после купания.

Когда въехали на узкую ахтынскую улицу, извиающуюся меж каменных домов и спускающуюся к мосту, с одной из крыш, откуда на Нину и других дам смотрели мальчишки, на головы нукеров полетела выставленная для просушки шкура волка. Налетевший с реки ветер понес пересохшую и гремящую шкуру прямо под ноги лошади, на которой ехала Нина.

Лошадь вдруг дико заржала, словно огромная пантера, перепрыгнула через шкуру и рванулась вперед, подальше от ненавистного врага.

Женщины, которых сегодня собралось особенно много у ворот домов, чтобы поглядеть на новую русскую «матишку» (матушку), вскочили со своих мест и поспешили скрыться за воротами или прижаться к каменным стенам домов, пока мимо, вслед за испугавшейся лошадью, не прокакали офицеры и нукеры.

Лошадь вместе с испуганно вцепившейся в гриву Ниной выскочила на небольшую площадь перед гюю-кимом (главным местом сбора мужчин села) и резко свернула направо, к узкому высокому мосту через реку. Мост состоял из нескольких бревен, перекинутых с одного высокого скалистого берега на другой, обложенных сверху плоскими камнями и присыпанных грунтом, без перил.

Кто-то на гюю-киме вскочил на ноги и закричал:

— Останови! Валлах, погибнет лошадь!!

В это мгновение навстречу обезумевшей лошади Нины, широко расставив руки, бросился Ади. Он дико закричал, одним прыжком бросился на шею лошади и повис на ней, — ухватившись за ремешок уздечки. Лошадь громко заржала,

встала на дыбы, пытаясь передними копытами сбить с себя неизвестного человека.

Подоспевшие Рот и нукеры успели подхватить под руки потерявшую сознание Нину. Алисултан быстро перехватил уздечку из рук Ади и, оттеснив его в сторону, стал отводить все еще испуганно хранившую лошадь подальше от края пропасти. Один из нукеров, размахивая камчой, разгонял набежавших со всех сторон мальчишек, то и дело повторяя:

— Вот узнаем, кто сделал, и побьем, как ослов, это так не пройдет.

Став на землю, Нина пришла в себя и беспомощно оглянулась, чтобы посмотреть на своего спасителя, но увидела лишь его спину. Подобрав что-то с земли, Ади быстро уходил по высокому узкому мосту на противоположный берег, где в пойме реки у ивы была привязана Деликуш.

Старики, женщины, молодежь, видя что все обошлось и русские отделались лишь испугом, все качали головами и повторяли: «Женщина не должна ездить впереди мужчин, тогда с ней ничего дурного не случится».

14.

Мирзаали ждал Нину с отцом на гую-киме, чтобы после возвращения из бани пригласить их к себе в гости. Это у него вырвался невольный крик, когда он увидел, как испуганная лошадь понесла Нину к пропасти над Ахцахвацом. И он же воздел руки к небу, благодаря Всевышнего за спасение столь прекрасного создания, каким считал Нину.

— Садака (милостыня) — за мной, — произнес он, беря Нину за руку и приглашая всех в гости. — Ади — настоящий джигит! Молодец! Моего родственника сын... — хвалил парня Мирзаали, широким жестом гостеприимного хозяина показывая дорогу в сторону своего дома.

К Мирзаали отправились Рот и Нина, их спутники знали, что кази лишь с ними жаждет видеться и говорить, поэтому благоразумно отказались от приглашения. Алисул

тан сказал, что подождет у родственников и поскакал по длинной узкой улице мимо дома Мирзаали. Госпожа Жорж успела шепнуть Нине:

— Ты у «своего» Мирзаали узнай, что увиденный тобою сон означает, говорят, у него древние книги есть — толкователи снов.

У Мирзаали все было готово для приема дорогих гостей. Он уже второй год жил без жены, умершей от какой-то непонятной внутренней болезни. Поэтому его домашнее хозяйство вели замужние дочери и родственницы, по очереди приходившие к нему в дом, они готовили еду, прибирали в комнатах и уносили с собой постирать его белье.

Каждая из них по-разному относилась к чувствам своего известного далеко за пределами села родственника к семнадцатилетней «матишке»: одни осуждали, другие, наоборот — гордились, мол, вот каковы наши мужчины — крепки и в старости! А были и такие, кто рассуждал философски: «Если породнятся лезгинский кази и русский начальник — хорошо будет для всех нас». Но, независимо от своего мнения и отношения к происходящему, женщины сделали все как положено: гости ведь — посланники Аллаха.

Приготовили хинкал со свежей бараниной, особый вид долмы: вымытый желудок ягненка набили субпродуктами с курдюком и рубленым мясом, абрикосовой и сливовой курагой, молотым барбарисом, перцем, кинздой, пряными горными травами, затем зашили отверстие нитками и сварили целиком в глиняной кастрюле — чапаке, на медленном огне. И для шашлыков нарубили поленья фруктовых деревьев и ошкурили ивовые прутья на вертела. Большая скатерть, постеленная на полу, и столик рядом были заставлены глиняными мисками и блюдами с яблоками, грушами, сливами, сушеными абрикосами и вишнями, изюмом, брынзой, янтарным медом в сотах и зернистым, так называемым «головным» медом, который пчелы откладывают на зиму для весеннего расплода.

Хотя гости хорошо закусили после бани, да и после случившегося происшествия было не до еды, тем не менее,

Федор Филиппович и Нина, чтобы не обидеть гостеприимного хозяина, отведали понемногу всего, что предлагал им радушный Мирзаали, который, по обычаю гор, первым пробовал каждое блюдо, а затем настойчиво предлагал кушанья гостям, пододвигая их поближе к ним. Мирзаали успокоился лишь после того, как отец с дочерью попробовали каждое из выставленных угощений.

Посетовав, что гости ничего не поели, он крикнул в открытую дверь женщинам, чтобы принесли кумган с водой для омовения рук после еды. Помыв руки над медным тазом, гости вытерли их о чистое льняное полотенце и перешли в кабинет Мирзаали. Здесь пахло книгами и Нина искала в кармане носовой платок, чтобы вытереть зачесавшийся нос, но не нашла его.

В полутемной комнате размещалась богатая библиотека, здесь хранились сотни рукописных томов древнейших авторов со всего Востока, в темных твердых переплетах.

Мирзаали показал на подставку, на которой покоялась необычайно большая и толстая книга:

– Вот это – «Ахты-наме» – книга об истории Ахты, этой долины и всей Кавказской Албании с самого возникновения этого государства. Книга первоначально была написана на лезгинском языке албанским алфавитом, похожим на армянский. Когда появились у нас алимы, хорошо знающие арабский, книгу перевели и переписали в нескольких экземплярах. А старые книги уничтожили, как написанные кафирскими буквами.

Нина подошла к книге и хотела ее взять в руки, но не смогла даже оторвать от подставки, настолько она была тяжелой.

– Я не в силах даже сдвинуть ее с места, – удивленно промолвила Нина.

– В ней тысяча страниц, написанных на тонкой мягкой коже, выделанной из телячьих шкур, – сказал Мирзаали, осторожно касаясь пальцами древней книги.

– Мне надо обязательно прочитать ее, я хочу написать историю этого края! Вы мне переведете, что там написано?

— Твои просьбы для меня — повеления небес, распространение знаний самое святое дело для мусульманина. Я к твоим услугам в таком важном деле. Ведь войны происходят между людьми и народами из-за непонимания. Вот увидишь, когда лезгины и русские хорошо узнают друг друга и станут понимать друг друга — они заживут как братья, одной семьей. Ведь мы все дети Адама и Евы и над нами один общий Всевышний, которого мы зовем Аллахом, а вы — Богом. Мы отличаемся друг от друга только языком, одеждой и обычаями. Уверен, через два-три поколения у нас все будет общее, а потом русские тоже станут мусульманами.

— Откуда такая уверенность? — скрывая усмешку в голосе, спросил тихим голосом Рот, который был не православным христианином, а католиком-лютеранином.

— Русский князь, который начал вводить единобожие на Руси, был уверен, что самая нужная и полезная для русского народа и его государства религия — это ислам. Но он не смог убедить других князей отказаться от пития вина. Только из-за этого было принято христианство, потакающее таким слабостям человека, которые ведут к преступлениям.

— Ой, как интересно! — воскликнула Нина и, повернувшись к Мирзаали, продолжала: — Вы мне все-все расскажите, я все запишу и издам книгу. То, что вы знаете, даже в Петербурге не знают еще.

— Всем все знать невозможно, все знает только наш единый Всевышний, — подавляя в себе радость оттого, что сумел произвести впечатление на благоухающую чистотой и духами прекрасную Нину, смиренно произнес Мирзаали.

— Скажите, Мирзаали, откуда появились здесь лезгины, что про это написано в этой большой книге? — с любопытством спросила Нина.

— Здесь написано, что лезгины с древних времен жили и живут везде, и здесь, в горах Кавказа, и там, где появилась Турция, что в Индии есть вилаят лезгинов. Эта книга говорит, что лезгины-хурии подарили Египту бога солнца Ра, лезгины-кассы, правящие Вавилонским царством, много веков держали в своем плену весь еврейский народ, и они

переняли знания о создании богом земли и человека, о всемирном потопе, о законах божьих.

— Выходит, основы христианства, а также иудаизма — оттуда, из Вавилона, так, что ли? — недоверчивым голосом спросил Рот.

— Так говорит самая древняя книга, которую я когда-либо держал в руках, — развел руками Мирзаали..

— А про немцев, а про англичан, а про русских что-нибудь написано в ней? — посмотрела Нина с почтением на темную книгу.

— Начальные страницы книги трудно понимаются, и буквы какие-то другие, на румские (римские) похожие места тоже есть, но я этот язык не знаю. Но дальше, где какие-то места повторяются албанскими буквами и лезгинскими словами, такие у нас в некоторых далеких селах встречаются, можно узнать, что все люди, все народы от одного отца — Этема (Адама). Этэм означает по-лезгински и мужчина-самец, и носитель семени (тым). А Хая (Хава) означает — рожающая, самка, мать.

— Выходит, все люди на земле — от лезгин? — усмехнулся Рот.

— Об этом в книге ничего не сказано.

— А немцы, а англичане, а другие? Что о них написано в этой темной книге? — снова повторила свой вопрос Нина.

Мирзаали поднял голову и задумался, потом сказал:

— Сказано, что в сторону захода солнца пошли какие-то вожди со своими народами, когда климат там потеплел и стала расти обильная трава для скота. А кто они, имя народов, ушедших на запад и север, не встречал. Ты приходи, мы вместе почитаем эту книгу и ты запишешь все, что тебе будет интересно, — сказал Мирзаали, заметив, что женщины принесли в кабинет и поставили на стол фрукты и сладости, затем чай в стаканах. Мирзаали пригласил гостей к столу. Когда все сели на табуретки, он пододвинул к гостям мед в большой глиняной миске, покрытой глазурью.

Рот начал разговор со слухов о возможном нападении Шамиля на Самурскую долину, чтобы узнать мнение кази Самурского округа.

— И раньше присыпал Шамиль письма с подобными угрозами, и сейчас посыпает, — рассуждал Мирзаали. — Напасть они могут, но победить — нет. Благоденствие нашего народа не от войн, не от газавата, а от мира, торговли, от изучения наук друг у друга зависит. Пока русские и лезгины живут в мире — это идет на пользу всем нам.

— Достойные слова, Мирзаали. Дай наш общий Бог, чтобы все горцы думали так, как ты, — соглашался довольный услышанным Рот.

— Многие у нас это понимают, но произойдет это не скоро, — грустно улыбнулся кази, — Ведь немало людей живетвойной и набегами, это дает им хлеб насущный. Но когда-нибудь люди будут жить как братья, в мире и согласии, как мечтали об этом ваши Пушкин и Лермонтов, наши поэты Етим Эмин и Саид Кючхир...

— И вы,уважаемый Мирзаали! — продолжила Нина.

— Я стал поэтом, увидев тебя, Нина. Теперь я напишу большой диван стихов о любви, красоте, о жизни и смерти, о прошлом, настоящем и будущем. В моем сердце загорелся большой огонь любви лишь теперь, такова воля нашего Бога. Я вновь чувствую молодость за плечами, как и полвека назад. Я только теперь познал вкус жизни, я понял: рай может быть на земле, если ты встретил единственную, созданную Всевышним для тебя одного женщину.

— На все воля Господа нашего, — ответил за Нину Рот и опустил голову.

Мирзаали посмотрел на Федора Филипповича, пытаясь понять, что скрывается за его словами. Нина же, догадавшись, что батюшка не желает говорить об этом, поспешила сменить тему беседы, как их учили классные дамы Смольного института.

— Я видела сон. Будто в ваших банях, куда мы ездили, кончилась вода и они опустели, без людей и без воды. И я в бане осталась одна, без спутников, не могла отыскать выхо-

да и выйти наружу. Тогда я нашла лестницу и через отверстие в каменном потолке вышла наверх и на крыше бани увидела большого павлина, распускающего свой многоцветный хвост. В Ахты я вернулась не на лошади, а на большом грибастом льве. Вот такой странный сон приснился. Ни одна из офицерских жен не смогла отгадать его. Мне они посоветовали рассказать сон вам, уважаемый Мирзаали, и попросить вас растолковать его по вашей книге снов...

Мирзаали легко вскочил на ноги, подошел к нише в стене, достал тяжелую книгу в темном переплете, потерпевшую от частого использования. Кази долго ее листал, поглядывая то на Нину, то на Федора Филипповича, открывал то одну, то другую страницы, читал их и вздыхал. Наконец Мирзаали поднял голову и стал говорить грустным голосом:

— Твой сон, Нина, предсказывает войну, горе и страдания. Но затем, — заглянув снова в книгу, а затем в глаза Нины, сказал Мирзаали, — возле тебя, Нина, объявится тот, кому ты предназначена в жены свыше, и он должен спасти тебя. Потом вы будете возвышены самим падишахом. Трудности ждут вас большие, но все унесет река, вы потом будете довольны своей жизнью, — закончил упавшим голосом толкование сна Мирзаали.

Нина широко раскрытыми глазами все продолжала смотреть на темные листы книги перед Мирзаали, надеясь услышать еще что-то о своей грядущей судьбе, а ее отец усмехнулся и молча покачал головою. Федор Филиппович еще по службе в Бессарабии знал, что гаданиями тамошние цыгане лишь дурачат доверчивых женщин, выманивая у них яйца, сметану и хлеб. Но комендант ничего об этом не сказал уважаемому кунаку Мирзаали.

15.

В главной мечети Ахцаха — Джума-мечети вечером собралось много народа. Сюда были приглашены представители всех вольных обществ Самурской долины. Когда в

мечети стало тесно и душно от прибывающих, то перешли на гую-ким, обычное место собраний и сходов.

Подождав еще немного, аксакалы решили, что все, кто должен прийти, пришли. На середину вышел Абдулгани, поднял руки и, произнеся «Фатеха!», — прочитал молитву, провел руками по бороде и, выждав, пока все завершат молитву, громким голосом обратился к собравшимся:

— Джамаат! (народ!) Когда все мусульмане Кавказа ведут священную войну против гяуров, мы терпим на своей земле их крепости, едим и пьем вместе с ними, смотрим на гяурских женщин, торгуем с гяурами. Скоро сами вы все станете ими! Трудно будет отличить мусульманина от гяура.

Услышав такие слова, одни старики согласно закивали головами: мол, истинно так! Другие, наоборот, своими движениями давали всем понять, что они не согласны с подобными рассуждениями, которые не доведут народ до добра. Но вся ахтынская молодежь в один голос закричала: «Дузз!! (Верно!) Враг должен быть уничтожен!» И здравомыслящим старикам ничего не осталось, как притихнуть и слушать, что решит всегда жаждущее драк, скандалов и войн большинство села, которое жило бедно и в войнах и грабежах добывало кой-какое пропитание семье.

— Мы вольные люди, а не рабы русского царя! Почему мы должны спрашивать разрешения у афсера (офицера) или старшины, если надо поехать к кунаку в соседнее село? Почему мы должны давать лошадей для доставки для нас же вредных приказов начаников (начальников) по селам?

— С каждого ста овец — одну отдавать царю! Почему у урусов такой бедный и голодный царь? Пусть приедет и живет у нас — мы его одного как-нибудь прокормим, но его пузатых офицеров и чиновников кормить не будем! Пусть у себя, в Урусате (России) со своими «матицкими» пасут своих донгузов (свиней) и жрут это кафирское (нечестивое) мясо сколько хотят, а наших бааранов мы сами как-нибудь съедим без них!

— Люди потеряли ях-намус (закон чести), — продолжал Абдулгани, переждав возгласы собравшихся, принимают у

себя гяуров как родных, иной раз не отлишишь, где истинный мусульманин, а где неверный. Я много говорить не буду, вы и так все знаете. И тех, кто слишком уважает гяуров, знаете! Вот они пришли и сидят на самых почетных местах гю-кима, слушают все, что мы говорим, чтобы завтра побежать и все рассказать своим урусам!

Собравшиеся высказывали свои мысли горячо и сердито, хотя никто и не приглашал их выступать, но каждый житель вольного общества считал, что он имеет такое право как свободный, независимый член этого общества и молчать он не должен, ибо это грех, приравниваемый к проступку того человека, кто увидел ядовитую змею и не убил ее, это трусость и предательство молчать тогда, когда каждый должен открыто и смело сказать все перед народом.

Абдулгани подождал, пока ораторы выскажут свой гнев, и когда они начали повторяться, решительно вышел на середину гю-кима и высоко поднял руку, требуя тишины.

— Я привез вам письмо от шейха Шамиля, имама правоверных! Прочтите сами. Здесь все написано.

Абдулгани достал письмо из медного газыря черкески и протянул послание в ту сторону гю-кима, где сидели алимы и муллы в высоких папахах. Но никто не решился прочитать и перевести написанное на арабском языке письмо на лезгинский, ибо все читать-то по-арабски — читали, но переводить толком не умели. Сам Абдулгани умел метко стрелять и ловко рубить шашкой, но не умел читать, хотя со всеми ахцахскими мальчишками несколько лет бегал в примечетскую школу. Устаз Джамалутдин пересказал ему содержание письма на лезгинском и Абдулгани запомнил его наизусть, слово в слово, тем не менее, он не стал придавать себе вид человека, владеющего арабским языком, ведь его одногодки, да и многие ахцахи помнили наверняка, чему он обучен, а что не может знать.

— Пусть Мирзаали-кази прочтет!

— Переводить точно может только он!!

Абдулгани не стал подходить к кази, и сам Мирзаали не встал за письмом Шамиля. Это сделал чауш (посыль-

ный), которого подтолкнул Нурмагомед: такое упрямство на людях выглядело несерьезным мальчишеством.

Кази разгладил письмо на коленях и, проворчав, что неуважение к имаму так скомкать его послание, велел принести лампу или чираг: наступил вечер и при лунном свете читать было трудно.

— Когда нам надо, ты ничего не видишь! — закричал кто-то из темноты.

— Вместо солнца и луны видишь только черные косы «матишки»!! — донеслось оттуда же.

Но Мирзаали не стал отвечать на едкие слова односельчан, а молча улыбался тому, что ахцахцы просто завидуют ему. Из дома Лачина, расположенного рядом с гадеканом, привнесли русскую лампу со стеклом, купленную в крепости.

Кто-то начал было ворчать, что родного чирага не осталось, но на него зашикали: «Какая разница, чья лампа, главное, чтобы читать можно было. Разве ты на охоту не берешь русские патроны?»

Мирзаали несколько раз прочитал письмо про себя, затем вслух, и, наконец, когда начали раздаваться нетерпеливые возгласы, встал, сделал шаг вперед, подождал, пока стихнут разговоры и после этого обратился к собравшимся:

— Джамаат! Я прочитаю вам то, что пишет Шамиль, а потом подумаем, что для нас всех полезно, а что вредно...

— Нечего думать! Хватит думать!! Пора взяться за дело! Читай скорей! Мы Шамиля хотим слышать, а не тебя!

— Джамаат! Слушайте слова имама Шамиля! — не выдержал Абдулгани.

Наконец собравшиеся притихли, и в наступившей тишине Мирзаали стал читать письмо имама, составленное Джамалутдином и скрепленное печатью имама:

«От Шамиля ахцахскому джамаату салам!

Русские обманом и ласками покорили вас и сделали мирными. Ваши люди готовы стать их подданными, сменить кинжалы на штыки, воюют на стороне русских про-

тив братьев своих. Сегодня они отдали себя, завтра их жен заберут. Я приду к вам с шашкой и Кораном. Нечестивцам головы снесу! Крепость сожгу!! Кто со мной, тому и на этом свете, и на том воздастся. Тем, кто не со мной, сожгу дома! Сами они будут забиты до смерти! Их жены и дети будут отданы другим!"

Мирзаали замолчал. Чей-то сердитый крик из темноты нарушил наступившую тишину:

– Все прочитал?!

– Что написано, все прочтено верно, – подтвердил Абдулгани. – Какой будет ответ имаму?

– Крепость долой! Налог долой! Начальников и русских, и наших – долой! Пользы от них народу – никакой.

– Крепость уничтожить!!

– Мы свободные уздени!

– Над нами, кроме Аллаха, никакого начальника не должно быть!

Один из стариков встал и предложил:

– Пусть Мирзаали-кази скажет, как поступить, что ответить дорогому имаму! Пусть скажет самый ученый среди нас!

– И самый влюбленный в урус Ниине! – продолжил кто-то и все засмеялись.

Мирзаали вышел на середину майдана. У него был спокойный и впечатльный вид, казалось, обидные выкрики его не касались.

– Когда джамаат решает, быть или не быть войне, быть или не быть молодым живыми и здоровыми, целыми нашим домам, нашему скоту и достатку, тут шутки неуместны. И грех завидовать тому, кому Всевышний ниспоспал райское чувство, придет время, за вашу верность и терпение и вы получите свое, предназначеннное вам свыше в лучшем из миров, куда со временем мы все и уйдем.

– Кази и муллы и в этом, и в том мире все, что хотят, получают, остальные – лишь когда их заколают в землю, – сказал кто-то из темноты.

— Кончайте ненужные разговоры! О деле, ради которого собрались, надо говорить! — крикнул Абдулгани.

— Когда касается кази, и пошутить нельзя... — попытался продолжить кто-то, но ему не дали договорить, все хотели послушать, что скажет ученый человек по существу дела.

— Тридцать лет назад наши деды поклялись в верности русскому царю. Так?! — спросил громко Мирзаали, обводя собравшихся большими глазами.

— Тогда не было крепости! Не было налогов! Не было начаников! В этом никто не клялся! — раздалось несколько возмущенных голосов. — Цари свое слово не сдержали. У них, что обещал один царь — другой назло нарушает, поэтому никто их обещаниям и клятвам не верит.

— Правильно говорите! — поднял руку Мирзаали. — Но тогда не было и газавата, не было насильного насаждения шариата, запрещения адатов, грабежей наибами и мюридами.

— А налоги?! Почему мы должны давать из ста овец одну русскому царю, когда самим не хватает?! Что Николай нам хорошего сделал?!

— Если бы не было русских войск и милиции, мы теряли бы больше...

— А что с ним говорить! Он хоть и алим, но не для нас, а для урусов!

— Воевать!!! — закричали сильными задорными голосами молодые.

— Десять лет назад я сам призывал вас к войне и вместе с вами и Ших-мулой и Агабегом мюхатским воевал с войсками генерала Головина, и дали мы им три дня подряд такой бой, какой они еще не видели в горах Кавказа. Они сами до сих пор называют Аджиахурское сражение «вторым Бородино», первое Бородино у них было с Наполеоном французов. Тогда мы не пустили их к себе, хотя нас было вдвое меньше и у нас не было пушек, как у русских. Мы не выдали русским наших братьев из Кубы, которые подняли восстание против царских войск, побили немало их и скрывались у нас. Тогда Головин не смог одолеть нашу силу и отступил

пил. Но потом, через год, когда многочисленные царские войска окружили нас и со стороны Шеки, и со стороны Кумуха, и по обоим берегам Самура, захватили весь наш скот на зимних пастбищах, скажите, что оставалось нам? Или погибнуть всем, или смириться и сохранить свои силы? И тогда старики сказали, что нельзя губить весь народ, придется на время свинью назвать отцом, смириться перед силой. Что и было сделано. И за десять лет ничего не изменилось. Мы живем мирно, перегоняем скот свой на шекинские пастбища. Шекинцы платят нам оговоренное количество зерна и денег. Главное – нет войны, и народ приумножается, копит и сохраняет силу свою. Разве это не благо для нас?! Кому польза, если мы все погибнем?

Джамаат притих, задумываясь над словами ученого.

Поняв, что Мирзаали уводит разговор в другое русло, Абдулгани решительным жестом поднял руку и громким сердитым голосом обратился к джамаату:

– Мы не дети и собрались здесь не для того, чтобы слушать сказки людей, которые на службе у урусов. Они могут сказать только те слова, которые выгодны нашим врагам. Мы собрались, чтобы послушать слово великого нашего имама, ответить на его благочестивое для нас письмо и дать ему ответ, достойный подчиненных только Аллаху правоверных. Что вы скажете на письмо имама?! То, что говорит кази, вы и без него хорошо знаете. Пришло время дела, длинные слова пусть говорят и слушают трусы. У мужчин слово должно быть коротким, как удар кинжала, как меткий выстрел.

На середину майдана широкими быстрыми шагами вышел худощавый, широкоплечий Молла-Магомед, старшина Кузайской (правобережной) стороны Ахцаха, в серой черкеске, с тяжелым кинжалом, длинной саблей, с двумя пистолетами на поясе, и громким, не теряющим возражения голосом крикнул:

– Передай имаму Шамилю, что мы все готовы стать под знамя газавата! Пусть придет Шамиль – мы камня не оставим от крепости! Пусть привезет пушки, остальная сила у

нас есть! Верно я говорю, Ляли-бег?! – обратился Молла-Магомед к старшине Гюнейской (левобережной) стороны Ахцаха, плотному коренастому краснолицему Ляли, который с важным видом сидел на гую-киме среди стариков, рядом с Мирзаали.

Старшина Ляли-бег медленно встал, оглядел всех людей, затем посмотрел на стариков и как бы нехотя ответил;

– Я, как все, как наш джамаат скажет, так и поступим. Они нас с тобой выбирали старшинами, мы и обязаны этому джамаату подчиниться. Вассалам-вакалам! Других слов у меня нет!

Поняв, что решение джааматом принято, тут же решительно поднялся с гую-кимского почетного места немногословный силач Магомед-Наби и спокойным уверенным голосом предложил:

– Тогда уважаемым людям надо лично съездить к имаму, своим авторитетом подтвердить нашу просьбу и пригласить Шамиля с его войском и пушками!

– Правильно! Утром и выезжайте! Главным пусть будет Магомед-Наби! – Скажите имаму, осень наступает! Когда снег закроет дороги – как воевать будем? – закричали со всех сторон.

– Это мнение, всех?! – крикнул Абдулгани.

– Всех! Всех!!! – громкие решительные крики молодых заглушили рассудительные, но тихие голоса стариков и пожилых.

– И твое мнение, почтенный кази? – повернулся Абдулгани к Мирзаали.

– Смуту сеете и бросаете овечье стадо в пропасть, ты и твой Шамиль! – Мирзаали встал и пошел домой.

– Убить его! – крикнул кто-то.

– Успокойтесь! – запротестовал кое-кто из стариков. – А вдруг имам не придет или, еще хуже, не возьмет крепость – кто за нас заступится перед русскими?! Кушая сегодняшний хлеб, надо думать и о завтрашнем, – пытались они убедить молодых, но их никто не хотел слушать. Разгоряченные разговором о предстоящем взятии крепости и желая как

можно скорее начать штурм, молодые были готовы тут же расправиться с каждым, кто пытался отговорить их от такого славного дела.

16.

Из Ахты к Шамилю прибыли представители знатных родов во главе с Магомед-Наби. Шамиль принял их радушно.

— В Ахтах все давно ждут тебя, имам. Мы будем слушаться тебя. Все джамааты — Ахтыпары, Даггузары и Алтыпары, все жаждут твоего приезда, имам!

Шамиль уже отдал распоряжение наибам собраться в Заибе рядом с Голотлем, чтобы оттуда в четверг четвертого шаввала выступить в Ахты с девятью тысячами воинов.

— Чему быть, того не миновать! — сказал Шамиль ахтынцам. — Я пошлю к вам Даниель-султана, который давно уговаривает меня. И других наибов пошлю. Будет на то повеление Аллаха, и я сам приду к вам. Мне надо видеть не только одну вашу сторону, а все стороны вокруг себя. Аргут — армянка хитрый, но нас ему не обмануть.

Абдулгани что-то горячо зашелпал на ухо Магомеду-Наби, после чего тот, глядя в глаза Шамилю, громко произнес:

— Мы все готовы захватить и снести проклятую крепость. Но без твоей помощи, без тебя, имам Шамиль, без твоих пушек нам будет трудно! Мы начинаем святое дело! Ждем тебя и твое доблестное войско на богоугодное дело!

— Инишаллах! — еле заметная улыбка мелькнула на губах Шамиля и он поднял руки для молитвы, давая понять, что разговор окончен и любое начинание находится во власти Всевышнего.

После отъезда Магомеда-Наби с делегацией имам послал Даниель-султану приказ идти в Ахты, а сам выступил с войском из Телетля к горе Дюльты, откуда можно было, смотря по складывающимся обстоятельствам, ринуться и на юг, и на север.

Три отряда мюридов во главе с Даниель-султаном вторглись 27 августа в долину реки Кара-Самур и попытались захватить у жителей села Ихрек отару баранов на свое пропитание. Ихрекцы не стали мириться с этим и, запершись в своих домах, оказывали отчаянное сопротивление мюридам Даниель-султана, пока не подоспела им на помощь тысяча самурских милиционеров.

В небольшом селении Кина и других мюриды отняли у населения и съели всех быков и коров, лишь небольшие отары овец чабаны успели перегнать через Кавказский хребет в сторону Нухи, и, разбив на небольшие партии, укрыть в лесистых горах.

Десять дней потерял Даниель-султан в пути от Ихрека до Хурюга, это расстояние даже груженные солью и нефтью караваны проходили за два дня. В каждом селе, которых было немало на пути Даниель-султана, резали скот, варили и ели вволю мясо, а не желавших отдавать, порой единственную корову или быка, причисляли к неверным и наказывали по шариатским законам.

Даниель-султан, не решаясь приблизиться к Ахтам и Ахтынскому укреплению, три дня, с 9 по 12 сентября, отыхал с войском в Хурюге, заставив жителей этого большого села строить ненужные завалы, убеждая их, что он послан Шамилем оборонять Хурюг, который теперь войдет в состав его Илисуйского султанства.

По всей Самурской долине запылали костры. Мужчины седлали коней и, вооруженные, присоединялись к отрядам, возглавляемым лезгинскими мухаджирами, воюющими в войсках Шамиля и закаленными в боях с неверными. Старики, женщины и дети брали с собой самое необходимое и уходили в горы, леса, пещеры, словом, туда, где можно было бы укрыться от войны и грабежей. Для них теперь все, кто был с оружием, будь то мюриды или русские, были грабителями, готовыми отобрать все, что можно съесть, что можно унести с собой и продать. Ибо знали, что таков закон войны, если можно назвать законом грабежи и убийства.

17.

Полковник Рот, получив сообщения лазутчиков о приближении неприятеля, собрал офицеров на совет.

— Ну, слава Богу, конец тяжкой скуке! — радовались молодые офицеры, в большинстве своем приезжавшие на Кавказ за приключениями и чинами, и поэтому давно тяготившиеся мирной однообразной службой в маленькой крепости с двумя десятками офицеров и несколькими женщинами, их женами.

— Дело будет горячее... — сдержанно говорили пожилые, не раз побывавшие в переделках.

— Дождались! — не то с одобрением, не то с сожалением добавляли третьяи, которые желали живыми и здоровыми выйти в отставку и прожить оставшуюся жизнь в своих поместьях, растя детей, а если Бог даст, может, и внуков.

— Куда им до наших стен и наших пушек! — храбрились молодые.

— Будет нажива, горское оружие нынче в цене! У них винтовки, видел какие, нарезные, аглицкие, дальше наших бьют. Поэтому и ценятся дороже, — рассуждали более практические.

— Не радуйтесь! — рассердился Рот. — Не надо бахвалиться перед боем, не к добру это. Людей мало у нас.

— Да полноте, Федор Филиппович! О чем забота? Картечью всех разнесем. Не осмелятся они пойти против наших пушек. Да и ахтынцы вряд ли перейдут на их сторону — столько лет мирно живем, — стали успокаивать коменданта офицеры.

Но Рот беспокоился не о себе.

— Хотел бы я ошибиться... Увидим...

Прибежал унтер-офицер и сообщил, что неприятель находится недалеко от крепости и уже слышны тревожное ржанье лошадей и вой собак. Офицеры с комендантом поспешили на западную стену, обращенную к верховьям Салмурской долины. Было темно, стояла тревожная тишина, нарушаемая гулом реки, непонятными и редкими криками

не то зверей, не то людей. Вернувшиеся из разведки рядовые говорили, что собаки жмутся к людям, будто почуяли волков.

Враг в наступившей темноте медленно и скрытно приближался к крепости. Во всем Ахты не видно было ни одного огонька, будто все живое во всей округе вымерло. Лишь на вершинах гор полыхали огромные костры. Пришедшие в крепость состоятельные ахтынцы, около сорока человек, которые служили русскому государю, рассказывали, что Шамиль перед заходом солнца вошел в село и его войско идет и идет по обоим берегам Самура, чтобы обложить крепость кругом.

Рот выделил пришедшим наиболее безопасную от пуль и снарядов казарму, а нукерам и милиции велел перейти в селения, расположенные ниже крепости по долине Самура, чтобы обезопасить подход подкреплений и защитить жителей от грабежей.

Рано утром к крепости подошла большая группа ахтынцев, требуя оружия и пропуска в крепость, чтобы защищаться от мюридов. Рот поверил было ахтынцам, но Мирзаали с рутульским старшиной отговорили его от этого, хорошо зная истинные цели пришедших. Тогда те стали возмущаться, что русские бросили их на разграбление, и стали просить у коменданта двадцать тысяч патронов, чтобы хватило расправиться со всем шамилевским войском. Рот размыслил и приказал выдать три тысячи. Но когда нукер с патронами отъехал от ворот крепости на версту, его с веселым гиканьем окружил конный отряд ахтынцев и отобрал все боеприпасы.

Рот всю ночь сокрушался из-за этого инцидента, ему было стыдно перед Мирзаали и теми офицерами, кто был против выдачи патронов. «Обманули как мальчишку, тупого немца! Даже русский пьяница лучше соображает, чем ты, едрена прусак!» – сам себя в душе укорял Рот, недовольный еще и тем, что вызвал в эти столь опасные места ни в чем не повинную дочь.

Нина заварила было ему крепкий чай, но Федор Филиппович даже не прикоснулся к кружке. Он все обходил и обходил крепость, все качал головой и повторял про себя, чтобы не слышал никто: «Обманули азиаты чертового европейца, как доверчивого олуха, хренов покоритель Кавказа! Им же без вольного распоряжения собственной судьбой не нужны никакие блага цивилизации, да они и не считают благами это курение табака, распитие вина и непозволительное, с их точки зрения, обхождение с женщинами».

Ночь прошла в тревоге, никто в крепости не раздевался и не спал – ждали ночного штурма.

Рано утром, перед восходом солнца, комендант при всех своих Георгиевских крестах, полученных за военные отличия, построил весь гарнизон на плацу крепости и стал наставлять солдат и офицеров перед уже неизбежным штурмом.

– Кто будет бояться, тот пропадет! – как можно оптимистичнее, короткими фразами, как Суворов, твердым решительным голосом говорил комендант.

– На войне побеждает тот, кто не ведает страха!

– Подпускать ближе и бить штыком!

– Против штыка ни один молодец не устоит. Азия не любит штыка.

– Но если горец схватит за штык, береги голову от кинжала!

– Не торопись! Выжидай врага! А потом коли смело!

– Азиаты – народ хитрый! Бравый народ! Воевать умеет! Глядите в оба!

Но атаки мюридов все не было.

– Чего они мешкают?! – удивлялись молодые.

– Пушек, шрапнели не любят есть азиаты! – подкручивали усы бравые артиллеристы.

– Накапливают силу! Может, и подкопы делают, – озабоченно качали головой пожилые. – Лучше бы они сразу бросились на нас и откатились, получив по зубам.

– Задержка со штурмом нам на пользу, подмога подоспевет, – говорили более опытные.

День прошел в тревожном ожидании и хлопотах по укреплению крепости, проверке пушек, ружей, пороховых зарядов. Рот в глубине души не верил, что горцы, особенно ахтынцы, нападут на крепость, будут стрелять в него и его Нину, в офицеров и солдат, с которыми сдружились, торговали и даже помогали друг другу. Сколько построено дорог и мостов в горах русскими солдатами! По просьбе ахтынцев начато строительство еще одной оросительной канавы, чтобы поливать новые земли. Сколько предотвращено краж и грабежей, угонов скота, междуусобных кровавых сведений счетов! Сами горцы сколько раз повторяли, что с приходом русских жизнь стала более спокойной, с верой и надеждой в завтрашний день.

Многие горцы мало-мальски стали объясняться по-русски, сами заговорили об обучении детей русской грамоте и русским наукам, ведь один Коран мало уметь читать, чтобы стать современным цивилизованным человеком. Неужели все это так быстро забыто?

Все эти доводы не раз повторял про себя старый воин, подспудно чувствуя страх не столь за себя, сколь за свою единственную дочь, которую так глупо поставил в опасное положение, пригласив к себе. Лучше устроилась бы в столице гувернанткой, благо у нее были самые блестательные рекомендации.

Рот, забыв про еду, снова и снова обходил крепость, не находя покоя. Лишь когда солнце скрылось за темными тучами над заснеженными горами, после неоднократных просьб Нины, он зашел в комнату, снял фуражку, усталым движением руки провел по голове и только придинул к себе налитую дочкой кружку горячего чая, как с крепостных стен часовой громко крикнул: – Идут!!

Рот, а за ним и офицеры побежали к стене. В вечерней мгле слышался глухой топот лошадей и пеших.

– Зарядить пушки картечью! – громко крикнул комендант.

— Готово!!

— Ракету!

— Со всех сторон идут на крепость, — прошептал капитан Байдаков.

— Если меня убьют, команду примешь ты... — так же тихо ответил Рот, а затем оглянулся на своих солдат:

— Ну, братцы! Постоим за батюшку-государя! С Богом! Пли!!

Выстрелы разорвали тревожную тишину и окутали стены крепости клубами дыма и пыли. За стенами из темноты раздались глухие стоны, проклятия и брань в адрес русских.

Рот подозвал к себе казака с лихо закрученными усами.

— Я тебе раньше запрещал ругаться по-лезгински, теперь можешь отвести душу.

Краснолицый казак с широко расставленными глазами обрадовался, быстро взбежал на бастион, и, укрывшись за пушкой, начал орать во все горло:

— Ламран хва кицар! Кепеюхлияр!!

Из темноты три или четыре голоса одновременно отвечали:

— Урус! Собак! Свинья! Кахбаяр!!

— Хады суда! Мы твая кабан башка рубит!

— Завтра всех урус Самур хайда!!

В ответ солдаты снова стали палить в темноту.

— Прекратить! — крикнул Рот, поняв, что штурма не предвидится и что к крепости подошли передовые дозоры неприятеля, чтобы следить за осажденными.

— Стрелять нужно с добной прицелкой, а не тратить впустую заряды, лишь ради грома и шума!

18.

Когда взошла луна и на небе зажглись звезды, на гуюкиме собрались уважаемые люди, чтобы послушать самого имама Шамиля.

Шамиль прибыл в Ахты еще до захода солнца, помогаясь в Джума-мечети вместе с уважаемыми людьми, принял их приглашение и вместе с ними поел немного хинкала со свежей нежирной баараниной, поговорил о предстоящем штурме и силах ахтынцев, готовых пойти на штурм крепости вместе с войском имама. Затем, когда стемнело, в окружении сопровождающих его в походе наибов, а также ахцахских авторитетных лиц, пошли на главный гую-ким, расположенный недалеко от Джума-мечети.

На имама, одетого в простую чуху, поверх которой был накинут овчинный белый полушибок, и его свиту в черкесках из дорогой ткани, обвешанных сверкающим золотом и серебром оружием, удивленно глазели с плоских кровель своих домов женщины. Ребяташки чуть ли не лезли под ноги, выясняя, у кого из наибов какие сабля и кинжал, сколько пистолетов, сколько у кого на груди и какие знаки отличия, врученные за храбрость и мужество.

Рядом с Шамилем стояли Даниель-султан и сын Шамиля – Гази-Магомед, а по другую сторону – Магомед-Наби, Абдулгани, старшины Молла-Магомед и Ляли-бег.

Хаджи-Мурат не пришел на эту встречу, сославшись на необходимость готовиться к штурму крепости.

Когда Шамиль поднялся на большой камень гую-кима, все закричали:

– Тише! Слушайте! Имам будет говорить!

Все затихли, и, выждав длительную паузу, будто задумавшись, Шамиль заговорил негромким, но четким и твердым голосом:

– Вы, народ Ахди, храбрый народ! Вы много раз проливали кровь неверных, отнимали у них оружие, снимали с них одежду! Вы одни, десять лет назад, побили превосходящие силы гяуров и прогнали их из вашей долины. Ваша победа обрадовала всех правоверных, вселила в каждого уверенность в свои силы.

До сих пор вы воевали одни, без помощи со стороны. Теперь же знайте: все мы, все правоверные – ваши помощники! Мы пришли по вашей просьбе. Мы вытащим эту

змею (Шамиль указал рукой в сторону крепости) из вашего сердца! Прогоним врага! Надо удалить врагов и среди вас, которые служат неверным! Мой многоуважаемый учитель, святой имам Магомед Ярагский, завещал нам всем вооружиться и вместе идти на газават! Народ без оружия – это не народ, а стадо овец, которым может распорядиться и овладеть любой, кто этого пожелает. Без оружия невозможно истребить врагов, освободить свою землю от неверных!! Для мусульманина, для каждого человека нет ничего священнее, чем свобода! Свобода от царей, ханов, начальников, от неверных, от греховных дел, от всего, что создает среди нас несправедливость, ущемляет нашу свободу. Помните слова Магомеда Ярагского: – Кто не свободен, тот не мусульманин! Молитву покорившегося врагу, склонившего голову перед насилием и несправедливостью, Аллах не услышит! Ибо не свободный человек – это не человек, а жалкий раб, чьи дети также будут рабами, будут незаконными и не смогут стать свободными, ибо мусульманином может называться только свободный ото всех, кроме Аллаха...

Так учил нас имам всех имамов Магомед Ярагский, с его пути мы не свернем никогда. Кто свернет, тот перестанет быть мусульманином, перестанет быть горцем, потеряет право называться человеком.

Все мусульмане должны быть равны! Все мусульмане должны быть свободны, ибо мы покорны только одному единому нашему Аллаху!

Когда Шамиль замолчал, все некоторое время ждали, что он еще скажет, его слова вселяли силу и уверенность в сердце каждого. Ибо нет для ахцахца слов дороже, чем свобода и вольность.

Шамиль, прищурившись, смотрел на рослых, горячих ахтынцев и молчал. Он сказал все, что хотел сказать. Теперь нужно было дело. Ибо только дело придает значение и вес словам имама, словам мужчины.

В наступившей тишине явственнее слышался гул ревущего среди скал Ахцахваца.

Сидевшая вместе с другими женщинами на краю плоской земляной кровли старуха в темной одежде вскочила с корточек, разогнула спину и, указывая костлявой рукой на небо, закричала пронзительно и громко:

– Твоими устами, ших-Шамиль, слово сказал сам Аллах! Много раз твердили этим лодырям, сколько можно терпеть чужую крепость на своей земле, на своей шее? Когда вы отомстите за кровь ваших отцов и старших братьев? С каким лицом вы предстанете перед ними на том свете?!

Но на нее зашикали и мужчины, и женщины, и одна из них отвела возмущенную старуху подальше от края кровли, чтобы ее не видели мужчины на гукю-киме... После гибели мужа и сынов в сражениях с царскими войсками, эта женщина часто заговаривалась и не всегда помнила, о чем возмущенно кричала то ахцахцам, то, подняв кулаки, высокому небу над головой.

На камень рядом с Шамилем поднялся Магомед-Наби.

– Джамаат! Знайте все, к имаму явился во сне сам пророк и велел ему идти в Ахты и разрушить проклятую крепость.

– Джамаат! Видите, имам надел овчинную шубу?! Это намек, имам возьмет крепость и останется в ней на зиму. Имам сделает Ахты своей столицей, как и Дарго. Спасибо тебе, дорогой имам, что ты услышал нас, принял к сердцу нашу просьбу и пришел к нам! Мы клянемся перед тобой сражаться с врагами и умереть до последнего мужчины ради нашего великого дела! Аллах акбар! – крикнул Магомед-Наби и сошел с камня. Он хотя и был назначен в Дарго кадием и преподавал муталимам, но редко сидел на одном месте, часто отправляясь с ахцахскими моджахедами в набеги на русские войска по лезгинской кордонной линии.

– Аллах акбар!! – крик собравшихся эхом пронесся по суворым ахцахским горам, распугав усевшихся было на ночь в свои гнезда голубей.

Женщины на крыше дома вдруг вскочили на ноги, захлопали в ладоши и, став вокруг старухи в темном, начали

петь слова, которые сочиняли тут же, как привыкли делать при плачах по умершим:

Пришел, пришел, к нам шейх Шамиль,
Чтобы крепость русскую разрушить!

На поющих женщин снизу закричали мужчины:

– Молчите! Имам не любит песен!

Но все вдовы, сбившись на плоской кровле в тесный круг, все повторяли и повторяли в исступлении слова о том, что пришел Шамиль, взял и разрушил крепость и отомстил за павших в боях с русскими их отцов, мужей и братьев.

19.

Дядя Нурмагомед велел Ади сбегать в горы к Мажиду, чтобы тот отогнал коров и телок в сторону Шалбуздага. Услышав от Ади наставление старшего брата, Мажид поднял голову от костра и широко улыбнулся:

– Кто к нам сунется, а это на что? – он вынул из овчинного чехла новое английское нарезное ружье, которое получил в обмен за угнанных лошадей. Ади взял ружье и прицелился в сторону крепости.

– Я слышал, ты спас дочку коменданта, – Мажид внимательно посмотрел на Ади. – Попроси у него за такое дело патроны.

– Я же не ради патронов спасал ее, – отвернулся от костра Ади.

– Там у тебя и знакомые есть, кому ты яблоки таскаешь.

– Да, есть. Ян – поляк. И Иван – русский, – ответил Ади. – Они оба мои друзья.

– Вот и сходи к ним, попроси патроны. Скажи, мясо дам, мед дам, масло... У нас только шесть патронов. Мы с тобой должны научиться точно целиться из новой винтовки, прежде чем пойдем за гавами (турями). И еще повидай Алисултана, нашего родича. Скажи ему, что сколько хочет овец дам, пусть тоже достанет патроны. Видишь, война

пришла, мы должны защищать свой дом и свой скот. Если будем сидеть сложа руки и лишь молиться, кто-нибудь лучше тебя вооруженный все у нас и отберет.

– А ты, дядя, за Шамиля или за царя? – спросил Ади.

– Я за тебя и за наш род, я за наше богатство, – кивнул тот на телят и коров, лениво отмахивающихся от мух и слепней. – Я за благополучие и справедливость среди людей. Аллах тоже этого хочет.

– А крепость ты не хочешь разрушить?

– Она нашим телятам мешает? Крепость у нас за хорошую цену, как на Шекинском или Дербентском базаре, скот покупает? Покупает! Когда нам с тобой патрон-порох нужен – обмен делает? Делает! Зачем рушить мост, через который люди ходят друг к другу?

– Разве эта крепость не змея в сердце нашего народа? Налоги берет, – повторил Ади слова, услышанные вечером на гую-киме.

– Лучше кормить одну собаку, чем быть зависимым от многих... Наши шакалы, которые много кричат о свободе и справедливости, требуют ее для себя одних, а не для нас с тобою, требуют, чтобы свободно отнимать и есть наше с тобой добро.

– Выходит, ты против имама Шамиля? – недоуменно спросил Ади.

– А что хорошего для моей или твоей жизни сделали наш Шамиль или русский царь? Ты видел что-нибудь полезное от них для таких, как мы, день и ночь работающих? Тебе, сироте, кто-то из них дал кусок хлеба или подарил штаны и сапоги? Они все на нашей шее сидят. Что Шамиль и его наибы с мюридами, что царь с его генералами и писарями. Все они есть хотят за наш с тобой счет, ибо сами пишут не могут или не хотят производить. Они все сами: и Шамиль, и его наибы, и наш Мирзаали, и русский царь, и его офицеры – все для себя на земле рай сотворили. Всем остальным, темному народу, обещают на том свете. Наши фекияр (муллы) и русские кишиши (попы) поют о том же. Сами жрут каждый день за троих, а народу говорят: ты свое

получишь, когда умрешь. Когда в рай попадешь. А какой рай, когда рот и живот сгниют в могиле?

– А ты, дядя, не веришь фекияр?! – спросил Ади, увидев, как дядя Мажид сплюнул сквозь зубы и покачал головой.

– Я верю только тем, кто своими руками и своим трудом добывает свой хлеб. Кто же добывает хлеб языком, словами, обманом и воровством – таким людям никогда не верил твой прадед, Ади, и не верю я. Таким нельзя верить. Фекияр читают людям Коран, а сами не понимают, что означают прочитанное ими. Как таким могу верить?

– Аллаху, ты, дядя, веришь? – холдея от своих слов, тихо спросил Ади.

– Аллаху верю! – громко и твердо ответил Мажид и посмотрел серыми глазами в такие же глаза Ади. – Аллах – это весь мир: небо, звезды, земля, солнце, все, что мы видим и не видим, слышим и не слышим, понимаем и не понимаем, вся наша судьба, рождение и смерть – все принадлежит Аллаху и определяется Аллахом. И никто никогда не знает, почему и для чего это происходит на земле, так угодно нашему Создателю: как мы с тобой пасем скот и овец, так он, Всемогущий, пасет нас и весь этот созданный им мир. Наша душадается и забирается Аллахом. Аллах – строгий отец всех людей на земле, всего живого и неживого. Только ему одному и его законам, данным в Коране, должен подчиняться человек, никто из смертных не может быть возвышен над такими же смертными, как не может овца стать хозяином и повелителем других овец.

– А в любовь веришь?! – смущенно спросил Ади.

– Любовь дает человеку Аллах! – улыбнулся Мажид и, внимательно глянув на Ади, встал от костра и стал отряхивать штаны от пепла.

– Как принесешь патроны, зарежем барабанка, сядем у костра и обо всем на свете с тобой поговорим! И о твоей женитьбе пора говорить, и что мы с тобой должны совершить до этого.

— А говорят, что кто погибнет, когда будет брать крепость, тот сразу попадет в рай, — произнес задумчиво Ади, но Мажид повернул голову в сторону Самурской долины и не ответил. Он не любил пустые, далекие от конкретного дела разговоры. «Мельница не должна вращаться впустую», — часто повторял он слова деда.

— Почему же тогда ни Шамиль, ни его наibы не стремятся погибнуть под пулями и отправиться к райским гуриям? Каждый заимел по несколько жен и не хочет никакого рая? Об этом ты не подумал?

Ветер донес из долины звуки выстрелов, там, где впадала в Самур речка Гарракам, подымались клубы пыли. Приглядевшись, и Мажид, и Ади увидели большой отряд всадников, который двигался со стороны Хурюга и подымался вверх по ущелью, в сторону селения Гра. Другой отряд всадников шел по правому берегу реки, через хутор Калук в сторону Ахты.

— Почему они сразу не бросаются на крепость? Почему расходятся от нее в разные стороны? — спросил удивленный Ади.

— Крепость встретит их пулями и снарядами, а в селах можно наесться до отвала мяса, накормить зерном лошадей. Кто посмеет отказать борцам за веру, — усмехнулся Мажид.

— Говорят, Шамиль обещал девушки тому, кто первым войдет в крепость и пленит Нину и ее отца!

— А ты проберись ночью в крепость и скажи Роту, чтобы отпустил ее с тобой. Мы ее так спрячем, что никто не найдет. Да и патронов возьми у него, чтоб дочку его защищать.

— А это можно, здесь спрятать?! — заинтересованно спросил Ади.

— От тебя все зависит! Мужчина сквозь камень и через сталь должен уметь пройти! Кто жалуется на трудности — тот не мужчина!

Ади сорвался с места и побежал вверх по тропе, к сонам, среди которых паслась Деликуш.

— Эй, ты там поосторожней! — крикнул Мажид вслед племяннику, пожалев о совете, данном ему ради шутки, которую тот воспринял всерьез и сломя голову бросился исполнять.

20.

Крепость со всех сторон была окружена мюридами, но они расположились на достаточном расстоянии от ее стен, чтобы пушечные снаряды не могли достать их. Поэтому костров мюридов не было на узкой береговой полоске с западной стороны, между Ахцахвацом и крепостными стенами, пристреливаемой не только пушками с двух бастионов, но и из амбразур западной стены. Ади, оставив Деликуш дома, в темноте незамеченным пробрался к реке и прямо в одежде прыгнул в бурный прохладный поток, перевернулся на спину и дал течению свободно нести себя, поминутно высывая из воды нос, чтобы набрать воздуха. Такие заплывы он летом с товарищами проделывали не раз, часто проплывали и под водой, взяв в рот камышинки, удивляя следящих за ними караульных на крепостных бастионах. Никто из мюридов не заметил его. Напротив крепости Ади в темноте вышел из реки, низко пригибаясь, добежал до рва, опоясывавшего всю крепость. Вода, которой ров был заполнен до краев, по сравнению с речной, оказалась совсем теплой, и двумя взмахами рук переплыл его, Ади очутился на узкой кромке осыпающейся каменистой земли между рвом и основанием крепостной стены. Он прокрался в сторону, где начинались окна казармы с двумя рядами решеток из толстых кованых стальных прутьев, поднял камешек и постучал трижды в наглухо закрытый изнутри ставень, как это делал не раз и в прошлом, когда доставлял Яну и Ивану то сущее мясо, то большие куски желтой брынзы.

Ставень приоткрылся и через щель послышался строгий голос:

— Кто?

— Иван хочу! Ян хочу! Алисултан хочу! Скажи, Мажид послал! Скажи, Ади пришел! Скажи, разговор есть! Скажи — мясо есть.

Через некоторое время со стены послышались голоса и вниз спустили толстую веревку, по которой Ади быстро вскарабкался наверх.

— Ты как добрался сюда?! — не то радуясь, не то с испугом спросил Ян. — Иван в карауле у ворот. Я видел, как ты ползком пробирался к крепости, сразу узнал и не стал подымать шума. — Ян хотел еще что-то сказать, но, увидев подошедшего Алисултана, замолчал.

— Мажид говорит: патрон дай — овца дам. Сыр, полный цел (бурдюк), дам, — Ади почему-то и с Алисултаном продолжал изъясняться по-русски.

— Зачем ему патроны? — строгим голосом поинтересовался Алисултан.

— На гав-тур хайда! Стрелять! Мясо — сюда давай делать! Ялах охранять свой! Баран охраняй! Кругом качах (вор), сейчас все качах стал!

— А в нас стрелять не будешь? — недоверчиво спросил подошедший унтер-офицер.

— Мажид сказал — крепость харуш, баран купить как базар, деньги дает, а мюрид — даром кушать берет.

— Ему верить можно, я давно знаю и Ади, и Мажида, они нам поставляют баранину и бычков за божескую цену, — подтвердил Ян.

— Ворованное! Дармовое — поэтому дешево! Я знаю их, это мои родственники, — усмехнулся Алисултан. Он не был уверен, что после одного обмана комендант даст патроны. Да и своим родственникам, начиная с Даниель-султана, мало верил.

— Нет! Мая баран! Мая бык! Нет! — возмутился Ади и развернулся, чтобы уйти, но Алисултан остановил его за руку и сказал по-лезгински: — Не торопись! Успеешь уйти. Дело в спешке не делаются. Будь терпеливым и хитрым, ты понял, что я говорю? Понял? Урус и мне не верит.

Ади вырвал свою руку из руки Алисултана и ничего не ответил.

По-русски Алисултан сказал громко, чтобы слышали все:

— Мы все верим тебе, Ади! Ты спас дочку Рота! Ты моло-дец! И патроны попросим у коменданта — может, не откажет. Если ты завтра придешь в это же время и пригонишь, когда стемнеет, мою лошадь, мы с тобой съездим в одно место, ях-ши?! Много патронов привезем, яхши?

Ади посмотрел на Алисултана, затем на Яна и кивнул го-ловой:

— Я там буду, — он показал на чернеющий в темноте обрыв над рекой. — Лошадь твоя будет, а ты патрун давай! Яхши?

— Яхши! Яхши! — закивал головой Алисултан.

Ади так же, с помощью пенькового каната, спустился вниз, где в темной воде крепостного рва отражались тревожно мерцающие далекие звезды, добежал до Ахцахваци, бросился в реку и поплыл к противоположному берегу...

21.

На совете офицеры ничего толкового не могли предло-жить. Да и что скажешь, когда крепость кругом обложе-на большой неведомой силой, а в самой крепости двести тридцать рядовых и восемнадцать офицеров. Ахтынскую ми-лицию численностью четыреста человек Рот отправил в ниж-ние села по реке Самур. Да и полной уверенности не было, что они не переметнутся на сторону единоверцев, не предадут кре-пость. К тому же, ахтынские милиционеры прямо заявили Роту, что они в своих односельчан, присоединившихся к Ша-милю, стрелять не будут.

Ничего не решив, офицеры разошлись и с комендантом остались только Нина и капитан Байдаков. Капитан, понизив голос, начал говорить Роту:

— Федор Филиппович! А знаете вы, что прaporщик Алисултан приходится племянником Даниель-султану, чей отряд осадил с южной стороны наше укрепление?

— Я слышал, что сестра Даниеля, мать Алисултана, сбежала с ахтынским Курбанали и после этого он не признает ни ее, ни ее детей.

— Все равно, Федор Филиппович, надо строго следить за ними. Все-таки дядя ближе ему, чем мы, к тому же, он так жадно смотрит на Нину, вы заметили?! Он же может ее просто похитить.

— Ну что ты, Байдаков? Кто ж на нее не смотрит, — пожал плечами Рот. — На то она и молодость, чтобы любоваться ею.

— Я же не говорю про Агасибега, Аза Шарифова или же аварца Мехтулина. Они здесь, вдали от своих родичей, вроде бы надежные люди. А вот сорок мирных горцев, которые пришли в крепость, укрываясь от Шамиля, их надо держать в казарме, не выпускать! Сорок мужчин с оружием ночью могут наделать делов! Прав я, комендант?!

— Один Бог ведает, кто прав, кто не прав! Это потом видно будет.

— Кто ради сохранения шкуры своей ушел к одним, может ради этой же своей шкуры уйти и к другим. Для таких главное — свое спасение.

— Вы имеете в виду и Мирзаали?! — удивленно спросила Нина.

— Всех! Никому нельзя из этих азиятов верить! Никому!

— А нашим сосланным участникам восстаний можно верить? — спросил Рот.

— Никому нельзя верить, Федор Филиппович, никому! За всеми глаз да глаз нужен!

— А с кем воевать против мюридов, если никому не верить, а? — усмехнулся Федор Филиппович.

Байдаков махнул рукой.

— А нам-то вы верите? Ведь мы немцы! Не русские! — сердито спросила Нина, остановившись у дверей своей комнаты.

— Да, мы и это помним! — крикнул Байдаков.

Рот решительно встал:

— Не время такие разговоры вести, — строгим голосом сказал он, — Неприятель осадил крепость, надо думать, как выстоять, а не врагов искать среди своих лишь по подозрению. Глупо это, капитан. Не враг, а мы сами недоверием к самим себе можем погубить крепость.

Услышав сердито отчитывающий его голос коменданта, Байдаков вытянулся по стойке смирно и замолчал.

— Ладно, иди проспись, утром узнаем, кто самый верный в этой крепости. Дело покажет! И чтоб я не видел больше выпившим.

— Я не пьян! Я люблю ясность! На войне никому нельзя верить! — резко рубанул рукой раскрасневшийся капитан, надевая на голову фурражку.

— Кого посыпать в лазутчики?! Кого ставить в дозоры?! Кого за собой вести в атаки?! — стал повышать голос Рот. Но Байдаков щелкнул каблуком, резко дернув рукой, отдал честь и, осторожно повернувшись, направился к выходу.

В это время раздался стук в дверь, вошел Алисултан и доложил о том, что он готов поехать в Кусары, чтобы отвезти депешу, о чем Рот говорил ему утром.

— А сможешь пройти незамеченным из крепости? Кругом посты, разъезды и секреты неприятеля? — спросил Рот.

— Мой кунак дорога знает. Где мюриды стоят, знает. Он ночью придет, лошадь будет... Вместе поедем... Он просит за это немного патронов — охота ходить, баранту охранять.

Рот посмотрел на Байдакова. Тот многозначительно кашлянул и сказал: — Штабс-капитана Бучкиева также направьте, он хорошо знает лезгинский язык и больше похож на лезгина, чем на грузина, никто ничего не заподозрит. Пусть прикинется мюридами. Еще казака Солонина, Ивана. Вот настоящая азиятская рожа. И по-лезгински ругается не хуже их. Да еще прaporщика Алимуллу Шериф-оглы. Самый что ни есть азият.

Рот нахмурился. В крепости и так мало людей, надо ли направлять четверых, где справится один. Где они достанут лошадей за пределами крепости? Рот понимал, что

предложение Байдакова продиктовано тем, что он не верил Алисултану – племяннику главного наиба Шамиля.

– Одному Алисултану с мальчишкой сподручней пробраться через кордоны и они на лощадях быстрее доберутся до места назначения, – сказал Рот Байдакову и решительно повернулся к Алисултану. – Как только вернетесь – дам две сотни патронов, скажи, слово офицера, – негромко добавил он. – Пусть только поможет доставить спешно донесение!

В это время с томиком Пушкина в руках из своей комнаты появилась Нина. Велев Алисултану подождать, Рот вышел в соседнее штабное помещение и, сев за походный столик, стал составлять рапорт от 10 сентября 1848 года за №791, в котором «секретно о самоуничинейшем» докладывал о бедственном положении укрепления и в заключение "имел честь покорнейше просить Ваше превосходительство (генерал-майора и кавалера Бrimмера, командира 1-й бригады 21-й дивизии, размещенной в Кусарах и Кубе), почтить его, Рота, предписанием, если войска, в ведении Вашем состоящие, поддерживать меня могут".

Увидев Нину в просторном халате, с распущенными волосами, Алисултан опустил голову, глубоко вдохнул и почувствовал вдруг запах горных цветов – от нее исходил аромат духов. Нина улыбнулась, чуть заметно кивнула, приветствуя Алисултана, чьи жадные взгляды украдкой не раз чувствовала на себе, присела на походный стул отца, открыла книгу и тихо, будто про себя, но так, чтобы слышал Алисултан, начала читать:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное пожмелье.
Но, как вино, – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Алисултан смутно понимал то, что читала Нина, но по ее голосу он чувствовал, что эти слова очень важны для нее. И действительно, Нина сразу вспомнила сходную ситуацию из «Капитанской дочки», когда комендант Белогорской

крепости перед наступлением Пугачева отправлял Петра Гринева с депешей по дорогам, захваченным неприятелем. Только здесь, в Ахтах, роль Гринева исполняет этот рослый смущенный лезгин. «Неужели судьба и мне уготовила подобное?» — думала Нина, не прекращая читать:

И ведаю, мне будет наслажденье
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть, — на мой закат печальный
Любовь блеснет улыбкою прощальной.

Рот быстро заклеил пакет и вернулся к себе. Он больше надеялся на помощь немца Бриммера, который и расположен был ближе всех к Ахтынскому укреплению, и поэтому велел Алисултану в первую очередь пробраться в Кусары. Алисултан молча взял пакет и бережно засунул его за пазуху черкески. Рот крепко пожал ему руку. Нина встала и захлопнула книгу. Алисултан глянул ей в глаза и круто, построевому молодцевато, повернулся через плечо, шагнул к двери и вышел.

— Счастливо тебе дойти и вернуться, — про себя шепнула Нина, растроганная не то стихами, не то мыслью о том, что этот лезгин отправляется в опасный путь ради нее, как Гринев ради любимой Машеньки.

22.

Мюриды, до отвала наевшись мяса пригнанных со всей округи овец и бычков, после полуночи безмятежно спали, укрывшись черными бурками и прижав к себе ружья, и Ади с Алисултаном до утра успели проехать Мискинджи и перевправиться через речку Усухвац.

— Спят, как у себя дома, — усмехнулся Алисултан, когда опасность миновала.

— Если бы мы с дядей ночью так охраняли своих овец и бычков, у нас все давно бы растащили.

– Воины не во имя Аллаха, а во имя живота своего, как мой проклятый дядя Даниель! – махнул рукой Алисултан и хлестнул камчой уставшую лошадь. В полдень они уже были в Хазрах, а через несколько часов, оставив Ади с усталыми лошадьми у кунака и взяв у того свежего коня, запыленный Алисултан приехал в Кусары и вручил рапорт Бrimмеру.

– Надо помочь, очень надо помочь, – несколько раз повторил Алисултан, не сводя глаз с серьезного лица генерала и стараясь не замечать его красавицы жены, которая, прослышиав о лазутчике из Ахтов, сразу зашла к мужу, чтобы поинтересоваться происходящим там. Узнав от Алисултана, что тот безостановочно ночью и днем мчался с рапортом и поняв из его слов, что положение Ахтынского укрепления более чем серьезное, Бrimмер сухо велел ординарцу напоить чаем и накормить его, а помощнику приказал немедленно созвать офицеров.

– Ты можешь послать помощь Роту, можешь? – спросил громко и требовательно Алисултан, забыв, что он разговаривает с генералом. Бrimмер нахмурился и ничего не ответил.

Шурша платьем и благоухая французскими духами, жена Бrimмера, Дарья Морицевна, подошла к мужу и коснулась пальцами его руки:

– По-моему, у этого бега не все в порядке с головой, — обратилась она к мужу, когда Алисултан, смущенный присутствием столь роскошной благоухающей женщины, вышел за ординарцем.

– Он проскакал безостановочно семьдесят верст до Кусары.

– У Рота трудности? Ты поможешь ему? К нему ведь и дочка приехала, бедное дитя, лучше бы она осталась в Санкт-Петербурге или Тифлисе! Выручи их, Бrimмер, прошу тебя... – стала ласковым голосом просить мужа Дарья Морицевна, но увидев, что в кабинет входят офицеры, поспешила выйти в дверь, ведущую в жилую часть здания, где размещались их просторная гостиная, столовая и спальня.

Жена Бrimмера была дочерью известного генерала М. Коцебу, начальника штаба Кавказских войск, и с детства знала, что женщина не должна при посторонних решать какие-либо серьезные вопросы с мужем, для этих целей лучше всего подходит спальня.

Зачитав рапорт Рота офицерам, Brimmer заявил, что он решил немедленно отправить в Ахты роту гренадеров под командованием капитана Тизенгаузена. Кто-то из старших офицеров напомнил было Brimmerу о недавнем выговоре от Аргутинского за передвижение войск без его на то разрешения.

— Это уж мое дело! — отрезал генерал-майор, который терпеть не мог хамские выходки и высказывания командующего, особенно его демонстративную нелюбовь к немцам, и, вслед за одной, приказал отправить на помощь в Ахты еще роту под командованием капитана Новоселова.

— А если Шамиль нагрянет к нам? — спросил у Brimmerа его помощник, майор, который составлял приказ.

— А если сидеть и ждать, когда не выдержит наступления превосходящих сил противника Ахтынское укрепление, то так и будет. Если же не пустим его дальше Ахтов, то на этом их поход и закончится. И Кусары останется в целости. Мы себя должны защитить от мюридов в Ахтах! Понял?

Майор опустил голову и молча стал составлять приказ.

Brimmer также приказал выдать из цехгауза ружья всем мастеровым и музыкантам в крепости и готовить их к боевым действиям по защите Кусары.

— Риск большой! — покачал было головой майор, но Brimmer решительно оборвал его:

— На то мы и вояки, чтобы рисковать, а не торгashi! Без риска нет войны, без риска нет победы! Риска боятся только трусы!

Тизенгаузен по тревоге поднял роту и приказал до вечера 11 сентября маршем добраться до Тифлисского укрепления на перевале Чейхур на правом берегу Самура, в трех верстах от селения Каракюре. Он намеревался переночевать там и с утра пораньше, с присоединившейся к нему ротой

Новоселова, двинуться вверх по долине, чтобы спешно добраться до места назначения.

Когда Алисултан узнал об отправке двух рот на помощь Ахтынскому укреплению, то не сдержав чувств и позабыв про установленный порядок обращения, бросился к Бриммеру, схватил его за руки и радостно закричал: «Ай да молодец! Ты настоящий мужчина, а не только генерал!»

Остановившись на ночлег в Аджиахурском укреплении, прозванном Тифлисским, гренадеры еще затемно, 12 сентября, в спешном порядке двинулись вверх по долине Самура, окутанной в это время белесым туманом.

Встретившиеся на мосту через речку Усухвац милиционеры сообщили, что Рот направил их охранять села и пути подхода подкреплений, и что неприятельские войска в превосходящем количестве непрерывно движутся Ахтам.

— Надо спешить! — сказал Новоселов. Он и Тизенгаузен приказали милиционерам скакать вперед и регулярно докладывать о местоположении и численности неприятеля на пути их следования, определить более безопасные пути подхода к Ахты. Дозору у переправы было приказано задерживать всех, кто направляется в сторону Ахты, чтобы ненароком не предупредили неприятеля о подходе подмоги осажденным. В этих же целях было объявлено всему личному составу роты, чтобы задерживали до завершения перехода всех встречных жителей, особенно конных.

Впереди войск скакали милиционеры, одетые как все горцы и не внушавшие опасений местному населению, вслед за ними одна за другой шли быстрым шагом ротные колонны.

Встречные лезгины, кто улыбаясь, кто угрожающе качая головой, говорили гренадерам:

— Ах, урус, не нада хади Ахты, Шамиль мнуга ружа есть, яман тебе будет!

Гренадеры смеялись:

— Урус штык яхши! Штык много вар! Шамиль пропал будет!!

— Сегодня-завтра ваша кала (крепость) пропал будет. Не хади туда. Твоя матишка плакать будет, — не унимались горцы.

— Новую крепость построим! Долго ли умеючи? Да и вас, чертей, заставим работать. Кто разрушил, тот и восстановит. А матишка много плакать не будет, другого себе найдет. Не вам забота, — незлобиво ухмыляясь, отвечали охранявшие временно задержанных лезгин русские солдаты.

К вечеру добравшись до леса и зарослей кустарников на Мискинджинском подъеме, капитаны Тизенгаузен и Новоселов решили дать отдых ротам перед последним переходом, послали вызванных из Мискинджи милиционеров в сторону Ахты, чтобы установить дислокацию неприятеля на всем двенадцативерстовом пути до крепости, и ночью броском стремительно прорваться через неприятельские заслоны и дозоры, обходя стороной крупные силы шамилевских войск.

23.

Армия Шамиля заняла всю Самурскую долину от Лучека до Мискинджи. 13 сентября, к вечеру, имам вместе с наибами и встретившими его недалеко от Рутула уважаемыми людьми въехал в Ахты. Из расположенного на скалах между Самуром и Ахцахацом селения хорошо были видны Ахтынское укрепление и вся территория вокруг него.

Пятиугольная крепость была расположена в версте от Ахтов, в междуречье двух горных рек, всегда достаточно полноводных и бурных, что затрудняло штурм с западной и северной сторон из-за прибрежных круtyх обрывов и невозможности строить завалы от пушек, которые огнем картечи сметали все живое, подступающее к крепостным стенам, окруженнym со всех сторон рвами, глубиной свыше трех саженей и шириной до десяти саженей.

На пяти бастионах и внутри крепости имелось два десятка больших пушек и достаточное количество пороха и снарядов, чтобы выдержать длительную осаду. Шамиль и

наибы надеялись, что гарнизон, состоящий в основном из ссыльных декабристов и мятежных поляков, не будет столь ревностно воевать за ненавистного царя, и улучив момент, солдаты откроют ворота и перейдут на сторону Шамиля, который, как известно, всегда по-отечески к ним относился, выделял им жилье и женил на горянках, чтобы русские не чувствовали себя ни в чем ущемленными среди суровых гор.

— Крепкую крепость вам предстоит взять, — сказал Шамиль после молитвы в Ахтынской Джума-мечети, изучающе разглядывая наибов.

— Главное при взятии крепости — выбрать самое удобное для штурма место. И неудобное для ее защитников, — важным голосом заявил Даниель-султан и гордо оглядел присутствующих на совете.

— Надо завалы сделать. Ходы в земле сделать. Стены взорвать. Потом с малыми потерями и взять крепость, иншаллах! — сказал Кибит-Магома и, вздохнув, опустил голову.

Хаджи-Мурат скривил губы: то, что говорили Даниель-султан и Кибит-Магома, было известно каждому, и рассуждать о таких общеизвестных истинах при самом имаме было ни к чему. Хаджи-Мурат для себя уже определил, что крепость надо брать темной ночью, как только подошли к ней, одновременно со всех сторон наброситься на все стены и не отходить до тех пор, пока мюриды не окажутся внутри и не перережут всех гяуров. Упустили время и теперь никчемными словами морочат головы всем.

Когда Шамиль спросил, что он думает по поводу штурма, Хаджи-Мурат резким, отрывистым голосом высказал свое мнение. Все присутствующие, зная о неприязни имама к Хаджи-Мурату, особенно после того, как тот убил имама Гамзата, стали возражать, что у крепости толстые и высокие каменные стены, окруженные глубокими и широкими рвами с водой, мощные большие пушки, много боеприпасов, и ночной штурм привел бы к большим жертвам среди нападающих.

– Надо определить удобное место и грамотно повести штурм! – громко повторил Даниель-султан.

Мест, удобных для штурма, не было, и наибы, которые до подхода Шамиля внимательно изучили крепость со всех сторон и разузнали у ахтынцев о размещении казарм и других строений внутри нее, предпочли промолчать, дожидаясь, что скажет сам имам. Молчание нарушил ахтынский старшина Магомед:

– А чего выбирать место?! Людей, лестниц и веревок у нас предостаточно, со всех сторон бросимся на крепость и, не дав гяурам опомниться, залезем на стены и перебьем всех, кто не бросит перед нами оружие. Магомеду было по душе предложение Хаджи-Мурата, хотя он прямо об этом не говорил.

Шамилю понравилась решимость ахтынского старшины и он вопросительно посмотрел на наибов, что они скажут.

– Ты, Магомед, наверно, забыл про пушки! – сердито сказал Даниель-султан, которому не нравился этот самоуваженный ахтынец. Вместе со вторым ахтынским старшиной Ляли-бегом они сказали имаму о том, что вместо того, чтобы три дня заниматься укреплением Хурюга, надо было идти и брать врасплох Ахтынскую крепость и перекрывать единственную дорогу по долине Самура, откуда могла подоспеть помощь осажденным со стороны Кубы или Дербента.

– И про пушки знаем, и что не на базар за хурдой-мурдой (мелочью) собирались, а на войну, где стреляют пушки, знаем, – поддержал Магомеда Ляли-бег. – И еще знаем, что тот, кто вышел на войну, должен сперва разрушить крепости врага, а потом строить свои.

Старшины Ахцаха разгадали тайное стремление Даниель-султана присоединить все земли от Хурюга и выше по Самурской долине к своему Илисуйскому султанству и решили не допустить этого.

– Войну знает тот, кто воевал. А старшинам Ахцаха надо с большим почтением относиться к наибам, один из

которых завтра будет решать вашу судьбу, – сердито молвил Даниель-султан, который со взятием Ахтынской крепости связывал расширение своих владений до самого Каспийского моря.

– Мы подчиняемся только Аллаху, имаму Шамилю и своему джамаату, больше мы никого не желаем знать. Ханов и султанов у нас в Ахтах никогда не было и не будет. Ахты жили и будут жить по своим вечным адатам! – громко заявил старшина Магомед, хмуро глядя в глаза высокомерному Даниель-султану.

– Не время сейчас говорить о посторонних делаах, – строго сказал Шамиль, которому нравилась горячность ахтынцев, их нетерпеливое желание овладеть крепостью, и то, что и между собой, по-лезгински, и обращаясь к нему и его наибам, они в лицо, без утайки говорили о том, что их волнует. Имам и сам в душе осуждал нерасторопные и нередко бесполковые действия наибов, но дипломатично молчал об этом перед штурмом.

Магомед-Наби строго посмотрел на ахтынских старшин и еле заметно кивнул им, мол, если есть что сказать по существу, говорите. Магомед обернулся к Ляги-бегу и, заметив, что тот, опустив голову, о чем-то думает, заговорил сам:

– Нам известно, где в крепости хранится порох, этой ночью можно на быках перетащить через Самур-вац пушки на тот берег, на скалу Чинерквал, напротив крепости, и пусть лучшие пушкари целятся в пороховой склад и взорвут его, после этого оставшиеся в живых русские сами убегут из крепости.

Шамиль посмотрел на Кибит-Магому.

– Если наши пушки с безопасного места достанут снарядами до крепости, можно сделать это, – сказал Кибит-Магома с готовностью, довольный тем, что наконец заговорили о деле. Ему понравилось предложение ахтынских старшин.

— Достанут, мы знаем, — уверенно заявил Магомед. — Взорвем порох, разрушим гяурскую крепость. У нас, в Ахцахе, это называют «их солью посолить их же шкуру».

— Выходит, русские инженеры — дураки, если построили эту крепость в удобном для наших пушек месте, — высокомерно произнес Даниель-султан, желая унизить слишком гордых ахтынских старшин перед имамом.

— Русские не дураки. Они думали — мы дураки, и у нас никогда не будет пушек, из которых можно обстрелять крепость.

Шамиль посмотрел на задумавшегося Ляли-бега и спросил:

— А что думает наш молодой аскер?

— Я думаю, имам, о том, куда побегут твои наибы, когда на помощь крепости с большими силами придет Аргутинский. Они столько дней потеряли, и сейчас все говорят и говорят слова, вместо того, чтобы дело сделать, ради чего и пришли к нам.

Такое неуважительное высказывание старшины смущило всех, но Шамиль остался невозмутим.

— Прав Ляли, если сразу не возьмем крепость, так и может быть.

На этом совет у имама закончился, но когда вышли из мечети, Молла-Магомед и Магомед-Наби остановили Ляли-бега:

— Ах, Ляли, твои как деръмо вонючие слова испортили весь разговор, разве такое можно говорить при имаме?!

— Я же не имаму, а его наибам сказал, потому что они идут не в ту сторону, куда их зовет имам.

24.

Когда под утро, еще затемно, в тумане, окутавшем долину реки, две роты из Кусары, бегом, не обращая внимания на одиночные выстрелы дозорных мюридов, достигли восточных ворот Ахтынской крепости, утреннюю тишину нарушило радостное «Ура!».

У коменданта Рота расправились плечи. Он пригласил всех офицеров к себе на обед, выставив на радостях почти все запасы вина. Пока звучали тосты в честь Бrimмера, Новоселова, Тизенгаузена, здравицы в честь Аргутинского, Воронцова и, наконец, самого государя-императора, солнце высоко взошло над горами и все навеселе вышли посмотреть в подзорные трубы, что поделывает неприятель. На горе Келедхев, под большим тентом от солнца, в окружении своей свиты сидел Шамиль.

— Федор Филиппович, — обратился Новоселов. — Разреши гранатой?

— Долетит ли? — засомневался комендант.

— Хоть пугнем! — сощурив глаза, лукаво улыбнулся капитан.

Рот махнул рукой: — Давай!

Пушкари приложили фитиль к запалу, раздался выстрел, — и полупудовая граната упала чуть ниже того места, где сидел имам, и разорвалась. Через минуту, когда рассеялись дым и пыль от взрыва, на горе никого не было: все скатились по склону на другую сторону, невидимую из крепости и потому безопасную.

— Не любят наших угощений, а собираются крепость брать! — сказал кто-то из офицеров.

Рот нахмурился, и увидев, что пушкари снова зарядили пушку и меняют прицел, приказал прекратить стрельбу, дабы ненароком не попасть в Джума-мечеть, самую старейшую в Дагестане, а также в дома Мирзаали и других состоятельных и верных царю ахтынцев, которые укрылись от мюридов в крепости. Рот все никак не мог поверить, что ахтынцы так быстро переменили свое доброе отношение к государю, да и к нему самому. Он всегда старался ради их блага, последнее время подумывал уже об открытии лечебницы и школы в Ахтых, даже дочку после Смольного института вызывал сюда, чтобы учила детей, и особенно ахтынских девушек. Воодушевленный своими мыслями и разгоряченный от вина, Рот поднялся на бастион и стал смотреть на Ахты.

«Нет, они не должны так перемениться, их заставили насильно примкнуть к Шамилю, они не будут ему помогать», – сам себя уверял Рот.

Снизу, из крепости, капитан Тизенгаузен по-немецки крикнул ему, что небезопасно сейчас стоять на виду у неприятеля, но Рот улыбнулся и махнул рукой, мол, знаю, что делаю.

В это время со стороны ахзахских садов раздался крик: – «Федур Филипич! Федур Филипич!»

Рот обернулся и поднял руку, приветствуя того, кто взвыкал к нему. Он снял фуражку и хотел помахать ею, как вдруг сильный удар в плечо чуть не сбил его с ног, затем он услышал звуки беспорядочной стрельбы, второй удар обжег ему шею и он выронил фуражку из рук.

Рот дернулся и начал валиться на бок. Сидевшие за укрытием артиллеристы кинулись к коменданту, подхватили его, уже истекающего кровью, под руки и быстро спустили вниз, а затем на носилках отнесли на его квартиру. Подоспевший гарнизонный врач фон Клаус вынул пули, перевязал раны, но сожалением сообщил Тизенгаузену и Новоселову, что раны слишком тяжелые, и положение коменданта, по-видимому, безнадежно.

Рот слабел с каждой минутой. Он сам попросил привести священника, подозвал к себе Нину и слабеющим голосом начал оправдываться:

– Я виноват, дочка, что вызвал тебя сюда. Но сроки жизни нам судьбой отмерены не по нашему желанию... – старый вояка прослезился.

Нина бросилась целовать руки отца, умоляя не покидать ее и не оставлять на свете сиротой. Слезы текли по ее щекам, но Нина даже не вытирала их.

– Не торопись на тот свет, Федур! – вдруг услышала она голос появившегося в дверях Мирзаали. – Если Все-вышний сразу не забрал к себе, значит, у тебя еще остались дела на земле! Торопиться на тот свет – грех большой. На все воля Аллаха. Тебе еще дочку надо устроить в жизни.

— Да вот врачи что-то безнадежно смотрят на меня, — прошептал Рот.

— Главное, чтобы небо глядело на тебя благосклонно, тогда и у врачей все получится, — говорил Мирзаали, осматривая рану.

Заметив, что недовольный его бесцеремонностью гарнизонный врач что-то отрывисто сказал по-немецки, Мирзаали стал говорить еще громче.

— А что не могут вылечить ваши лекари, те раны всегда вылечим мы, лезгинские хакими. Русским для лечения раненых надо нанимать на службу лезгин, а не отсталых немцев. То, что знают горские хакими, немцы и через сто лет не узнают.

При виде внушительного и уверенного в себе кази у Нины высокли слезы, она встала с колен и отошла в сторону, уступая место хакиму, уже засучившему рукава серой черкески и моющему руки с мылом. Услышав слова Мирзаали о немцах, Нина нахмурилась и опустила голову. Тот заметил это и улыбнулся:

— А ты же, Нина, не немец! И отец твой, мой друг Федур, какой немец? Он давно стал русским. Главное, не кем родился, а кем стал в жизни.

Вытерев насухо руки и не обращая внимания на недовольные лица и замечания гарнизонных лекарей, Мирзаали вынул из своей кожаной сумки, которую теперь всегда носил с собой, склянку с темной жидкостью и кусок льняной пакли. Свернув из пакли турунду — плотный жгут, он обильно смочил ее едко пахнущей жидкостью и при помощи костяной спицы засунул в рану на всю ее глубину.

«Варварство! Нигде в учебниках такого нет. И мы, немцы, безропотно подчиняемся этим диким приемам лечения», — бормотал по-немецки фон Клаус, в то же время внимательно наблюдая и запоминая все манипуляции, которые совершил Мирзаали со смертельной раной Рота. Немецкий врач был уверен, что от такой раны комендант скончается и невольно желал, чтобы варварское лечение не принесло успеха и правым оказался он, дипломированный доктор.

— Теперь нужен жирный баран. Свежий курдюк, чтобы рану закрыть и сразу теплой шкурой шею обмотать, — сказал Мирзаали, выпрямляясь и ища глазами Алисултана, вернувшегося с подмогой из Кусары.

Нина взяла кувшин с водой, чтобы полить на руки Мирзаали, но фон Клаус подошел, забрал у нее кувшин и сам сделал это.

— Вы — старший возраст, я — младший возраст, я должен вам уважение делать, потом я запишу ваш метод лечения для немецкого журнала, — сказал фон Клаус, тонкой экономной струйкой поливая пухлые, красные от крови руки Мирзаали.

Мирзаали ничего не ответил гарнизонному врачу, но обернувшись, внимательно посмотрел на Алисултана и сказал по-лезгински, кивнув в сторону немца:

— Слышишь, Алисултан, что говорит немец? Видишь, Алисултан, как плачет дочь коменданта? Баран нужен, чтобы закрыть рану и все больное место вокруг раны.

И Рот, и Нина поняли, о чем говорил Мирзаали и оба с надеждой и мольбой посмотрели на Алисултана. Тот вздохнул, опустил голову и молча вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Он сделает, он слова не любит, но сделает, я знаю его, он мой ученик был, — успокоил Мирзаали Рота и Нину, укладывая свои инструменты и лекарства обратно в сумку.

Ади должен был прийти ночью за обещанными патронами. Алисултан поручал ему также разузнать, куда отгоняют пастьись лошадей Даниель-султана. В крепости многие офицеры обещали Нине подарить ей коня, но они, выпив, обещают все, а пропрезвев, забывают, что настоящий мужчина должен быть верен своему слову.

Алисултан, поднявшись на северо-восточный бастион, стал нетерпеливо всматриваться в сторону долины Самура, откуда должен был с наступлением темноты появиться Ади. На противоположном берегу он заметил двух всадников, осматривающих крутые скалы над рекой.

— Видно, что-то замышляют, черти лохматые, — усмехнулся подошедший к Алисултану Иван.

— Ади придет, сразу позови меня, — сказал Алисултан, отправляясь в казарму, где размещался вместе с нукерами и милиционерами, оставшимися в крепости.

Ади объявился в полночь и радостно сообщил, что он угнал двух коней наивов. «Цену коней тебе Мажид скажет. Он знает, я знаю, ты знаешь, что надо патрон. Много. Ты обещал патрон — давай патрон!» — проговорил Ади требовательным голосом, как велел Мажид.

Алисултан схватил его за руку.

— Послушай, Ади! Все, как обещал, сделаю! Понимаешь, комендант, Федор Филиппич ранен. Нина плачет. Мирзаали сказал, баран надо, баран с большим курдюком, чтобы лечить его, понимаешь?! Только никому там не говори! — доверительно прошептал он. — Нина сказала, она тоже умрет, если отец умрет!

Ади, быстро все поняв, потащил Алисултана за собой.

— Нина плачет? Пошли за мной! Я знаю, где баран! И коней тебе отдаю. Утром, когда туман все закроет, вернешься в крепость. Пошли скорей!

Алисултан, не зная как поступить, задумался. Тут вмешался Ян, внимательно слушавший горячий разговор молодых людей.

— Думать зачем? Дело делай! Завтра что будет — никто не знает. Герой не думает, герой делает — так ведь Шамиль говорил?

— А комендант Новоселов не накажет меня за отлучку?

— За дела добрые награждают, а не наказывают. Но пока ты не вернешься, никто ничего не должен знать. А я подтверджу, что ты пошел по срочному делу. Если он проснется и спросит тебя, и если будет на это еще время, — усмехнулся Ян. — Ведь имам не спать прибыл сюда.

Алисултан внял словам Яна и вслед за Ади исчез за крепостной стеной, не получив, как положено, разрешения исполняющего обязанности коменданта.

Обходя караулы вдоль стен и казармы и не обнаружив на месте Алисултана, Байдаков многозначительно посмотрел на Яна, не поверив его словам, что Алисултан вот-вот должен вернуться. Байдаков пожал плечами: поживем – увидим, каковы эти азиаты. Но все же посчитал своим долгом разбудить прилегшего на часок Новоселова и доложить ему об отсутствии прaporщика Алисултана.

Новоселов некоторое время вдумывался в то, что говорил дежурный офицер, поняв, в чем дело, недовольно хмыкнул: «Ладно!» и снова завалился в постель, как был, одетым и в сапогах.

Байдаков подождал и, пожав плечами, вышел, прислушался к ночной тишине, наполненной глухим рокотом двух горных рек, и сказал сам себе: «Мое дело, как дежурного, докладывать немедленно о всех происшествиях. Его же дело – принимать меры или продолжать спать как ни в чем не бывало».

Под утро, услышав скрип северных ворот, Байдаков вытащил из ножен шашку и побежал туда, подозревая измену солдат, открывающих ночью вход в крепость неприятелю. Но пока он, прихватив двух унтер-офицеров, добежал до ворот, они уже закрылись и были снова заперты на засов. Ян и Иван с другими караульными солдатами впустили в крепость всадника с перекинутым через седло барапом. Морда барапа была крепко завязана веревкой, пропущенной через рога, чтоб не блеял. Услышав голоса, Байдаков узнал Алисултана, который в поводу за собой вел еще одного коня.

«Доложив о состоянии крепости своему дяде, вернулся, чертов азиат». – подумал Байдаков, подходя к Алисултану.

– Пач-чему без разрешения отлучался из крепости?! Тебя по положению надо на гауптвахту, и потом судить! Что за барап? Что за лошади? Доложить! – вытянувшись во весь рост, сердито проговорил Байдаков, ожидая рапорта Алисултана. Но тот, не обращая на него внимания, передал барапа Яну и соскочил с коня. Подошедший неслышным шагом и невыспавшийся Новоселов недовольным голосом скомандовал: «Отставить!» – и сказал, что он и Рот знали, куда

и зачем отлучался прaporщик. Приказав Байдакову продолжать обход постов, Новоселов велел Яну отнести барана в квартиру Рота, а Ивану пригласить туда Мирзаали. Когда рядовые ушли, капитан оживился, внимательно, со всех сторон, осмотрел коней и, удовлетворенно похлопав их по шеям, взял Алисултана по-дружески под руку.

— Откуда у тебя такие справные лошади? — спросил Новоселов тихим голосом.

— Один конь моего дяди Даниеля, а другой Шамиля.

Новоселов остановился и присвистнул от удивления. Подойдя вплотную, по-новому, внимательно осмотрел коней, потом повернулся к Алисултану:

— Слушай, Алисултан, давай договоримся, станем кунаками, проси, что хочешь, но коня Шамиля отдай мне! — не столько прося, сколько требуя, сказал Новоселов.

Алисултан смутился, подумал и покачал головой:

— Этот конь — мой пишкеш (подарок) Федор Филипичу. У нас в Ахцахе говорят, что раненому радость полезнее любого лекарства. Я уже говорил ему, что будет такой пишкеш, — схитрил Алисултан.

— Ну, а второй? Отдай второго! Я не даром. Заплачу, сколько запросишь! Деньги я найду. Ну, по рукам? — протянул широкую ладонь Новоселов.

— Другой конь — для дочери Федора Филипича. Она не имеет коня. Все обещали ей подарить коня, и я обещал. Они пьяные были, я — непьющий. Так получилось.

— Я же тоже хотел... Ну раз так выходит, что же делать, кто опоздал — уже первым не будет, — сказал в сердцах Новоселов и внезапно замолчал, нахмурился и оттолкнул от себя руку Алисултана.

— Ладно, иди, черт нерусский, обрадуй своих немцев, поставь коней в конюшню, и бегом на свое место. Чует мое сердце, сегодня начнется горячее дело и не до коней будет нам. А после посмотрим...

Когда Алисултан вошел к Роту, Мирзаали, засучив рука, уже обкладывал рану кусками исходящего паром ба-

раньего курдюка и заматывал вокруг шеи и плеч раненого только что снятую теплую баранью шкуру шерстью наружу.

Увидев Алисултана, Рот прослезился.

— Сынок! Сынок... — только и смог промолвить он, морщясь от боли.

Нина благодарно посмотрела в глаза Алисултану и, чуть улыбнувшись, присела перед ним, как перед важной персоной, в знак уважения, как учили девиц в институте.

— Мой родственник! В моей школе учился всю зиму! — улыбнулся довольный Мирзаали. — Теперь, Нина, твой отец и мой друг будет поправляться. Валлах-биллах, правду говорю я. Больше не переживайте, больше не плачьте, все будет хорошо, сами видите, так хочет наш Аллах.

После обертывания бараньей шкурой боль стала медленно утихать и Рот облегченно вздохнул, уже и сам поверив, что опасность для его жизни миновала, и стал благодарить Мирзаали, который то и дело гордо поглядывал в сторону Нины.

Повеселевшая Нина пригласила Алисултана в свою комнату.

Мирзаали нахмурился, долго молчал, потом сказал с сожалением Роту:

— Знаешь, Федор, рассказывают, что однажды один перс подарил за одну матишку все море Каспийское русским бродягам, с которыми три дня пил вино. Вот какие случаи бывают в жизни. — Рот понял, что имеет в виду Мирзаали, беспомощно улыбнулся и тихо промолвил: — Как ты говоришь, уважаемый Мирзаали, на все воля Аллаха, будем покорны судьбе, когда мы бессильны что-либо изменить в этой жизни...

С приходом Алисултана маленькая комната Нины как-то сразу стала еще меньше и ее наполнили запахи пота и конской сбруи, заглушив тонкий аромат французских духов. Нине пришлось приложить весь свой такт, чтобы скрыть тошноту, которая стала одолевать ее. Она быстро открыла окно и, встав к нему спиной, немного помолчала, глубоко вдыхая свежий воздух. Нина не знала, о чем говорить с ма-

лообразованным горцем, и решила рассказывать ему об Иисусе Христе, надеясь в душе обратить его со временем в веру христианскую.

– Иса пайханбар (пророк)? Моя знает его, знает. В Коране написано. Мирзаали-кази рассказывал. Коран признает вашего пайханбара и велит мусульманам почитать его, как и нашего Мухаммеда. Иса тоже был пророк.

– Да? А я не знала об этом. Нам не рассказывали на уроках закона Божьего, что мусульмане признают как пророка Иисуса Христа, умершего на кресте ради людей, – сказала Нина.

– Нет, не умер на кресте Иса, – покачал головой Алисултан. Мирзаали рассказывал нам, что Иса-пайханбар остался жив и со своими верными людьми из многих городов и сел чавудских (еврейских) ушел в Хинд-горы и там прожил более ста лет, там его пир – святая могила есть, и сегодня его люди живут там же, в Хинде (Индии).

«Не может быть, наверно, Мирзаали в чем то ошибается, хотя он не такой человек, который мог бы ошибиться. Я спрошу его, коли Бог даст, это очень интересно, ведь в Священном писании ничего об этом не сказано», – задумалась Нина, удивленно разглядывая рослого широкоплечего лезгина, который спокойно, как о чем-то обыденном, со знанием дела говорит такое о русском Боге. Поняв, что затянувшееся молчание становится неприличным, Нина перевела разговор на тему, которая не требовала споров и была интересна им обоим:

– Ты расскажи, как делал вылазку, не страшно было? Расскажи, я потом запишу в свой дневник.

Но Алисултан, смущенный близостью Нины, вдыхал запах опьяняющих духов и лишь повторял одно и то же:

– Я пойду, надо спать, отдохнуть, а потом мюриды спать не дадут. Что-то готовят они.

Алисултан не сказал Нине, что пригнал в подарок ей и ее отцу двух лошадей, она узнала об этом от Яна и от госпожи Жорж, когда, отпустив Алисултана, пришла на дежурство в лазарет:

— Ты представляешь, Нина, какой тихоня? Украл коней имама и наиба, своего дяди, пригнал их в осажденную крепость, хотя сам не обещал этого ни тебе, ни коменданту, а обещали другие офицеры. Понимаешь, чтобы ты не чувствовала себя обманутой даже другими! Вот тебе и туземцы! Вот тебе и дикари! Да это же настоящие рыцари, о которых мы столько читали в романах и никогда не встречали в жизни. Ты понимаешь, какое сердце в его груди бьется?!

25.

Мюриды начали наступать с самого утра. Конники врассыпную носились вокруг крепости, стреляя из ружей, а пешие — в основном это были лезгины — подползали чуть ли не под самые стены, перекатывая впереди себя бревна и большие плотные вязанки хвороста — фашинки, которые защищали их от пуль и картечии, и, заняв удобные позиции за камнями, буграми и деревьями, с близкого расстояния били по каждой замеченной ими на бастионах или стенах живой цели.

Недалеко от крепости, в пойме реки, под обрывом, они связали лестницы из длинных тонких бревен, спилили и подготовили для штурма длинные тополиные стволы, с прибитыми к ним ступеньками из обрубленных ветвей, чтобы взбираться на крепостные стены. Но команды идти на штурм не было, и нетерпеливая ахтынская молодежь сердилась, жалуясь своим старшинам на медлительность командовавшего штурмом Даниель-султана. Еще больше горячности молодым воинам придали слова Шамиля, сказанные им перед всеми, что дочку коменданта получит тот, кто первым ворвется в крепость и пленит ее вместе с отцом.

Услышав решение Шамиля о Нине, Ади намеревался, опередив всех, пробраться в крепость с северной стороны, откуда входил не раз, ведь там напротив реки находилась и казарма, где жили его друзья Ян и Иван.

Когда из числа ахцахцев вызвали добровольцев, чтобы помочь переправить две пушки на противоположный берег Самура, Ади, который умел хорошо плавать и не раз переправлялся вплавь и на лошадях через Самур, вызвался первым.

Он показал самое удобное для переправы место, помог наибу Гаджи-Яхъе ал Чиркави с его людьми перевезти пушки и затащить их на вершину скалы, прозванную ахцахцами «Домом шайтана».

— Если то, что мне рассказали, верно, утром рано мои пушкари выстрелят и взорвут их порох, крепость разлетится во все стороны, к чертям, а вы идите первыми и собирайте, что там уцелеет, — с белозубой улыбкой на лице весело говорил Гаджи-Яхъя.

— Да, так и скажите нашим офицерам, которые не раз полосовали розгами мою спину, пусть поберегут свои белые задницы, пусть вспомнят, что Никитин промаху не дает, — сердито сказал беглый пушкарь, служивший в отряде наиба Гаджи-Яхьи, и которого теперь из-за горской одежды и густой бороды трудно было признать за русского.

Ади было все равно, кто победит в этой бойне, его волновало только одно: как добраться до Нины и увести ее из этой крепости.

Он мечтал посадить ее на свою Деликуш и отправиться с ней на высокий яйлаг, где среди сосен журчит родник с холодной водой, где по утрам такая тишина, что можно услышать полет каждой пчелы и каждого шмеля, прилетающих на цветущие горные поляны за медом.

Ади вскочил на Деликуш и бросился через переправу к крепости предупредить Алисултана, а через него и Нину о готовящемся взрыве, чтобы они успели укрыться подальше от опасного арсенала. Ади мечтал сразу после взрыва первым добежать до Нины и забрать ее себе, как и обещал Шамиль, и об этом теперь говорили меж собой, подзадоривая друг друга и шутя, ахтынские ребята.

Но крепость была со всех сторон окружена мюридами, ахтынцами и молодыми воинами, собравшимися на штурм

со всей округи. Ади на Деликуш присоединился к конным мюридам, скакавшим вокруг крепости и, подъезжая ближе всех к стенам и проносясь на всем скаку, стал кричать полезгински: «Алисултан! Берегись! Сейчас пушка взорвет вас! Прячься! Берегись!»

Алисултан хоть и заметил Ади на рыжей Деликуш, но ничего не мог понять из его слов. С левого берега Самура, из-за скалы начали стрельбу. Гранаты то и дело взрывались внутри крепости, заставляя защитников все время следить за летящими снарядами и прятаться в помещениях и за строениями, как только раздавался предостерегающий крик караульных.

26.

В полдень страшный взрыв потряс крепость, сверху полетели камни и кирпичи, огромная туча пыли и дыма взметнулась к небу и закрыла все вокруг.

Раздались стоны и крики раненых.

— Братцы! Пороховой погреб взорвали! Измена!!

Когда ветер развеял дым, на месте порохового склада зияла глубокая яма. Обвалилась и крепостная стена, вокруг лежали тела убитых и раненых. Новоселова камнем стукнуло по ноге и он хромал. Недалеко от него, обхватив руками живот и поджав ноги, лежал мертвый Байдаков. Перепуганные рядовые, побросав позиции и ружья, побежали спасаться в свои казармы. Их лица были искажены криками ужаса, охватившего их души, они не были похожи на дисциплированных и вымуштрованных солдат, так четко и красиво выполняющих на плацу все команды своих офицеров. Это была толпа потерявших голову людей, бегущих не ведая куда, ради единственного оставшегося у них желания — спасти свою жизнь.

Новоселов, увидев бегство с позиций, забыл про боль в ноге и выхватил шашку из ножен.

– Назад! На место!! Скоты!!! – дико заорал капитан, но обезумевшие от страха рядовые не слышали его приказа.

Тогда Новоселов, припадая на ушибленную ногу, с размаху ударил и зарубил одного, затем и второго солдата, бежавших с боевых позиций.

– Братцы! Новоселов трусов рубит!! – заорал кто-то из бегущих и сразу остановился, растерянно оглядываясь и не зная, в какую сторону идти.

В образовавшемся от взрыва проеме стены показалась черная фигура мюрида с обнаженной саблей в одной руке и пистолетом в другой.

Солдаты опомнились, подобрали ружья и кинулись на встречу мюридам, готовым ворваться внутрь крепости.

Кто-то крикнул:

– Мешки! Мешки с провиантом тащите из склада!

Раздались выстрелы нападавших, какой-то раненый солдат дико закричал: – Братцы! Наших бьют! Братцы, спасите!

Солдаты и офицеры дружно открыли стрельбу, из толпы мюридов раздались крики и проклятия, они попятились назад.

Зашитники, в том числе и женщины, забыв про опасность, стали выносить со склада мешки с мукой, подтаскивать их поближе к стене и складывать в штабель напротив нее, чтобы могли укрыться солдаты, подкатить пушку и вести прицельный огонь по лезущим в проем мюридам.

К Новоселову, стоящему с обнаженной саблей в центре крепости, подбежал Ян.

– Это с «Чертовой хаты» стрельнули из пушки! Они ночью, в тумане, на быках втянули и установили там две пушки! – кричал он, показывая на скалу противоположного берега Самура. – Они стреляют, а затем откатывают пушку за скалу, чтобы снова зарядить, а нас отвлекают атакой на крепость! Кто-то из наших, беглых, стреляет оттуда, ветер донос, как он матерится.

Новоселов взглянул туда, куда показывал Ян, и все понял.

— Эй! Артиллерия! Чего спите?! А ну, кто самый меткий, покажи им, что тоже умеете стрелять!

Услышав команду, артиллеристы и солдаты в один голос стали выкрикивать: «Шлиттер! Давай Шлиттера на северный! Заткни гранатой пасть их пушки!»

Прапорщик Шлиттер подкрутил ус, вместе с прислугой орудия развернул с бастиона одну пушку дулом в сторону «Чертовой хаты», прицелился и стал ждать. Как только горцы снова выкатили свою пушку на позицию, меткий выстрел из крепости разнес ее, а затем была подбита и вторая пушка мюридов.

Когда в проеме стены появилась большая толпа мюридов, готовых разом хлынуть внутрь крепости, две пушки, одна за другой, выстрелили картечью, сметая неприятеля. Мюриды прекратили атаку и, отойдя от крепости на безопасное расстояние, начали вечерний намаз, вновь и вновь прося у Аллаха победы.

27.

Рано утром Алисултан вышел на бастион и во весь голос заорал, обращаясь к осаждавшим. Из-за обрыва у берега реки показался мюрид, который, укрывшись за деревом, закричал, не хотят ли в крепости сдаться превосходящим силам горцев, тогда имам обещает всем, кто сам сложит оружие, сохранить жизнь.

— Я позвал тебя, чтобы ты передал Даниель-ламу (ослу), что его коней украл я!!

— Да будет проклята твоя душа, изменник! — мюрид замахал над головой кулаком.

— А я никогда никому не изменял! Дал клятву русским и служу им верно! Не то что этот Даниель! Дал клятву царю и предал его. Он и вас предаст! Вот увидишь!

Мюрид выхватил ружье, и довольный Алисултан сразу отошел от бойницы. В душе он боялся, что погибнет и проклятый дядя не узнает, кто нанес ему такой урон. Теперь

Алисултан был счастлив и его потянуло ко сну, ибо много ночных подряд он не высыпался.

Утром следующего дня к воротам с парламентариями пришел Даниель-султан. Он хотел поговорить с племянником. Пока ходили за Алисултаном и Даниель ждал, разговаривая с Новоселовым, на крепостную стену вместе с Тизенгаузеном поднялась Нина. Чтобы парламентарии поняли, что в крепости все в порядке и никто не собирается сдаваться, Нину попросили надеть самое лучшее платье.

Даниель осталбенел, увидев девушку, которую можно было встретить лишь на великосветском балу в столице, а не в крепости, которую вот-вот возьмут его воины. Нина улыбнулась. Даниель, освоивший во время службы русским некоторые светские манеры, к удивлению спутников, снял с облысевшей головы папаху и поклонился. На груди сверкнула большая звезда – награда Шамиля.

– Кто этот, смешной, в папахе? – небрежно кивнула в его сторону Нина, хотя ей до этого говорили о Даниеле.

– О, это есть ближайший наib Шамиля! – торжественно произнес Тизенгаузен... – Он раньше служил нам. Но от нас, он посчитал, выгоды меньше, чем от Шамиля, и поэтому переметнулся к нему. Если объявится кто, еще более сильный и щедрый, он побежит в услужение туда,бросив и Шамиля.

– А почему он переметнулся к Шамилю? – громко спросила Нина.

– У государя ограниченное жалование, а у Шамиля – безгранична нажива.

Заметив недовольство на лицах сопровождающих его мюридов, Даниель-султан поспешил надел папаху.

– В этой жизни мы завидуем вам, уруслам, – вздохнул Даниель-султан, – а в той вы будете завидовать нам, потому что такие хури (гурии) бывают только в раю! – показывая на Нину, стал объяснять он Новоселову, но тот отвернулся, дав понять, что не хочет вести отвлеченные разговоры.

Алисултан не пожелал видеться с дядей, который загубил его родных и двоюродных братьев, чтобы самому захва-

тить власть в Илисуйском султанстве. Кроме того, Алисултан догадывался, что дядя потребует вернуть лошадей, да еще будет выпытывать, кто помогал ему.

— Передай, что он ишак и никакой не наиб и не султан, а просто вор! — сказал Алисултан аварцу Мехтулину, которого Новоселов послал за ним.

— Сам иди, сам и скажи! Я наибу такие слова передавать не буду! — рассердился Мехтулин, который не знал, как обернется его судьба, если крепость завтра возьмут мюриды.

Когда Даниель-султан, погрозив кулаком в сторону крепости, стал уходить, Тизенгаузен взял Нину за руку и прошептал:

— Нина, разрешите признаться Вам...

Девушка приложила палец к губам:

— Т-с-с! Мы не одни!

Новоселов снизу глянул на них, о чем-то заговорщицки беседующих на железном мостике над воротами, и сердито крикнул:

— Спускайтесь быстро! Сейчас стрелять начнут!

И действительно, не успели они спуститься по каменным ступеням, как по только что захлопнувшимся железным воротам загремели пули мюридов, выпущенные по приказу разгневанного Даниель-султана.

Нина, оставив офицеров, побежала к себе, быстро переоделась и поспешила в лазарет. Доктор фон Клаус, про которого за глаза говорили, что «он лечит все болезни и не излечивает ни одну», пригласил Нину к себе, в небольшую комнату, где самодельные полки были уставлены всевозможными бутылями и склянками с лекарственными препаратами.

Фон Клаус был одет в парадный мундир, от него обильно несло духами, тем не менее, этот аромат был не в силах заглушить запах выпитого им без закуски спирта. Фон Клаус был подтянут, словно на смотре, торжественно чопорен, важно разглядывал Нину, отчего та смущилась и, почувствовав себя неловко, оглянулась на дверь.

Доктор сделал шаг к ней навстречу, снял головной убор и без предисловий, торжественным голосом начал разговор, продуманный заранее до мелочей:

– Знаете, Нина Федоровна Рот, мои предки – тевтонские рыцари. Да! Я и они могут и готовы стоять на коленях перед такой благородной и красивой девушкой, как вы!

Фон Клаус медленно опустился на колени, не выпуская руки Нины.

Девушка смущенно улыбнулась, не зная, что сказать в ответ. Ее молчание доктор принял за интерес к своим словам и заговорил еще громче и с неподдельным пафосом:

– Да! Именно так! И я хочу, Нина Федоровна, после этого варварства, увезти Вас на нашу остзейскую мызу! Ведь и в Ваших, и в моих венах течет одна кровь! Немецкая!

Нина, которая не считала себя немкой, почувствовала себя неловко и попыталась возразить:

– Но, говорят, что здешние лезгины айяры – арийцы. Многие актынцы и усухчайцы тоже похожи на немцев. Об этом говорят все немцы, которые служат здесь. Выходит, они тоже наши сородичи. Предки наши частично ушли в Европу и стали немцами, англосаксами, а часть осталась здесь. Я буду изучать это, и, возможно, пришлю потом Вам свою книгу об этом.

– Все люди произошли от Адама и Евы, а наши с Вами дети будут настоящими немцами.

Нина не стала далее слушать его страстную речь и, поняв, что раненые не нуждаются пока в перевязке, извинилась перед Клаусом, выдернула свою руку из его руки и, не дослушав, побежала к отцу.

– Кажется, я уже опоздал! – сделал для себя вывод после некоторого размышления фон Клаус, подымаясь с колен и беря в руку фляжку со спиртом. – Но кто занял ее сердце? Тизенгаузен? Или этот недовольный всем Новоселов? А может, старик-лезгин?

Выпив без закуски четверть кружки спирта, доктор тяжело вздохнул, накинул поверх парадного мундира выпачканный в крови и пропахший карболкой халат, так как в

крепости не хватало воды для стирки, и отправился наружу, где у южной стены лазарета, устроившись на камнях и табуретах, грелись на солнце раненые.

28.

Ночью в крепость снова приходил Ади за патронами. Когда Новоселов зашел к Роту посоветоваться по этому поводу, тот махнул рукой: «Двадцать тысяч я отдал зря нашим противникам, теперь сто патронов кунакам, которые столько раз на деле помогали нам, что изменят? Сто бед — один ответ! Только отдай патроны без огласки, через Алисултана, а то вон, у нас доложители есть, не оберешься потом объяснений. Я знаю Мажида, он порядочный человек, власть он, как все горцы, не любит, ни наибов, ни царскую, но против нас не пойдет, мы ему ничего плохого не дели».

— Тогда я попрошу пригнать и полсотни баранов, вон противник жрет мясо вволю, а мы на одной каше сидим.

— Делай как лучше, — махнул рукой и сморщился от боли в плече Рот.

По поручению Новоселова, Алисултан, в присутствии Яна, передал Ади патроны и сообщил ему просьбу командования о продаже овец. «Нина мяса хочет, понимаешь?» — сказал он тихо на ухо Ади.

Довольный Ади ответил, что передаст Мажиду, но как бы тот ни решил, а для девушки он пару ягнят доставит в крепость.

Потом Ади также тихим голосом сообщил Алисултану, что Шамиль приказал прокопать ход от обрыва над Ахтычаем под стену крепости, между главными воротами и бастионом, обращенным в сторону Ахты. И посоветовал Алисултану подальше держаться от этого места. А еще, подумав, сказал подавленно, что Нину Шамиль обещал дать в пишкеш тому, кто первым пайдах (змамя) поставит над крепостью и пленит саму девушку и ее отца.

– Поэтому, – горячо заговорил Ади, – я первым залезу в крепость, и ты, Алисултан, помоги мне увести ее в горы. Мажид обещал спрятать и Нину, и ее отца в таком месте, что ни черт и ни ангел не найдут их. Все равно, крепость взлетит на воздух, поэтому и ты, и Нина с отцом должны укрыться в безопасном месте, подальше от места взрыва. Понял?!

Когда Ади скрылся за крепостной стеной в темноте, Алисултан подумал и ничего не стал передавать Роту. Он решил, что Ади врет насчет подкопа ради того, чтобы забрать к себе дочку коменданта. «Еще молоко на губах белеет, а тоже научился хитрить, меня хочет обмануть, подожди, я еще припомню тебе», – размышлял Алисултан, не зная, удивляться ловкости Ади или сердиться на него.

«Или кто-то умный подговорил сказать это, ведь сам вряд ли догадался бы о такой хитрости», – подумал Алисултан и, повернувшись к Яну, велел ему ничего не говорить Роту о словах Ади, чтобы не расстраивать раненого и не тревожить его дочь.

Но караульные, лежавшие под самой стеной, постелив под себя шинели, заполночь услышали удары кайла по камням, доносящиеся из-под земли, и доложили Новоселову. Тот приказал солдатам прослушать землю у всей стены крепости, и вскоре точно определили и место подкопа, и где можно ожидать взрыва. К утру со стен заметили, что к этому месту подтягиваются отряды мюридов и актынцев. Новоселов приказал устроить напротив ожидаемого места взрыва завал и установить пушку.

«Теперь – все! Вряд ли сможем сдержать толпы озверелого неприятеля, всех вырежут...» – вздыхали рядовые, уповая лишь на одного Бога, хотя в глубине души каждый надеялся на какое-то чудо, которое спасет именно его.

Время тянулось долго. Кругом стояла жуткая тишина, казалось, и гул рек сталтише в ожидании грядущих событий. Каждый понимал, что развязка будет страшна. Горцы не могут не мстить за убитых товарищей, таков их главный

закон чести, который они чтят более ревностно, чем даже законы шариата.

Почувствовав мрачное настроение нижних чинов, священник стал обходить крепость, высоко держа над головой тяжелый медный крест и читая псалмы, которые должны были вселить в воинов мужество.

Ночь прошла в приготовлениях с обеих сторон: мюриды готовились к взрыву самой высокой и крепкой части стены, а гарнизон собирал и размещал остатки сил для отражения штурма.

Никто не спал в ту ночь ни в крепости, ни в Ахтах. Со стороны села слышались звуки медленно приближающихся и останавливающихся в садах арб, запряженных волами,— это старики и женщины готовились вывозить из крепости добычу: продукты, одежду, снятые с петель двери и оконные створки, бревна с крыш казарм. Разнесся слух, что в крепости имеются большие запасы крепкого солдатского и офицерского сукна, которое высоко ценилось у горцев.

В крепости чувствовали, что развязка неумолимо приближается, слишком уж превосходящие силы у противника. И защитников все больше охватывала апатия перед лицом неизбежного, все усилия и жертвы теперь казались бессмысленными.

Вдруг с крутой горы над Самуром послышался чей-то истошный крик:

— Братцы! Держитесь!! Князь Аргутинский идет к вам! Держитесь!!

В крепости не сразу поняли, откуда и кто кричит. В утренней тишине голос эхом отзывался по ущельям и долинам и, казалось, кричат со всех сторон. В подзорные трубы офицеры, наконец, заметили на фоне неба трех егерей, которые стояли на самом гребне горы и один из них, насадив черную папаху на острие штыка, размахивал ею, словно флагом.

— Наши! Помощь пришла! Мы спасены! Ура!! — закричал один из офицеров.

Услышав радостную весть, все выбежали из помещений во двор, кто лежал или сидел, вскакивали на ноги и с надеждой, не веря еще в истинность происходящего, высоко задрав головы, смотрели на гору, откуда слышался спасительный голос:

– Братцы! Держитесь!! Аргутинский идет!

Узнав о подходе Аргутинского, некоторые наибы заговорили об уходе в горы, ведь скоро зима, дальше на юг идти теперь бесполезно, да и Аргут все равно не даст, зачем лишние жертвы. Когда Даниель-султан в осторожных, дипломатических выражениях попробовал довести до имама мнение войска, Шамиль рассердился, сказав, что такие слова могут говорить только трусы, а трусов надо казнить перед всеми, чтобы остальным было неповадно. Имам решительно велел ускорить подкоп под стену, взорвать ее и взять, наконец, крепость.

– А потом мы достойно встретим и Аргута, и даст Аллах, отрубим его кабанью голову.

И работа закипела с еще большей силой. Так как в подкопе могли работать только двое, то землекопы менялись часто и отбирались для этого самые сильные и умелые в таких делах люди.

Как только подземный ход уперся в основание стены, Кибит-Магома, к которому часто направлял посыльных Шамиль, узнать, не готов ли подкоп, велел подтащить по тоннелю к самому фундаменту два больших медных котла, заполнить их порохом, вставить в отверстия, просверленные в котлах, стволы от ружей, плотно набитые порохом, чтобы поджечь заряды.

Неизвестно от чего: то ли подкоп не был доведен под самую стену, то ли пороха было недостаточно, но после оглушительного взрыва, эхом прокатившегося по горам и поднявшего к небу огромное облако дыма и пыли, отвалилась лишь лицевая часть крепостной стены.

Тем не менее, ахтынцы первыми ринулись к крепости с заранее заготовленными длинными бревнами, которые перекидывали через широкие и глубокие рвы, заполненные

водой, и лестницами, чтобы взбираться на высокие каменные стены.

От сотрясения земли обвалился и подкоп, в спешке делавшийся без всякого укрепления бревнами сводов. Добриволец, который вызвался поджечь порох, не выбрался из-под обвала и погиб там, о нем забыли в суматохе штурма.

Остальное войско ждало, пока дерзкие ахтынские парни, не обращая внимания на пули и картечь, косившие их ряды, закрепятся на стенах, а затем изнутри откроют ворота.

Но наверх, сквозь пули, картечь и русские штыки успевали взобраться лишь отдельные смельчаки. Оказавшись на стенах крепости, они отчаянно бились саблями и кинжалами, ожидая подхода остальных сил, и гибли от пушечной картечи и пуль, падая вниз иногда даже вместе с защитниками крепости, склестнувшимися с ними врукопашную.

Весь гарнизон несколько часов подряд отбивал штурм, бросаясь то в одну, то в другую сторону крепости, где на стенах появлялись все новые группы штурмующих. Рядовые и офицеры падали не только от пуль и ударов кинжалов, но выбиваясь из сил, от усталости. Если у штурмующих было достаточно людей, чтобы сменять раненых и уставших, то в крепости одним и тем же солдатам и офицерам приходилось противостоять свежим отрядам мюридов, которые бросались на штурм волна за волной.

То и дело в крепости посматривали на север, на вершину горы, откуда перед рассветом слышались ободряющие крики о подходе Аргутинского на помощь, но по всему Самурскому хребту не было видно ни облачка пыли от идущих колонн.

— Помощь придет, чтобы похоронить нас, когда все будет кончено, — говорили между собой солдаты.

Услышав голос Ади и узнав его рослую фигуру на северной стене, Иван потянул за рукав Яна и, показывая на парня, сказал, что если сдаваться, то лучше в руки Ади, чем неизвестных мюридов.

Заметив, что ахтынские смельчаки закрепились в нескольких местах на стенах укрепления, откуда все реже

слышалась стрельба, мюриды бросились вслед за ними, стали переходить по наведенным бревнам и мосткам через рвы с водой и взбираться на стены.

Звуки выстрелов раздавались все реже. И защитники, и нападавшие все более убеждались, что все кончено.

И тут со стороны Самурского хребта послышался пушечный залп, и в облаке пыли появился передовой отряд Аргутинского. Войска, не растягиваясь, спускались по крутым склону, держа на весу ружья и то и дело дружно, по команде выкрикивая: «Ура!» – подбадривая себя и гарнизон и вселяя страх в неприятеля.

В крепости, завидев приближающуюся помощь и охватившее мюридов замешательство, стали тоже кричать «Ура!», тем более, на вершине хребта появился еще один батальон, который так же, не останавливаясь, стал спускаться к реке.

По закрепившимся на стенах мюридам ударила картечью пушка. Офицеры, размахивая шашками, повели рядовых сбивать со стен неприятеля. Не успел Ади спрыгнуть в ров, как с бастиона раздался выстрел, и когда он поднялся и выглянул изо рва, то никого из бегущих впереди не увидел, картечь сбила их с ног.

Отряды Даниель-султана первыми стали поспешно отходить в сторону Хурюга, чтобы, как он объяснял, заранее занять предусмотрительно подготовленные там оборонительные позиции.

Разъяренные ахтынцы, окружив Магомед-Наби и своих старшин, кричали им, потрясая оружием:

– Скажи, куда они бегут, заметив только пыль от ног врага? Они даже ни разу не выстрелили в них, не увидали их лиц, не схватились с ними грудь в грудь. Разве такие воины бывают?! Лучше бы вы их никогда не приводили к нам! Они воины против хинкала с мясом, а не против врагов с пушками.

Не выдержав раздающихся со всех сторон упреков, Магомед-Наби, а за ним и старшина Молла-Магомед вскочили на коней, чтобы поехать в ставку Шамиля. Они поручили

Абдулгани скорее пойти к Самуру с людьми и сбросить бревна моста в реку, чтобы лишить Аргута возможности перейти на этот берег. Ляли-бегу они велели поехать в Ахты, чтобы собрать всех, и стариков, и женщин, кто может держать в руках вилы, косы, лопаты и топоры, привести их к реке, чтобы не пускать солдат через реку вплавь.

— Большинство молодежи загубили, теперь-то чего жалеть женщин, кому они нужны, если не останется мужчин, — сказал сердито Ляли, садясь на коня.

Ляли с самого начала не нравилась затея штурмовать и разрушать крепость, он в душе был на стороне Мирзаали и понимал, что они взялись за безнадежное дело, но не мог остаться в стороне, когда большинство ахтынского народа, не раздумывая, ввязались в бой, получая от этого такое же удовольствие, как от боев петухов или собак. Они ни во что не ставили свою жизнь и судьбу своей семьи. «Все равно все умрем, но мужчина не должен умереть в постели! Мужчина не должен уйти на тот свет таким же чистым, как женщина, он должен быть в щратах, полученных в боях за праведное дело!» — убеждали они друг друга перед дерзкими атаками на крепость.

Против таких слов любые возражения и объяснения казались жалкими и трусливыми, поэтому Ляли-бегу помимо своей воли приходилось участвовать в боях против русских, ведь укрыться в крепости, как Мирзаали или рутульский старшина, он не мог. Не мог бросить на произвол судьбы народ, который поставил его над собой старшиной, хотя в душе он понимал, что русские сильнее и мюридам вряд ли удастся удержать долину Самура, даже если они и захватят Ахтынскую крепость.

30.

Магомед-Наби и Молла-Магомед прямо через сады и огороды поскакали к Шамилю, который со своей свитой следил за спускавшимся по крутому склону Самурского

хребта войском Аргутинского, в душе проклиная ненавистного армяшку.

Увидев приближающихся ахтынцев, Шамиль нахмурился и поднял к глазам подзорную трубу, раздумывая, как остановить Аргута.

— Имам! Я приказал разрушить мост и всем ахтынцам занять этот берег и сбрасывать обратно в реку каждого уруса, кто будет пытаться перейти Самур вплавь или на лошадях. Имам! Им нужно помочь конницей.

Шамиль задумался. Из слов Магомед-Наби он понял, что Аргутинского можно остановить перед бурной рекой, и достичь этого без особых потерь. Даниель-султана Шамиль послал занять позиции в Хурюге, чтобы Аргут не смог подняться вверх по реке и зайти им в тыл. Хаджи-Мурат направлен вниз по долине реки Самур, чтобы не дать подойти подмоге к осажденной крепости со стороны Кубы и Дербента. А проклятый Аргут пришел к Ахты с самой неожиданной стороны, со стороны Кураха, напрямую через уже занесенные горы, где и дорог для пущек нет. Проклятый армяш, выбрал самый безопасный для себя путь.

Полученное радостное сообщение от только что прискакавшего из Хазры Мухамеда ад-Хуми о разгроме им отряда кубинских милиционеров, которые направлялись на помощь осажденным, омрачилось неожиданным появлением Аргута. Поняв это, Мухамед ал-Хуми приблизился к Шамилю и сказал:

— Разреши, имам, вместе с доблестными ахтынцами напасть на Аргута и разгромить его на том берегу реки.

— Правильно! Чего ждать его на этом берегу! — поддержал это предложение решительный старшина Молла-Магомед.

— Я ждал твоего слова, Мухамед ал-Хуми. Удача крепко держит тебя сейчас за руку. Повезло в Хазрах, повезет и здесь. Аллах внушил и тебе, и ахтынцам одну и ту же полезную мысль. Да поможет вам Аллах! — сказал Шамиль и поднял руки для молитвы.

Все силы осаждающих были брошены на приостановление переправы Аргутинского на правый берег Самура. Все отошли от крепостных стен и стали устраивать завалы и занимать удобные позиции по берегу Самура, почти у самой воды. Увидев приготовления противника, Аргутинский приостановил подготовку к переправе и созвал офицеров на совет.

Когда мюриды оставили крепость и рассредоточились вдоль правого берега Самура, осажденные открыли северные ворота и бросились к реке, чтобы утолить жажду и набрать воды. Ведь с приходом подкрепления из Кусары запасы воды быстро иссякли и все защитники испытывали острую в ней нужду. Немногочисленная группа конников Аргутинского с ходу перешла Самур неподалеку от крепости и пока неприятель опомнился, доскакала до укрепления и укрылась за его стенами.

Аргутинский, не слезая со своей рослой лошади и не выпуская из рта трубки, следил за передвижениями неприятеля, слушал советы своих офицеров, суть которых сводилась к тому, в каком месте и каким образом, когда – днем или ночью, вброд или наведя временный мост, переправиться через Самур и как ударить по неприятелю.

Молча выслушав всех, Аргутинский хмуро заявил:

– Я потеряю здесь все, что приобрел за свою жизнь. Удобного брода здесь нет, воды в реке много. При попытке перейти вброд солдат перебьют как мокрых куриц, поэтому надо идти к Захулу, где удобнее переправа, и подмога из Кубы и Дербента подоспеет к нам.

– Ваше превосходительство, за это время крепость захватит неприятель! – закричали молодые офицеры.

– Отобъем! – сердито прощедил сквозь зубы Аргутинский и повернул коня в сторону гор, на восток, чтобы идти к Кабиру, а оттуда через Мугерганский перевал выйти к месту переправы.

– Легче пройти и переправиться выше по Самуру, там и воды поменьше, и река в узких скалистых берегах, – предложил кто-то из старых офицеров, но Аргутинский сделал

вид, что не рассыпал, и пришпорил своего неторопливо-го тяжелого коня.

Он вспомнил про отказ Нины на его предложение стать его женой и велел едущему рядом адъютанту подать огня для потухшей трубки. «Молодым подавай подвиги, дай помахать шашкой и покрасоваться этакими бравыми вояками перед до-черью Рота, этого тупого немца. А мне надо прогнать непри-ятеля обратно в горы и запереть его среди скал. Прорвавшись на юг, он поднимет жителей Кубинской и Илисуйской облас-тей и пойдет на Тифлис, что тогда будет делать эта старая лиса – Воронцов, который случайно остался жив после окружения под Дарго, или что подумает сам император? Тогда не видать мне ни наград, ни повышений, ни достойной отставки. Нет, кроме спасения этой Нины и других немцев, есть дела и по-важнее. Погибнут немцы-офицеры и ссыльные поляки, кото-рых много в этом гарнизоне – невелика беда, этого добра в России и так многовато развелось. Главное, сохранить силу, тогда я и Шамиля обудздаю. Я не буду из-за спасения двухсот человек губить вдвое больше. Это не подвиг, а преступление», – так размышлял Аргутинский, которого начала одолевать дрема после бессонной ночи.

Семитысячное войско Аргутинского, отступающее по горам, где не было никаких дорог для пушек и обоза, и все приходилось тащить на себе солдатам, растянулось на не-сколько верст. Солдаты и офицеры, неся потери, отбивались от наседавших сзади горцев. А тем временем командующий спокойно дремал на широкой спине своей выносливой ло-шади.

31.

Джахварат с подругами также была среди собравшихся у переправы, где Самур разбивался на три широких потока. Она заметила Ади на рыжей Деликуш и стала звать его.

Ади спешил переправиться на противоположный берег, чтобы вместе с другими всадниками преследовать отсту-

пающее войско самурского кабана – донхуза Аргута, который до Рота три года был комендантом Ахтынского укрепления, и поэтому к нему у многих ахтынцев имелись свои счеты.

Услышав крик Джахварат, которая училась вместе с ним в одну из зим у Мирзаали, Ади попридержал Деликуш, вслед за другими лошадьми уже осторожно входившую в воду.

Джахварат была сильной и быстрой девушкой, в ловкости и сообразительности никому не уступала. Даже Мирзаали не раз повторял: «Ты должна была родиться мальчиком, и тогда ты достигла бы всего в жизни». На что Джахварат отвечала, что без отца и братьев, богатых родственников, кем бы ты ни родился, ничего не достигнешь в этом проклятом мире. Сирота – дерево без корней. Ади нравилась Джахварат за смелый характер, отвагу, справедливость, все эти черты она унаследовала от погибшего отца. Но и осторегалася ее, ибо рассердившись, она могла и сильно ударить, и отругать самыми что ни на есть мужскими ругательствами. И никогда не видел Ади ее плачущей, ни от побоев в драке, ни от обид.

Джахварат искала повода отомстить русским за отца и братьев, и вот, когда такой случай подвернулся, она, схватив навозные вилы, бросилась вслед за односельчанами к Самуру.

Джахварат подскочила к Ади, схватила Деликуш за уздечку и закричала: – Скорей! Давай на тот берег! Враг уходит.

– Деликуш молодая еще. Двоих не сможет переправить! В реке, видишь, много воды. На арбе с волами переправляйся! – сказал Ади, следя за облаком пыли, поднимающейся вслед за батальонами Аргутинского.

– Эй! Девушки! Все на арбу! А я с Ади, – крикнула Джахварат и, не обращая внимания на недовольство парня, решительно подвела испуганную лошадь к большому валуну и с него неожиданно ловко вскочила на ее круп, позади Ади. Крепкие коленки Джахварат коснулась его ног, она горячо задышала у самого его уха, и Ади вдруг почувствовал

вал, что в его напрягшуюся от волнения спину упираются твердые, словно яблоки, и горячие, как только что испеченные круглые хлеба, груди девушки.

Ади не мог понять, что с ним происходит: не мог ни говорить, ни соображать, правильно ли Деликуш входит в реку, и куда несет их бурный стремительный поток, при взгляде на который кружилась голова.

Джахварат, будто смущившись, притихла и вдруг на самой середине реки стала отодвигаться от Ади, чтобы не касаться его своим телом. На самой середине потока Деликуш поскользнулась на гладких валунах и стала валиться на бок. Джахварат, за ней и Ади, оказались в воде, и их понесло вниз по течению. С трудом они выплыли из быстрой реки и, держась друг за друга, вышли на осыпающийся берег ниже по течению. Избавившись от непосильной ноши, Деликуш легко поднялась на ноги и отчаянными рывками вскочила из воды.

– Чтоб ты сдохла! – в сердцах крикнула Джахварат лошади.

– Я же говорил, двоих не выдержит, – пытался оправдывать Деликуш Ади, приглаживая мокрые волосы.

– Видно, твоя лошадь для тебя одного и хороша, – сказала разочарованно Джахварат и, махнув рукой, пошла к подругам, на ходу выжимая отяжелевшее платье из дюмоканого полотна. Девушки, переправившись через реку на арбе с высокими колесами, запряженной парой тяжелых быков, спрыгивали с нее совсем сухими, даже не замочив ног.

Ади, не выжимая одежды, вскочил на Деликуш и быстро догнал своих товарищих, продолжавших преследовать войско Аргутинского. Те мюриды и ахтынцы, у кого были ружья, старались подобраться поближе к русским, прилагали поудобнее оружие на выступах скал и то и дело стреляли, чаще раня солдат, чем убивая. Когда мюриды приближались слишком близко, солдаты по команде занимали позицию и начинали перестрелку, а затем шли в шты-

ковую атаку, пытаясь отбросить докучавшего им неприятеля назад. Так продолжалось до вечера, пока солнце не стало заходить за заснеженные хребты на западе, а войско Аргутинского, перевалив Самурский хребет, не стало через Хюрахюрское ущелье отходить в сторону Кабира.

Не настигнув врага, даже не увидев вблизи ни одного русского солдата, усталые и разочарованные Джахварат с подругами решили возвращаться домой не вместе со всеми, а через яйлаг «Шиткам», где был родник с чистой водой и укрытие, сложенное из камней под скалой.

Места были для девушек знакомые, летом они не раз по очереди пасли здесь телят и знали, где лежат припрятанные кресала и трут для разжигания огня. А кизяков, разложенных для просушки на больших камнях, здесь было много.

Джахварат, мокре платье которой до боли натирало ноги, побежала к устроенному под скалой каменному загону для телят, чтобы снять с себя одежду и выжать. Бросив на землю вилы и скинув с себя платье, она стала обматывать грудь и бедра головным платком.

И тут услышала за спиной стон. Резко обернувшись, она заметила в темном углу загона солдата, который, опираясь на ружье, медленно поднимался на ноги. Джахварат дико закричала. Потом, не помня себя, роняя одежду, рванулась к вилам.

Махрибан и Маржанат, тем временем раздувавшие огонь, вскочили на ноги и побежали на крик. Они увидели голую Джахварат, которая, выставив вперед вилы и низко пригнувшись, пятилась к выходу.

— Что там?! Медведь?! Волк?! Змея?! — начали спрашивать наперебой девушки. Но Джахварат никого не слышала. Лишь когда подруги прижались к ней и тоже ухватились с обеих сторон за ее вилы, она посмотрела на них широко раскрытыми глазами и крикнула: «Там урус! Живой!!»

Услышав это, девушки завизжали и бросились бежать. Джахварат же осталась на месте. Она уже взяла себя в руки, не выпуская из рук вил, подошла к каменной стене загона и, осторожно заглянув туда поверх камней, увидела солдата,

который, еле держась на ногах, качался из стороны в сторону и просил тихим осипшим голосом, чтобы его взяли в плен и горские хакимы вылечили его, что он грамотный, может читать и писать по-русски и по-французски, может подковы коням делать, кинжалы ковать.

Прислонив вилы к стене, Джахварат схватила камень и, высоко подняв его над головой, со всей силой метнула в солдата, попала в ружье, на которое тот опирался обеими руками, отчего он выронил его и опрокинулся на уновоженную землю.

В это время снаружи послышались крики подруг:

– Джахварат! Смотри! Ади едет! Эй, Ади, скорей, сюда!

Джахварат спохватилась, что совсем раздёта, и вскрикнув, бросилась в загон, забыв про солдата, за своим платьем.

Схватив испачканное платье с земли и быстро напялив его, она заметила, что солдат лежит без сознания.

Когда Ади с обнаженной саблей в руке, а следом Маржанат и Муслимат вошли в загон, то увидели Джахварат, не сводящую глаз с солдата, который, уже прия в себя, чуть приподняв голову, выжидательно смотрел на девушку.

– Убей! Убей его, Ади! – шептали перепуганные подруги.

Ади, выставив вперед саблю, подскочил к ружью с примкнутым штыком и поднял его.

– Лучше ударь саблей по шее. Сразу отруби голову, так легче будет. И мне, и тебе... – обреченно прохрипел солдат, опуская лицо к земле.

– Что? Что он сказал? – спросила Джахварат.

– Он хочет умереть. Хочет умереть от моей сабли, а не от твоих навозных вил, – ответил Ади и, посерезнев, высоко поднял саблю и стал медленно подходить к лежавшему солдату, выбирая удобную позицию для удара, чтобы сразу отсечь голову.

Ади размахнулся, девушки вскрикнули от испуга и, закрыв ладонями лица, отвернулись, но не услышав звука удара, снова взглянули на Ади и увидели, как он медленно опускает саблю и смущенно улыбается.

– Я пошутил! Кто же убивает раненого? Грех будет. Его надо вылечить и продать кому-нибудь в горы, пусть работает и пользу приносит. Имаму нужны умелые работники, – сказал Ади, не глядя на девушек и отступая на шаг от солдата. Тот, видимо, немного понимал по-лезгински, потому что в ответ пробормотал, что может работать кузнецом и немало пользы принести своему хозяину.

– Что он сказал? – сердито спросила Джахварат.

– Говорит, что хочет кинжал для тебя выковать острый, – объяснил Ади.

– Ах ты, проклятый враг, ты еще и смеешься надо мной, над моим горем?! – выхватив из рук Маржанат вилы, Джахварат подскочила к солдату и прижала остриями вил его шею к земле.

– Ну! Сильнее! Дави... – хрипел тот, но какая-то неведомая сила не давала Джахварат налечь всем телом на вилы и проткнуть шею совсем еще молодого солдата. Джахварат оглянулась, но ни Ади, ни подруги не держали ее, тем не менее она была не в состоянии довести свое страшное дело до конца, убить обессиленного человека.

Отшвырнув вилы, она посмотрела на улыбающегося Ади и выбежала из загона.

– О Боже! Прости прегрешения наши, – простонал раненый.

– Бог проклятого уруса и наш великий Аллах не дали его убить, – тихо говорили потрясенные Маржанат и Муслимат, спеша догнать Джахварат, убегающую, не помня себя, в сторону Ахцаха.

Ади взвалил потерявшего сознание раненого на лошадь и повел Деликуш в поводу за собой на яйлах к Мажиду, который знал, как лечить пулевые и кинжалные раны. «Вылечится – верну Джахварат. Хочет, пусть убивает, не хочет – продаст или себе оставит, всякие тяжелые работы выполнять».

После отступления Аргутинского к крепости подъехали шесть всадников без оружия, среди которых были и ахтынцы, и мюриды Шамиля, и наиб Юсуф, которого Рот, вставший с кровати по такому поводу, сразу узнал.

— А мы встречались однажды с тобой, Юсуф, в Салтынском бою, помнишь? — сказал Рот.

— Кисмат (судьба) снова нас поставил друг против друга. Ваш Микалай — царь и наш Шамиль — имам не могут дружба делать меж собой, поэтому и урус, и мусульман война делает. Убивай делает зря друг друга, — покачал головой Юсуф, легко пожимая перевязанную руку Рота и смущенно улыбаясь ему.

— Лучше бы мы всегда встречались без оружия, как мирные люди, больше пользы было бы и вам, и нам. А то видишь, сколько полегло людей! Думаешь, нам это нужно? — нахмурившись, кивнул Рот на равнину перед крепостью, над которой кружились черные грифы и вороны, слетевшиеся с окрестных гор поживиться человечьим мясом. Юсуф посмотрел туда, куда указывал Рот, и тоже вздохнул и покачал головой.

— Аллах за наши грехи не дал нам победы над вами. Теперь просим разрешить собрать павших и предать земле. Мы не можем задерживать умерших, — спохватившись и больше не отвлекаясь на второстепенные разговоры, приступил к делу наиб Юсуф.

Рот отошел в сторону посоветоваться с Новоселовым. Решили, что пришедшие за телами должны быть без оружия. И все оружие, которое было на погибших, чтобы оставляли на месте.

— Мы не можем хоронить мужчину, павшего в бою, без его оружия! — возмутился Юсуф.

— Ладно, кинжалы можно, забирайте. Но ружья и сабли оставьте! Это наши трофеи, — тихим, но категоричным тоном заявил Рот. Юсуф хотел было опять возразить, но сопровождающие его ахтынцы сердито ответили, что завтра

взьмут крепость и заберут свое оружие вместе со всем русским оружием и пушками.

33.

Ночью шел проливной дождь, смывая кровь и гарь с крепостных стен. Под желоба подставили котлы, кувшины, тазы и другую посуду для сбора дождевой воды. К утру, когда ливень прекратился и небо на востоке начало алеть, у ворот крепости, в утреннем тумане, еще устилавшем всю долину, показались промокшие Ади и Алисултан, которые, ведя лошадей в поводу, молча гнали хворостинками перед собой небольшой гурт овец.

Узнав Алисултана, Новоселов велел солдатам отпереть ворота. Вдруг послышался топот копыт и в сторону крепости стали стрелять из ружей и пистолетов. Выбежавшие из ворот солдаты помогли загнать овец в крепость и тут же открыли ответную беспорядочную стрельбу. Увидев, что Алисултан скрылся за железными воротами, Ади вскочил на свою лошадь и, не обращая внимания на летящие с обеих сторон пули и крики солдат, зовущих его в крепость, лихо свистнул и, стегнув Деликуш, направил ее в сторону спасительного Самура, глухо рокочущего в сотне шагов от крепости.

Со стен крепости открыли дружную стрельбу по выскочившим из тумана всадникам, которые хотели преследовать Ади, но потом, не желая рисковать, резко повернули коней обратно и с гиканьем снова скрылись в тумане.

Алисултан с гренадерами до восхода солнца ждали возвращения трех потерявшимся в тумане нукеров, направленных три дня назад с рапортом в Дербент, но те так и не объявились.

В крепости радовались, глядя на мокрых, грязных, жалобно блеющих овец, мечущихся то в одну, то в другую сторону от радостно возбужденных солдат и офицеров, то и дело щупающих их упитанные спины или туго налитые жиром курдюки.

— Федор Филиппович, такие молодцы встречаются только в романах, — все повторяла госпожа Жорж, не отводя взгляда от лица ставшей задумчивой Нины и снисходительно улыбавшихся Новоселова и Тизенгаузена.

Рот пригласил к себе Алисултана, который уже успел переодеться и выглядел опрятным.

Пока заваривался чай, Алисултан в подробностях рассказал, как ходили за овцами, встретили в горах возвращавшихся с задания нукеров, и где потерялись они, когда все вместе убегали от конных мюридов, на которых напоролись в густом тумане...

— Дай Бог, чтобы живы остались, у них же у всех дети, — вздохнул Рот.

— Чтобы детям зарабатывать на хлеб, и служат они в крепости, — сказал Алисултан.

— А для чего ты служишь, у тебя же нет детей? — спросила Нина.

— Я служу вам назло моему дяде Даниэлю. Когда он предал русских и пошел к Шамилю, я сказал себе: «Эй, Алисултан, ты поклялся всю жизнь вред делать своему дяде Даниэлю за то, что он обидел твою мать и по его вине погибли твои братья. Поэтому, если Даниэль предал русских, значит я, Алисултан, должен верно служить русским. Потому что и я враг Даниэлю, и русские ему враги. Значит, я должен быть вместе с русскими, а не с Шамилем, у кого правой рукой стал мой враг, мой дядя Даниэль».

— Выходит, ты только из-за желания мести находишься с нами в этой крепости? — удивленно спросила Нина, подавая Алисултану кружку с чаем.

— Раньше так было, а теперь не так, — ответил Алисултан, отхлебывая из латунной кружки обжигающий чай.

— А что изменилось теперь? — поинтересовалась девушка.

Алисултан поперхнулся чаем и закашлялся.

— Нина, дай гостю спокойно чаю выпить, не смущай лишними вопросами, ты же обучалась светским манерам, — сказал, улыбаясь, Рот.

— Светские манеры, папа, слетели под пулями и взрывами, как ненужная праздничная мишурा. Я пойду к себе, дневник заполнить, что надо будет, позовите, — Нина по-светски поклонилась и, улыбнувшись покрасневшему и уставившемуся на свою кружку Алисултану, тихо прикрыла за собой дверь в свою комнату.

Солдаты вместе с нукерами быстро зарезали, освежевали бааранов и начали разводить огонь под котлами. Вскоре по крепости разнесся аппетитный запах варившегося мяса и шашлыков.

Офицеры достали у маркитантов припрятанные бутылки с вином и послали за Ротом, Ниной и Алисултаном фон Клауса и двух молодых офицеров, чтобы пригласить выпить по бокалу вина. Алисултан покачал головой:

— Мне наш закон мусульманский не разрешает. И вместе с пьющими сидеть грех по нашей вере. Поэтому, извините, не могу.

Уговаривать Алисултана было бесполезно. Рот собрался почтить своим присутствием офицеров и позвал дочь, но та, сославшись на недомогание, вежливо отказалась от участия в мужской компании. Она попросила отца не задерживаться, ведь ему вредно долго находиться на ногах. Собравшегося уйти Алисултана Нина попросила остаться. В ее руке была заветная тетрадь с любимыми стихами Пушкина и Лермонтова, которые она решила прочитать ему. Алисултан помолчал, раздумывая, затем посмотрел в глаза Нины и сказал строгим голосом, что у него есть неотложные дела. Нина растерянно кивнула головой и ничего не ответила, по-

няв, что отважный прапорщик стесняется оставаться с ней наедине.

Поздно вечером к Роту пригласили Мирзаали, чтобы перевязать разболевшуюся рану. Кази трубкой из бараньего рога высосал накопившийся в ране гной, наложил свежий кусок курдюка и замотал всю шею и грудь полковника новой бараньей шкурой.

Мирзаали преподнес Нине стихи, написанные им в крепости. Ничто не могло погасить чувства семидесятилетнего ученого к юной красавице.

— В Ахцахе иногда и в сентябре зацветают вишни, — говорил Мирзаали. — Правда, плодоносить не успевают, неизбежные зимние холода губят цветы, но дерево, несмотря на это, зацветает, зацветает перед снегом, наперекор природе. Я тоже себя чувствую такой вишней, неожиданно зацветшей осенью. Поэтому, друг Федор, не сердись на меня, ты тоже ведь по любви женился на прелестной француженке, а после ее смерти на бедной, но царственно красивой грузинке Тамаре, которая подарила тебе ангелоподобную Нину, — улыбался кази, глядя то на смущенную девушку, то на ее отца. Потом начал декламировать свои стихи:

Передо мной огонь, позади река,
Небо высоко, а земля тверда.
Хоть живи ты век — не достичь никогда
Желаний тайных сердца своего.

35.

Ночью Новоселов, исполняющий обязанности коменданта, посоветовавшись с Ротом и офицерами, предложил сорока состоятельным ахтынцам и рутульцам, укрывавшимся, как и Мирзаали, от Шамиля в крепости, встать вместе с гарнизоном на защиту укрепления.

— Завтра мы, может, не выдержим натиска превосходящих сил неприятеля, — Новоселов после вина и шашлыков говорил об этом, как о чем-то веселом. — Гарнизон поклялся, как и подобает русским воинам, взорвать крепость и уме-

реть всем вместе, но живыми не сдаваться! Готовы ли вы умереть вместе с нами?! – ухмыляясь, громко спросил он.

Наступила тишина. Кто-то хриплым голосом выкрикнул из темноты, что надо посоветоваться.

– Ну, советуйтесь! – сердито ответил Новоселов и отошел к Тизенгаузену, который стоял у молоденькой ивы, посаженной Ниной слева от входа в церквушку, и смотрел на звездное небо над головой.

Возле восточной стены, лежа на шинелях, тихо пели наевшиеся каши с бараниной солдаты, которые не утруждали себя мыслями о завтрашнем дне, а довольствовались тем, что остались до сих пор в живых, а завтра что будет – ведомо лишь Богу. Они пели о широкой степи, о доме, о далекой русской сторонке, которую, может, больше никогда и не увидят.

– Геройство – дело бедных, – сказал Новоселов, подходя к Тизенгаузену. – Сколько лезгин лезли навстречу нашей картечи и погибали. А – эти... состоятельные. Хоть один вышел бы защищаться!

– Бедный любит родину, а богатый – деньги, – ответил Тизенгаузен.

– Поэтому Рот так любезен с этим Алисултаном. Я понимаю – геройство, баранов пригнал, но, как сказал кази, не может же он отдать дочь из-за баранов за барана... А старик тоже женихом стал, хоть из него песок сыпется, – хмыкнул Новоселов.

– Как это ты красиво сказал – из-за баранов отдать дочку, окончившую институт благородных девиц, за барана... А мы с тобой прибежали сюда из Кусары, разве не ее спасать?! – с обидой заговорил Тизенгаузен. – Не будь здесь нас, укрепление давно сдали бы, и дочка Рота оказалась бы сегодня в лапах Шамиля.

– Старик Рот себя чувствует виноватым, что вызвал Нину сюда просвещать этот дикий край, а тут, видишь, какой конфуз. Здесь ему не Бессарабия. Тут трезвые воины идут на нас без страха смерти. Таких убить можно, пока си-

лы есть, но победить их силой невозможно! – сказал Новоселов, а потом, понизив голос, добавил:

– Крепость удержать у нас сил уже нет. Аргутинский бросил нас. Армянин больше думает о благополучии собственной задницы, а не о нас.

– И вовсе не о дочке Рота, как мы с тобой, – улыбнулся Тизенгаузен.

– Как думаешь, если крепость будет взята, мы с тобой кто – покойники или пленники? – почти шепотом спросил Новоселов, желая узнать мнение немца.

– Плен – никогда! – перебил Тизенгаузен, сразу сообразив, что Новоселов решил проверить его преданность долгу.

– Я тоже так думаю! – громко сказал довольный Новоселов, крепко пожимая руку Тизенгаузену.

– Если со мной что случится, ты бери командование на себя! Понял??!

– А если неприятель захватит крепость? – спросил Тизенгаузен.

– Ты знаешь, где лежат порох и заряды, все приготовлено для взрыва, – ответил Новоселов. – Подождем, пока в крепость набежит побольше мюридов, и взорвем всех к чертовой матери. Я или ты должны это сделать.

– Рот тоже готов погибнуть вместе с Ниной, чем попасть в руки неприятеля, он сам об этом говорил в присутствии дочери.

– Если он это сделает, то на нашу душу греха меньше. А если не решится, то мы с тобой обязаны это сделать. Для казака, для русского офицера геройски погибнуть почетнее самого благоприятного плена, офицер или солдат после плена всеми презираем, и это для воина хуже смерти.

– Истинно так, мы, немцы, тоже думаем, что верность долгу и присяге дороже жизни.

Два офицера, два имеющих виды на Нину молодых человека снова крепко пожали друг другу руки, посмотрели друг другу в глаза, и, поняв, что оба говорят правду, вдруг обнялись и похлопали друг друга по спине, как будто перед долгим расставанием.

Из казармы вышли рутульский старшина и Мирзаали и подошли к Новоселову и Тизенгаузену.

— Мы — мирные горцы и не хотим воевать ни с русскими, ни, тем более, со своими земляками, среди которых все знакомые, родственники, дети кунаков наших. Легче умереть, чем стрелять в своих, этот позор не смоется никогда.

— Ну что ж, пусть так и будет! — сказал Новоселов. — Идите, собирайте вещи, а я о вашем решении доложу Роту.

Мирзаали попросил Новоселова разрешить ему попрощаться с Ротом и они вместе зашли в здание штаба, в северном крыле которого размещалась квартира коменданта.

— Пусть Шамиль и его наибы узнают, что мы решили взорвать себя и крепость, — подумав, ответил Рот.

Мирзаали подошел к Федору Филипповичу и осторожно, чтобы не побеспокоить рану, обнял его. Потом выпрямился во весь свой внушительный рост, взял обеими мясистыми руками нежные тонкие руки Нины и поднял было голову, чтобы сказать ей что-то важное, возвышенное, но Нина, стараясь скрыть неожиданно подступившие к глазам слезы, вырвала свои руки из рук Мирзаали и скрылась в своей комнате. Мирзаали вздохнул, опустил голову и вышел в темноту сгустившейся над крепостью ночи.

36.

Мирзаали сразу привели к Шамилю, который сидел в одиночестве в Ахтынской соборной мечети, молился и ждал, когда ему Всеышний даст видение о завтрашнем дне, даст знак грядущей победы. Шамиль верил, что победа дается небесами, только надо выждать тот день и час, когда сверху тебе будет благорасположение. И этот знак будет сообщен ему, Шамилю, который ближе всех к Аллаху, прощательнее других, чтобы распознать тайные знаки небес.

Шамиль видел, как ступая как можно тише, зашел Даниель-султан, и догадался, кто с ним. Шамилю уже доложили, что вероотступники, которые прятались в гяурской кре-

пости, ушли, так как потеряли веру в победу русских и не захотели погибать с ними. «И русские поняли, что их постигло поражение, – удовлетворенно размышлял Шамиль, – смирились с неизбежным и отпустили по домам этих вероотступников. Кто мне изменил, те изменят и им. Завтра русские сдадутся, у них больше нет сил для сопротивления, они говорят, что взорвут крепость, но это лишь красивые слова».

– Передай в крепость, лично коменданту, немцу, что ни жизни его дочери, ни его жизни ничего не угрожает, и что ты, Даниель-султан, прощаешь своему племяннику кражу коней. Все равно завтра кони снова будут в наших руках. Понял?

– Но я считаю, что Алисултану надо голову рубить!

– Делай то, что я тебе говорю! Остальное не твоего ума дело! – резко оборвал своего наiba имам. Когда они были одни, Шамиль не церемонился с Даниелем.

– Иди сейчас! Делай все сразу! Отложенное дело наполовину потеряно!

Когда Даниель-султан вышел, Шамиль посмотрел внимательно в большие серые глаза Мирзаали.

– Умные люди ушли к неверным, а праведное дело приходится делать с глупыми, – усмехнулся Шамиль.

– Имам, с глупыми можно погубить любое праведное дело, – дипломатично подтвердил кази, который боялся только одного: чтобы его самого так же, как других отступников, не казнили позорно перед всем народом.

– Магомед Ярагский, мой большой учитель, начал газават. Ахты весь, и даже женщины и дети, бросаются на врага, а ты в это время не со своим народом, кази Мирзаали, а с гяурами... Слышал я, что ты даже стихи писал дочке коменданта.

Мирзаали вздохнул и посмотрел на Шамиля:

– Ты лучше моего ведаешь это, имам. Любовь от неба, она от возраста не зависит. А народ, что народ, сам знаешь, народ, как отара, куда погонят, туда и побегут.

— А действительно, хороша немка? — поинтересовался Шамиль. — Молодежь Ахты как волки бросаются на крепость после того, как я пообещал отдать ее тому, кто первым туда ворвется.

— Слов нет, имам, чтоб выразить ее красоту.

— А это ты написал? — Шамиль на миг задумался и прочел на память услышанные от ахтынцев стихи Мирзаали:

Краса твоя пленит царей и Рима, и Китая,
Твоя крепость для меня стала земным раем...

— Поэту, имам, прощают грехи любви... — улыбнулся Мирзаали.

— Но не прощают измену народу! — сердито возразил Шамиль.

Мирзаали хотел выдать себя за влюбленного поэта, но Шамиль понял, что ученый просто хитрит с ним, стараясь спасти свою жизнь, хотя он и не думал его убивать.

— Я знаю тебе цену, Мирзаали, не делай себя дешевле, чем ты есть на самом деле. Я не о твоих стихах и не о немецкой девушке из крепости позвал тебя поговорить.

— Ты думаешь, имам, я выжил из ума? Я топлю свое горе и желания сердца в стихах. Что касается войны, то пока я был молод, я писал и выступал против русских, но потом поняв, что большое дерево затеняет маленькое, стал писать о том, в чем убедили меня книги и опыт жизни, стал призывать к примирению, ибо с сильным надо дружить, коли воевать и победить его нам не по силам.

— Ученый готов служить и святому, и нечестивцу, ибо считает себя и свои знания превыше всего и превыше всех, — покачал головой Шамиль.

— Наши знания — богатство всех. Не хочется, чтобы они ушли в землю без следа, — вздохнул Мирзаали и покорно опустил голову.

Шамиль замолчал, обдумывая вопросы к одному из самых умных и известных людей на Кавказе. Но прежде чем заговорить о главном, имам начал издалека.

— Сил многое еще осталось в крепости?

— А что осталось от крепости? — спокойно отвечал Мирзаали. — И кто там остался? Раненые. Ни одного целого солдата и офицера не осталось. Солдаты, особенно ссыльные, готовы открыть ворота, но офицеры как волки следят за всеми, сами охраняют, не доверяют никому, заставляют каждое утро молиться и приносить клятвы Богу и царю. Они поклялись взорвать себя вместе с крепостью. Но дочь коменданта видела сон, который, по известной тебе книге толкований, означает благоприятный исход для нее.

— Конечно, для красивой ученой немецкой девушки будет неплохо, если выйдет замуж за наиба или даже за самого имама.

— За тебя?! — удивился Мирзаали.

— За тебя, старца, можно, а за меня, моложе тебя на двадцать лет, нельзя? — усмехнулся Шамиль.

— Нет, можно! Я думал...

— Мне нужно стремиться не только на юг, к единоверцам, но и в сторону френгов. Для нашего дела мы должны брать помошь отовсюду, тогда мы одолеем русских и возьмем Москву и Петербург, где живет их Николай, — развивал свою мысль Шамиль, и Мирзаали, внимательно слушая имама, то и дело смотрел в его лицо и убеждался, что Шамиль верит тому, что говорит. И говорит он это ему, Мирзаали, чтобы узнать от него что-то такое о русских, что еще больше утвердило бы его в своих мыслях и действиях.

— На все воля Аллаха,уважаемый имам, — уклончиво ответил Мирзаали.

Шамиль посмотрел на кази и без всякой дипломатии спросил напрямую:

— Что ты служил русским, Аллах тебе судья, он рассудит. Я знаю, десять лет назад ты поднял всех жителей Сымурской долины на войну с неверными, целый год не пускали их в горы. Это тебе зачтется и в этом, и другом мире. Но ответь на один вопрос. Ты много читал, много знаешь, много видел, и русских знаешь, и меня знаешь. Скажи, что у них есть такого, чего нет у меня, почему народ идет к этим гяурям, которых они не уважают совсем? Почему русские, не

жалея жизни, служат своему царю, который их угнетает как рабов? Почему мои наибы, многие мюриды не проявляют такого усердия для меня, как урусы для своего царя?

Мирзаали задумался и покачал головой, потом посмотрел в темные глаза имама:

– Урус вилаят – государство не имеет конца, края. Его никто не может победить. Год надо ехать на лошадях из одного конца в другой... Объехать кругом эту страну – одной жизни не хватит. Много силы, много людей, крепкий закон, который и царь, и все остальные его люди соблюдают.

– Я же много раз бил их генералов. Воронцова, который Наполеона победил, я чуть в плен не взял. Если все мусульмане пойдут вместе со мной, мы и Моздок возьмем, и Москву, и главный их город вместе с самим Николаем.

– Воевать можно, и генералов русских побить можно, имам... Но победить Россию невозможно, имам. А если не можешь победить, то и воевать не надо, имам. Погубишь зря народ свой, имам. И себя..

– Останутся мужественные. Останется имя и дела для примера потомкам, вырастут смелые и отважные сыновья, которые продолжат начатое нами дело.

– Мужественные погибают первыми, имам, как и сейчас, у этой крепости. Остаются слабые и робкие. После этой войны наш народ станет еще слабее, имам. А ведь робкие еще быстрее покорятся русским, имам.

– Тарикат и шариат сделают всех сильными. Для этого я веду войну с Николаем, он защищает нечестивых и отступников среди нас, которые мутят народ и отворачивают его от чистого шариата.

– Не от шариата, а от твоих наибов уходит народ. Человек не любит, чтобы ему запрещали. Ты, имам, запретил народу много чего... Разве такая свобода бывает, имам?

– Для их блага я сделал это. Не для себя. Иначе они пропадут, души их станут трусливыми, они не увидят рая, а сгорят в аду, – возразил Шамиль.

— Тысячу лет и без меня, и без тебя они, имам, ели, пили и врагов били, и земли берегли от захватчиков.

— Слава Аллаху, и через тысячу лет такими будут наши люди. Кто живет в горах, тот непобедим.

— Ты думаешь, русские отнимут у народа Коран и шариат? Снова сделают дагестанцев христианами?

— Что думают русские цари, они, русские, и сами не знают. Каждый царь делает, как хочет сам, а не как надо. Поэтому все может измениться, на то воля Аллаха, русские могут и совсем уйти с наших гор, многие офицеры так и говорят, какой прок им от этих скал?

— Я стал бы другом русского царя, если бы русские оставили нас в покое. Но они этого не сделают. Я слышал, они хотят завоевать и Турцию, и Иран, и Индию, и Багдад. А Дагестан у них на пути стоит, как скала, — улыбнулся Шамиль.

— Ты прав, имам, русский царь хочет под свою руку весь мир поставить, хотя и не говорит об этом. И всех, кто мешает этому, они считают своими врагами.

— Видишь, я прав, они хотят нас сделать своими рабами, отнять нашу веру, заставить наших женщин стать как их матишка. Поэтому я говорю правду народу и он идет за мной. — Шамиль поднял голову и гордо посмотрел на Мирзаали.

. — Правды больше, чем было до тебя, имам, не стало. Народ это видит, имам. Твои наивы... — но Шамиль перебил Мирзаали:

— Знаю, мои люди, убив ханов, сами хотят стать на их место. Мои люди во имя закона топчут закон. Мои наивы больше думают о своем кармане, своем животе и о своих близких, чем о благе моего имамата, его народа, о благе всего Кавказа. Выгоню русских с нашей земли и всех поставлю на свое место, а кое-кого и казню. Иншаллах! — твердо сказал Шамиль и встал. Вслед за ним поспешило подняться и Мирзаали.

— Вот увидишь, я открою путь в Турцию, к правоверным братьям нашим, я разрушу все крепости царя на Кавказе, тогда я за наивов и за народ возьмусь — все как один будут жить по шариату.

— Имам, не делай этого! — тихо посоветовал Мирзаали.

— Что?! — Шамиль показалось, что он ослышался.

— Ты же помнишь, как тебе было тяжело отучить отца родного от вина. Только угроза потерять сына заставила его отречься от выпивки. Ты не сможешь из-за каждого пьющего, курящего, ворующего приставлять к своему горлу кинжал. Если твой отец ради сохранения единственного сына и стал на благой путь, другие этого не захотят сделать. Природу человека нельзя изменить, пойми это, имам!

— Смотри, сколько людей живут по шариату как настоящие мусульмане, сколько погибло за праведное дело!

— Человек создан Аллахом и его изменить нельзя. И те, кто отказался по обещанию или по принуждению от вина, табака, женщин, богатства — они тоже в душе желают этого же... многие желают. Ведь и в раю обещано людям это. И многие тайком от тебя пользуются этим. Первые среди них — люди, которым ты доверяешь.

«Я никому не доверяю», — хотел было ответить Шамиль, но промолчал, заметив Даниель-султана и Гази-Магомеда, которые пришли сообщить, что все собрались и ждут своего имама.

37.

Шамиль вышел из мечети, сел на коня и вместе с сопровождающим эскортом поскакал через улицы Ахты к высокой деревянной вышке, возведенной на правом берегу Ахцахваца, на расстоянии, недосягаемом для крепостных пушек. Отсюда имам наблюдал за атаками своих войск на крепость и здесь, возле вышки, собирал наибов.

Шамиль обвел всех тяжелым взглядом, а затем, глядя поверх голов наибов на вечерние горы, объявил твердым, не терпящим возражения голосом:

— Даниель-султан, Хаджи-Мурат, Кибит-Магома отправятся навстречу «армяшке», остановят его у Мискинджи,

разгромят и прогонят из этой долины. Я с оставшимся войском возьму крепость. И пусть кто попробует отступить от ревностного исполнения своего долга, я ему отрублю голову, вытряхну мозги и набью череп соломой.

Дав такое распоряжение, имам вернулся в мечеть и стал молиться, прося Аллаха дать ему победу:

Мирзаали уже не было в мечети, но Шамиль даже не вспомнил про него, его занимал сейчас только штурм и взятие проклятой крепости. Шамиль, понимал, что перевес сил был на его стороне, что многие ахтынцы и мюриды бросались как львы на крепость, не жалея себя, но удача была на стороне неверных, и несмотря на жертвы, крепость не сдавалась.

Шамиль знал, что некоторые наибы и их люди только создавали видимость активности своими громкими призывами и бесполезной суетой. Когда был взорван пороховой склад и рухнула крепостная стена, люди Даниель-султана, вместо того, чтобы броситься через пролом на растерявшихся защитников, ускакали подальше, объяснив это тем, что кони испугались грохота взрыва. И когда взорвали подкоп и крепостные стены были окутаны пылью и дымом, все вместе с ахтынцами разом не бросились на штурм, ждали, когда рассеется дым. Хотя в тот момент русские не могли целиться и стрелять в них.

Наиб Гаджи-Али не раз говорил Шамилю, что люди Даниель-султана, Хаджи-Мурата и другие наибы боятся, что, взяв эту крепость, он, Шамиль останется на зиму в Самурской долине. Учитывая мужество и верность ахтынцев, а также удобное со всех сторон расположение крепости и самого Ахты, это было возможно, и в первые дни Шамиль в присутствии Даниель-султана и Хаджи-Мурата говорил об этом с Магомед-Наби и другими почетными людьми. Те не дали ясного ответа и сказали, что надо посоветоваться с джамаатом: он, мол, хозяин своей земли и воды. И Шамиль понял, что ахтынцы так мужественно бросаются на крепость не ради него самого и шариата, а из-за желания очистить свою землю от неприятеля.

Имам вспомнил все разговоры на утреннем совете. Собравшиеся перед имамом качали головами, сокрушенно говорили, что счастье на стороне гяуров, Аллах почему-то не дает удачи правоверным. Шамиль молча слушал их противоречивые объяснения. Никто ничего не говорил ни в адрес ставшего вялым и безынициативным Хаджи-Мурата, ни в адрес Даниель-султана, на чьей дочке Каримат месяц назад женился Гази-Магомед. Теперь тесть и зять вместе командовали штурмом, но не могли добиться успеха. Для Гази-Магомеда взятие крепости могло стать первой большой победой, но в деле он был лишь исполнителем противоречивых и зачастую невыполнимых приказов Даниель-султана. Тогда на совете Шамиль надолго задумался над словами об удаче, которая отвернулась от правоверных, ведь так считает все войско. Поэтому они и воюют без усердия, мол, к чему старание, если Аллах все равно не дарует победу.

Будто догадавшись о мыслях имама, Магомед-Наби первым нарушил молчание и обратился к нему:

– Уважаемый имам! Удача в войнедается упорным и настойчивым в достижении цели, тем, кто без страха идет на правое богоугодное дело. Наше дело – священное. Многое мы добились: разрушены бастионы, взорван пороховой склад, выведена из строя большая часть урусов. Теперь, когда плод созрел и просится в руки, его надо снять с дерева.

– В том, что крепость до сих пор не взята, виновны отступники, – громко заговорил Даниель-султан. – Они выдают гяурам все наши секреты. Кто передал им, что проектируется подземный ход, чтобы взорвать стену? Когда наши полезли в крепость, за взорванной стеной заблаговременно было возведено укрепление и поставлена пушка. Троих нукеров из крепости мы поймали ночью. Куда и зачем они ходили, кому и что передавали? А?! – кричал он, то и дело поворачивая голову в сторону ахцахских старшин. – Это ваши люди, один из них родич кази Мирзаали!

Ахтынские старейшины посмотрели на Магомед-Наби, ожидая, что он ответит на это.

– Уважаемый наиб! Мы собрались не для того, чтобы вспоминать, чьи односельчане, родственники и даже племянники находятся среди русских в крепости, – намекая на то, что племянник самого Даниель-султана верно служит русскому царю, отвечал Магомед-Наби. – Хасан, которого твои люди поймали во время дождя, рассказал нам, кто украд твоих коней, кто ездил в Кусары за помощью русским, и ты знаешь, благодаря кому до сих пор не взята крепость...

– Изменники – нукеры Абдулвахид, Мирза, Хасан – ваши люди! – сварливым голосом заговорил Даниель-султан, поняв, что упреки по поводу неудачных атак крепости делаются в его адрес.

Шамиль, который начал догадываться, что необходимо сделать, чтобы укрепить веру войска в удачу, неожиданно строгим голосом прервал бесполезный спор:

– Изменников утром казнить! На виду у крепости, на виду всего войска, на виду всего Ахты! – твердо произнес он, видя неубедительность объяснений Даниель-султана и безосновательность его обвинений. Имам решил брать крепость с вдвое меньшим войском, чем предлагали его самодовольные наибы, но для этого надо было вдохновить воинов на подвиг.

38.

Утром перед всем ахтынским народом были казнены Абдулвахид, сын Исадуллы, Ага-Мирза, сын Мамедхана, Хасан, сын Чару, и еще двое струсивших в бою мюридов. Шамиль помнил слова матери и отца, что человек создан Богом и никто не вправе лишать его жизни, кроме Создателя. Но без страха – нет подчинения, нет уважения к закону, к шариату. Без страха смерти за невыполнение приказа мало кто бросится навстречу пулям. Чтобы снять грех со своей души и не быть перед частью ахтынцев ответственным за гибель их близких, Шамиль перед казнью велел спросить собравшийся народ, что делать с изменниками.

— Эти предатели пошли и привели помошь из Кусары и донгуза Аргута. Эти изменники указали, где мы делали подкоп крепости, эти змеи угнали лучших коней дорогих наших гостей, эти шакалы поставляли тайком баранов в крепость, чтобы сыты были наши враги. Скажи, джамаат Ахты, что делать с этими изменниками, ибо среди них есть ваши люди, вам и решать.

Ответом на эти слова было всеобщее молчание. Война есть война, нукеры верны своей клятве. Они не стреляли с крепостных стен в ахтынцев, нет, они выполняли свой долг. Потом, как повернется язык при всех предать смерти односельчан, когда здесь же, среди собравшихся, стоят их родители, братья, сестры, жены, дети, родственники.

Кто-то крикнул, что надо всыпать им по сорок палок. Кто-то предложил отпустить обратно в крепость, пусть откроют ночью ворота и тогда можно взять крепость без потерь. Кто-то предложил отрубить руку, кто-то — ногу.

Тогда поднялась на край крыши старуха в чёрном, синеве и племянники которой погибли на днях:

— Будьте вы все прокляты, защищающие изменников, — закричала она, — наши дети погибли из-за таких, как они, которые продались вонючим урусам, помогают врагам нашим убивать нас. Головы им рубите! Они ради того, чтобы ехать за лошадью матишке, готовы предать всех!!

И тут вскочили на ноги другие женщины в черных траурных одеяниях, и с крыш, с айванов (веранд), от каменных стен и дубовых ворот послышались пронзительные и громкие крики:

— Смерть! Смерть изменникам!! — Вслед за женщинами начали глухо выкрикивать и мужчины:

— Смерть! Казнить!! Кончать!

Услышав такой приговор односельчан, кто-то из осужденных со связанными руками бросился сквозь толпу к Ахцахвацу. Но у самой реки несколько выстрелов обожгли его спину, и он уже по инерции, не останавливаясь, продолжал бежать, пока не был сбит с ног стремительным потоком реки.

– Пошел к своим урусам! – крикнули преследователи, бежавшие берегом и торопливо стрелявшие в беглеца, чье уже безжизненное тело как бревно уносила река, подбрасывая на бурунах.

Хасан, смирившийся со своей участью, стоял, опустив голову, все еще надеясь, что джамаат опомнится, простит его, не будет столь жестоким, пожалеет его старого отца, мать, его детей, что останутся сиротами. Потрясенные убийством, совершенным на их глазах, ахтынцы молча следили за действиями палача. Достав большой кривой нож, палач самодовольно оглядел собравшихся, потом, ободренный молчанием толпы, вдруг засуетился, сердито дернул за веревку, связывающую руки Хасана, и, подталкивая его в спину, повел на бугор, где стояла виселица, хорошо видимая из крепости. Когда Хасан, с трудом передвигая ноги, дошел до нужного для палача места, тот неожиданно и со всей силой удариł ногой по коленям осужденного и тот, качнувшись назад, присел на землю. Палач стремительно подскочил к Хасану, схватил сзади его лохматые волосы и сильным рывком оттянул голову назад, выставив к небу острый кадык.

– Не шевелись! Умирай как мужчина! – крикнул палач и, высоко подняв сверкающий на солнце остро отточенный нож, обвел глазами людей, пришедших поглядеть на его работу. Раздались крики, сперва неуверенные, а потом все более громкие и требовательные:

– Смерть! Смерть!! Смерть!!!

Но палач не спешил. Это был его театр, где актеров было только двое: он и осужденный, вернее, он и смерть.

Когда отдельные крики слились в общий неистовый рев толпы, палач до упора оттянул голову обреченного на смерть назад и, уже не мешкая, легко провел по горлу жертвы острым как бритва ножом.

Темная кровь, пенясь, струей хлынула во все стороны, заливая черные лохмотья Хасана, ибо вся его нукерская одежда была заблаговременно снята и отдана палачу, как плата от осужденного за произведенную над ним казнь.

Палач, воткнув в землю нож, чтобы лезвие очистилось от крови, поднялся над судорожно дергающимся телом, с силой потянул на себя конец волосяного аркана, связывающего ноги жертвы, перекинул его через перекладину виселицы и вздернул тело над землей.

Охваченные ужасом от увиденного, люди почувствовали, что они взяли грех на душу, требуя смерти односельчанина и, опустив головы, молча стали расходиться. Чтобы никто не унес труп, возле него выставили вооруженную охрану.

Седая сгорбленная старушка вырвалась, наконец, из рук цепко удерживающих ее женщин и бросилась, крича во все горло к месту, где висел, остывая, труп ее сына, из перерезанного горла которого капля за каплей все сочилась кровь.

— Мой сын никого не предавал! Мой сын честно служил царю, которому дал клятву! Он не изменял! Как вы все! О Аллах! Пусть разрушатся дома всех, кто предал смерти моего безвинного сына! О Аллах, покарай их! Будьте вы прокляты! Вы убили моего безвинного сына! Будьте вы прокляты! Будьте вы прокляты! Будьте вы прокляты! — все кричала и кричала обезумевшая от горя мать.

39.

Перед заходом солнца Шамиль приказал собрать войско в долине реки Сàмур. Все отряды во главе со своими наибами, отряды ахтынцев со своими старшинами выстроились перед ним, над каждым колыхались на древках их тараты (флажки) — треугольные, квадратные или прямоугольные куски материи красного или зеленого цветов, с вышитыми или написанными на них изречениями из Корана.

Собравшиеся вспоминали подробности казни изменников, проклиная их и тупых урусов, которые зря губят себя, ведь им, если сдадутся в плен, ничего плохого не сделают, у Шамиля солдатам живется лучше, чем у самого царя.

– Солдаты это понимают. Двадцать пять лет, считай, всю жизнь служить, без жены и детей, без родичей, у них же не жизнь, а тюрьма. И все ж, дураки, не сдаются.

– Говорят, офицеры убивают каждого солдата, кто даже плохо воюет. У них такой закон есть: кто побежал, тому сразу отрубает голову офицер шашкой. У них солдаты боятся даже думать об измене.

– Конечно, лучше от рук врага погибнуть, чем от рук своих за трусость. Вот у бедного Хасана родственники заперлись у себя в доме и никому из сельчан не показываются на глаза. Даже за водой на речку идут в полночь, чтобы никто не видел. Даже на похороны и соболезнования не ходят. Потому что никто с родственниками изменников не хочет разговаривать.

– Да, позор всем, и их детям, и их внукам.

– А когда Хасан нукер был, все ходили к нему в дом, уважали их, часто в долг брали и соль, и муку, и даже деньги, полученные за службу русским. Никто тогда Хасана предателем не считал, даже завидовали, что хорошо устроился служить царю и сътно живет.

– Он же предал нас всех?!

– Ладно, хватит, грех говорить плохо о мертвых. Не мы приказали казнить его, не в наших силах было остановить казнь. Судьба его, видно, такая.

– Лучше в честном бою погибнуть за веру нашу и попасть в рай, в объятья вечных дев, и наслаждаться их ласками, чем быть вот так позорно казненным перед всем джамаатом.

– А как эти райские девы после каждой любовной встречи с тобой не становятся женщинами, а снова превращаются в дев, ты не знаешь? – стал допытываться веселый краснолицый жахил (воин) о том, что его волновало больше всего, но тут от отряда до отряда стали доноситься предупреждающие крики: – Идут! Тише! Смотрите... Что это?

Солнце догорало на белых от выпавшего ночью снега отрогах гор, когда со стороны Ахты показалась большая

толпа аксакалов, которые шли пешком, громко распевая молитвы.

Впереди всех выделялась рослая, широкоплечая фигура Шамиля.

— Смотри, Шамиль! Имам идет! Но что с ним? Почему он так выглядит? Где его конь? Где его одежда? О Аллах, что же опять свершилось над нами?

Все привыкли видеть имама на породистом скакуне, в окружении важных наибов, увешанных позолоченным и серебряным оружием, с флагами и значками, вокруг которых гарцевали на горячих конях и поминутно стреляли в воздух молодые сильные мюриды.

Приглядевшись, все увидели, что Шамиль в рваной испачканной черкеске, без папахи на гладко выбритой белой голове, босиком, со следами глины на развеивающейся на ветру бороде. Грудь имама была расцарапана и в волосах виднелись засохшие следы крови. Шамиль, высоко подняв голову, смотрел сурохо прямо перед собой и, казалось, никого не видел кругом.

Чуть поодаль от имама шли Магомед-Наби и Абдулгани, старшины Магомед и Ляли, алимы, аксакалы и муллы.

Потрясенные увиденным, все, не отрывая взглядов, смотрели на Шамиля. Постепенно все разговоры стихли и наступила тишина, в которой отчетливо стал слышен глухой гул Самура.

Шамиль поднялся на кучу камней, сложенную охранявшими лощадей мюридами для защиты от холодныхочных ветров. Он молча и внимательно оглядел всех и, выждав некоторое время, заговорил четким громким голосом:

— Мусульмане! Мужественные сыны Дагестана! Кто отнял вашу силу?! Кто забрал вашу отвагу и удачу?! Кто околдовал вашу душу?! Сколько дней и ночей будет эта крепость бельмом в наших очах?! Что случилось с вами, отважные львы ислама?! Почему Аллах отвернулся от нас, почему не дает удачи в бою?!

Шамиль замолчал и снова оглядел суровым взглядом свое воинство, все еще с удивлением и страхом неотрывно взиравшее на имама.

Старики и муллы, пришедшие вместе с Шамилем, стали тихо, про себя повторять:

– О Аллах! Я Аллах!

– Весь день и прошлую ночь я молился в мечети, – громким грустным голосом продолжил свое обращение Шамиль. – Я просил Аллаха открыть мне причину ваших неудач. Призывал души павших имамов, душу Магомеда Ярагского, подсказать путь, который приведет вас к победе, путь к святой истине, – Шамиль замолчал и опустил голову, будто глубоко задумавшись. После долгой паузы он тяжело вздохнул, горестно покачал головой и наконец суровым голосом выкрикнул:

– Никто не отзывался на мои молитвы! Никто не снизошел к нам.

– О Аллах! Я Аллах! – раздались со всех сторон вздохи потрясенных услышанным воинов, не спускающих глаз с имама.

Шамиль высоко воздел руки к небу, глянул поверх голов на вершину Шалбуздага, на западных отрогах которого догорали последние багровые лучи уходящего солнца, и закричал грозным голосом, потрясая души слушающих и видящих его:

– О! Аллах!! Только ты один всесилен на этой земле и мы твои рабы! Неужели ты отвернулся от нас и стал на сторону неверных?!

Снова свита вокруг Шамиля стала повторять имя Аллаха и призывать к Всевышнему и его пророку:

– Я Аллах! Я Мухаммед, – пророк! Я Омар! Я Али! Помогите нам!

Вслед за аксакалами призывы стали повторять и все остальные, и войско глухо и грозно зарокотало.

Шамиль властно поднял руку и подождал, пока гул голосов утихнет.

— Мусульмане! — крикнул Шамиль. — Я сейчас войду в землю. Я не выйду из-под земли, покуда не услышу волю Аллаха великого. А вы все до единого стойте и неусыпно молитесь. Тогда Аллах, сотворивший и ведущий нас, снизойдет к нам! Молитесь и не отвлекайтесь ни на что, даже если иблис бросит на вас все силы искушения и зла. Никто ни с кем не должен разговаривать и не прерывать ни на миг молитвы!

Шамиль велел копать яму в рост человека, и одетые во все черное палачи имама, с помощью сильных, привычных к земляным работам мюридов, часто сменяясь, быстро выкопали требуемую яму, глубиной в рост Шамиля, со ступеньками для спуска вниз.

Когда яма, напоминающая могилу, была готова, Шамиль тяжелым взглядом молча оглядел все войско, затем спустился вниз и велел закрыть углубление толстыми дубовыми досками и засыпать их землей.

Магомед-Наби, старшины Магомед и Ляли вместе с муллами быстро выполнили требование имама. При этом они оставили тайком друг от друга и от окружающих небольшие отверстия, чтобы в яму поступал воздух, и имам не задохнулся там.

Ошеломленные происходящим на их глазах, воины опустили свои ружья дулами к земле и, опервшись на них, стали громко читать молитвы вслед за муллами. Они не замечали, как тьма окутала всю долину, зажглись и тревожно замерцали звезды в небе, потом набежали темные тучи и полил холодный осенний дождь, затем густой туман накрыл всех, стало темно как в могиле. К утру поднялся ветер из долины, туман и тучи начали рассеиваться, и, наконец, после утомительной ночи медленно стало светлеть небо над восточными горами.

Ни на миг не прекращалась молитва многотысячного войска, никто из собравшихся не смел ни присесть, ни прилечь, ни попить воды, ибо, как предупредили муллы, от этого зависело получение откровения имамом и благополучное возвращение его из-под земли. «Надо всем вместе, одним

вздохом и мыслью просить Аллаха, тогда он быстрее услышит нашу мольбу», – таинственно говорили они.

Лишь после того, как погасли все звезды и первые лучи солнца высветили на фоне светлеющего неба острые, уже заснеженные вершины гор, Магомед-Наби подошел к большой куче земли и, расчистив рукой с краю доски от грунта, постучал о них концом сабли, потом громко, чтобы слышали все, спросил:

– Жив ли избранный Аллахом?! – и прислушался. Но никто не откликнулся на его зов. Снова позвал Магомед-Наби Шамиля и снова из ямы не раздалось ни звука.

Магомед-Наби быстро выпрямился и крикнул: – Дай лопату!

Мюриды схватили лопаты и спешно стали раскидывать во все стороны землю. Муллы, а за ними все войско в один голос запели: «Ла Илла Иллалах Мухамед расуллалалах!»

Убрав грунт и сняв одну за другой доски, столпившиеся вокруг ямы увидели Шамиля, неподвижно стоящего на дне, опустив голову. Он не замечал протянутых ему со всех сторон рук, он читал молитву.

Как только первые лучи солнца со стороны Китиндага осветили омытую дождем землю, Шамиль, по-прежнему не обращая внимания на протянутые к нему руки, без всякой помощи медленно поднялся по ступеням наверх и появился перед войском еще более бледный и суровый.

– Аллаху акбар! Аллаху акбар!! Гъур-ра-а! – закричали все.

Воины, большинство которых были рады тому, что теперь можно, наконец, отдохнуть и поесть, просушить промокшую одежду, что ушла холодная, промозгшая ночь, проведенная на ногах, и наступило солнечное утро, долго славили Аллаха.

Шамиль поднял руку, требуя тишины.

– Правоверные мусульмане! – крикнул имам. – Слушайте!

Дождавшись полной тишины, он продолжил громким, потрясенным голосом:

– Аллах послал мне своего ангела! Он открыл мне глаза на истину! Всю ночь его слова жгли мне душу! Я плакал и молился за вас всех! Я просил отпустить ваши грехи, от которых вы потеряли вашу праведную силу перед врагами. Великий Аллах под утро на огненном коне пролетел перед моим взором и горящим крылом коснулся души моей! Ваши грехи так велики, что всемогущий Аллах отвернулся от вас, не дает вам удачи в бою! Я перед Аллахом принял на себя все ваши грехи! Эй! Мулла Керим! – строго приказал Шамиль. – Обнажи мою спину! – Эй! Джаллаты (палачи)! Бейте меня пятьдесят раз плеткой с воловыми жилами! Бейте! Не жалейте имама! Иначе я вам каждому назначу вдвое больше ударов!

Кругом раздались возгласы удивления:

– О Аллах! Я Аллах!

Шамиль опустился на колени спиной к войску и начал громко молиться. Палач вздохнул тяжело, нахмурился, сурово сжал губы, поднял плетку и, невольно закрыв глаза, ударил по спине Шамиля тяжелой плеткой из туго скрученных сырьмятых ремешков, плеткой, которая всегда применялась для наказания преступников.

– Сильней! – сердито крикнул Шамиль палачу, не прекращая молитвы. В его мыслях проносилась картина того дня, когда он вот так же принимал удары, предназначенные его родной матери. Он сам ей вынес такое наказание за то, что она, нарушив его, имама, низам, запела на крыше песню, сочиненную ею давно, сразу после рождения Шамиля. Теперь она гордилась тем, что ее сын, пережив все болезни, ранения и невзгоды, избран народом имамом Чечни и Дагестана, все уважают его, слушают с почтением его слова и идут за ним. Как сердце матери могло не петь?

Но Шамиль запретил пить, курить, петь песни и танцевать, ибо все это отвлекает людей от молитв во имя Аллаха, приводит в их ряды отступников. Шамиль сам не слышал, как пела мать, он был в отъезде, но ему об этом доложили при всем народе, после пятничной молитвы, перед мечетью, когда были уже вынесены наказания другим лицам, нару-

шившим строгие требования его низамов (законов). Как только было названо имя его матери, на площади наступила мертвая тишина, все ждали, что скажет имам теперь, как будет соблюдать свой новый закон. Шамиль сразу понял, что народ проверяет, насколько на самом деле крепка его вера, и поэтому громко и решительно приказал наказать всех виновных. Народ ахнул и не мог поверить его словам. И лишь когда бледная, вся в слезах, обиженная мать имама пришла на площадь принять наказание, Шамиль остановил руку палача, громко объявив всем, что наказание для матери должен принять на себя ее сын, обнажил спину и так же, как сегодня, стал под плетку палача. Народ вздохнул облегченно, но твердо усвоил, что слово нового имама как кремень – твердое!

С каждым ударом на спине Шамиля, как капельки росы на камне, выступала кровь и размазывалась плеткой по белой коже. Шамиль громко и неторопливо читал молитву и как казалось всем, кто следил за его лицом, не замечал того, что выделяет быстро вспотевший палач над его телом.

– Хватит! Кончай!! Бей нас! – бросилось несколько молодых людей к имаму, чтобы прекратить избиение, но наивные, подняв руки, остановили их, говоря, что никто не имеет права отменять приказов имама.

Даже когда Магомед-Наби сделал рукой знак палачу, мол, прекрати, хватит, вся спина в крови, пунктуальный палач, не обращая внимания ни на кого, продолжал громко отсчитывать удар за ударом и прекратил, только когда нанес последний, с облегчением громко выкрикнув: – Пятьдесят! Все!!

Шамиль медленно и тяжело начал выпрямляться, а потом, будто собрался отбить земной поклон, стал падать лицом вниз. Стоящий рядом Магомед-Наби и подбежавший старшина Магомед успели подхватить имама под руки и не дали ему упасть.

Испуганный Даниель-султан подскочил к Шамилю:

– Что с тобой?! Что случилось?!

– Дай воды... – сказал Шамиль.

— Что со мной было? — спросил он, отхлебнув воды из походного кувшина.

— Имам, твоё тело вдруг перестало повиноваться тебе, ты чуть не упал лицом вниз, — ответил Магомед-Наби.

Шамиль отпил еще воды и вернул кувшин мюриду, стоящему позади него. Потом сделал шаг вперед, навстречу не сводящим с него испуганных глаз воинам, и заговорил ослабевшим голосом:

— Правоверные! Ангел смерти только что коснулся меня своим крылом и улетел вон туда, — Шамиль махнул рукой в сторону северных гор. — Аллах вернул Азраила к себе, и я вижу еще его тень над горою. Аллах прощает Вам грехи и ждет, когда вы одолеете неверных. Три дня держите уразу (пост). Три дня ешьте после уразы конопляные лепешки. Не ешьте мяса. Удача постигнет вас, крепость будет ваша! Аминь! Аллах акбар!

И все вслед за имамом повторили одним грозным криком:

— Аллах акбар!!! — и крик этот прокатился многократным эхом по высоким ахцахским горам.

40.

Собираясь на штурм крепости под предводительством самого Шамиля, войско строилось без криков, выстрелов, всякого лишнего шума, ибо Шамиль любил все делать молча, без суеты и помпы. Получив приказы от имама, всадники во весь опор скакали передавать их отрядам. Суть всех приказаний Шамиля сводилась к тому, чтобы тремя колоннами с трех сторон идти на штурм в тех местах, где были разрушены стены и бастионы. Кто струсит, кто без приказа сделает шаг назад, тех, приказал Шамиль, обезглавить на месте. Когда все отряды построились, в них насчитывалось свыше семи тысяч человек.

На расстоянии досягаемости пушечных выстрелов Шамиль остановил коня. Войска молча и быстро занимали от-

веденные им места перед штурмом. Шамиль, чувствуя за спиной всеобщее нетерпеливое ожидание, приосанился на коне и торжественно поднял руки для молитвы. Завершив короткую молитву и проведя ладонями по лицу, Шамиль рванул саблю из ножен, направил ее в сторону крепости и закричал громко, уверенно, чтобы его услышали все.

— Великий Аллах! Ты дал знать, что мы сегодня победим неверных! Даруй нам победу, о великий! Повели отпирать райские ворота для героев! Нас много придет сегодня в рай! Аллах акбар!

— Аллах акбар!! — рев готовых на смерть воинов разнесся по долинам рек и грозным эхом прокатился по горным вершинам. За спиной Шамиля высоко взвилось малиновое знамя первого имама Гази-Магомеда и вся человеческая лава, не помня себя, бросилась навстречу славе или смерти.

41.

В крепости всю ночь не спали, поняв, что неприятель готовится к штурму. Рано утром, заметив темные ряды шамилевского войска в садах, Новоселов громким голосом велел всех построить, произнести клятву не сдавать крепость, быть верными государю, взорвать себя вместе с крепостью, если неприятель одолеет. Священник поднял высоко над головой крест и все перекрестились и поклялись умереть, но крепость живыми не сдать.

— Изрядно пролили русской кровушки за немецкую куклу, — ворчали смертельно усталые рядовые, ставшие равнодушными не только к смерти, но и к самой жизни.

— Шмель (Шамиль) ничего плохого не сделает нам. У него солдату не хуже, чем здесь. Никогда сытно не наешься, одежду к зиме не могут справить вовремя... Их благородия всегда сыты и пьяны, и нос в табаке, а солдатушка-скотинушка помирая за них... — роптали солдаты, теперь уж николько не заботясь, что их могут услышать и строго наказать офицеры.

— Кому-то надо и царю-батюшке верно служить, и коль пришло время, головушку за него сложить. Иначе кто в европах будет считаться с матушкой Рассеей, с царем-государем, который силен лишь верными служивыми.

— Никто нас и не вспомнит-то, служивых. Вон закапают у реки, потом и могилки сравняют с землей. За верную службу царю-батюшке.

— А ты хочешь, чтобы тебя, вонючего смерда, помнили вечно, как святого какого? Ишь, чего захотел!

— Бог знает! — уверенно произнес старый солдат.

Лежа на расстеленных шинелях у южной стены штабного здания, солдаты мало обращали внимания на крики и шум, которые доносились снаружи крепости, и предупреждения караульных о действиях неприятеля: — Строится! — Читает молитву! — Пошли на нас с трех сторон! — Держись!!!

Увидев, что войско противника, разбившись на три колонны, начало штурм, Новоселов быстро распределил офицеров и рядовых на более уязвимые места, а потом велел вынести раненых, по их просьбе, на бастионы и дать им в руки ружья. Женщинам велел укрыться в казармах. Но женщины не захотели прятаться. Все еще одетая в белое платье, на котором остались следы крови ее погибшего мужа, Байдакова побежала к канонирам подавать заряды к пушкам. Другие отправились в лазарет готовить бинты и лекарства для перевязки раненых.

Новоселов направился к вышедшим из штаба Роту и Нине.

— Тяжело теперь будет отстоять крепость, Федор Филиппович! Будьте готовы к самому худшему.

Рот понял все, тяжело вздохнул и посмотрел на Нину.

— Я буду с тобой, отец! — сказала девушка и посмотрела с отчаянным вызовом в глазах на отца, потом на Новоселова.

Гувернантка-армянка, стоявшая у маркитанской лавки, вдруг бросилась к брату, занимавшему пост у восточных бойниц, стала что-то истошно кричать ему по-армянски, а потом, оставив его, вскарабкалась на вышку в центре

крепости, продолжая громко голосить. Брат, не выдержав ее причитаний, взбежал на крепостную стену и хотел броситься в ров, но был пойман канонирами, сведен вниз и заперт в казарме.

Со всех сторон стали раздаваться звуки ружейных выстрелов. Одна за другой оглушительно пальнули пушки, и сперва на одной разрушенной до этого стене, затем на противоположной показались мюриды со значками, а потом и с малиновым знаменем. Горцы, вскарабкавшись при помощи лестниц и бревен на стены, тут же ложились на них, чтобы уберечься от пуль и шрапнели, и солдатам приходилось идти на них врукопашную и сбрасывать со стен, а так как сил уже не хватало, приходилось бить по местам, где укрепился неприятель, из пушек.

Под стеной напротив здания штаба казак схватился врукопашную с лезгином, спрыгнувшим вниз, они, сцепившись, упали на землю, отчаянно стремясь задушить друг друга. Когда подбежавший Новоселов из пистолета сразил цепкого лезгина и казак, тяжело дыша и качаясь, с трудом поднялся на ноги, то Рот, свидетель этой схватки, увидел, что у казака не осталось щеки.

— Смотри! Поцеловался по-братски! — удивленно воскликнул подбежавший на помощь врач, указывая Роту на казака, зажимающего рукой рваную рану.

Нина стояла бледная и с трудом осознавала, что все кругом происходит не на сцене театра, а на самом деле, по-настоящему, а не понарошку гибнут люди. И она, от ужаса вцепившись в здоровую руку отца, больше не отпускала его.

Мюриды лезли и лезли на стены со всех сторон, не обращая внимания ни на выстрелы, ни на штыки, и сами начинали с разных сторон стрелять из ружей и пистолетов, которые им подавали товарищи снизу, по тем защитникам крепости, которые еще сопротивлялись.

От их выстрелов уже был ранен в живот Новоселов, обожжен от взрыва снаряда горской пушки Тизенгаузен. Никто не командовал в крепости боем. Каждый, кто был в

силах, стрелял и колол врага. Но таких становилось все меньше и меньше.

Священник, не обращая внимания на пули, высоко подняв медный крест, бежал к тем, кто слабел и у кого не хватало сил сдерживать написк горцев, и, обращаясь к небесам, громко и настойчиво взывал и взывал:

— Господи! Спаси православных!

Никто из нападавших не трогал священника, он был без оружия, да и сами ахтынцы помнили, что когда-то их предки были христианами, и знали, что Бог у мусульман и христиан один. Казалось, все кончено, сражение бессмысленно, хватит зря губить людей, как вдруг кто-то громко и весело запел популярный у кавказских воинов романс, и еще живые песенники гренадерской роты тут же подхватили со своих позиций, с разных сторон крепости:

Ах, зачем ты, друг, стремился,
На сей погибельный Кавказ?
Ты теперь не возвратишься,
Говорят мне тайный глас!

Эти слова вновь и вновь повторялись все громче и громче, и тут же раздавались крики:

— Врешь! Вернемся!! Вернемся!!!

Кто-то, подражая звуку походной трубы, выводил губами мелодию песни, а потом, когда новая группа мюридов появилась на стенах крепости, стал гудеть сигнал: «Вперед! К бою!!»

Один солдат, не обращая внимания на пули, выбежал на плац и закружился в пляске. Что случилось, никто не понял. Горцы остановились в недоумении и смотрели широко раскрытыми глазами на поющих и смеющихся русских, на священника с высоко поднятым крестом над головой, на знакомого им коменданта в орденах и его дочь, чье красное платье, словно знамя, развевалось на холодном самурском ветру.

— Дигь! Къала дели хъанва! Дурак делай! Крепость сошла с ума! — закричали они тем, кто лез по приставленным

лестницам на батарею, и тоже начали смеяться над солдатом, который, скинув грязную закопченную рубашку, плясал какой-то дурашливый танец, похожий и на горскую лезгинку, и на русскую плясовую. Оседлав стены крепости, ахтынские парни весело кричали знакомым солдатам:

– Эй, урус, хватит война делать! Давай вино пить!

– Хинкал дам, мясо дам! Хануп дам! Человек будешь!

В ответ солдаты устало улыбались, вытирали потные лица и махали руками, не то соглашаясь с неприятелем, не то возражая ему. Кончив стрельбу и увидев лица друг друга, они вдруг снова почувствовали себя людьми.

Алисултан побежал к Роту и Нине.

– Федор Филиппич! Кругом мюриды на стенах! Они сейчас плен сделают! – стараясь казаться спокойным, крикнул он.

Вслед за ним к Роту побежали двое молодых офицеров с обнаженными саблями и предложили открыть северные ворота и прорваться берегом реки к своим, которые спешат к ним на подмогу.

– Как кур слабеньких переловят и перебьют всех, – покачал головой Рот. Он не хотел рисковать дочерью, которая могла попасть в руки мюридов.

– Мы же поклялись вместе погибнуть, но не сдаваться, – тихо напомнила Нина.

– Мы же не о себе думаем! – с обидой в голосе крикнули офицеры.

– Я до конца буду в крепости, буду с отцом! – твердым голосом сказала Нина.

Пристально посмотрев в глаза девушки, офицеры поняли, что она непоколебима, и побежали на северную сторону, где за зданием штаба оставшиеся в живых готовились к последней схватке с врагом, который будет стараться пленить их.

Алисултана в белой черкеске заметил со стены Ади и закричал ему: – Алисултан! Подожди! Я здесь!

Он спрыгнул вниз и побежал к Алисултану с обнаженной саблей в руке. Рот и Нина, увидев бегущего к ним горца

с саблей, поспешили скрыться в здании штаба, где в погребе лежали приготовленные для взрыва мешки с порохом.

— Алисултан! Пошли домой! — закричал запыхавшийся Ади. — Федор Филиппич возьми с собой! Нина возьми! Я первый поймал вас! Вы мои есиры (пленные)! Шамиль обещал! Пошли домой! Ничего вам не будет!

Алисултан покачал головой, замахал рукой, давая понять, чтобы Ади убирался из крепости, потом крикнул ему, чтобы убегал отсюда, потому что сейчас здание штаба взлетит на воздух.

Ади в нерешительности переминался с ноги на ногу, никак не реагируя на слова Алисултана, и громким голосом повторяя одно и то же:

— Нина спасать надо... Нина спасать давай ...

Но Алисултан не слушал его.

— Беги! Беги! — прокричал он еще раз и громко постучал в дверь, которую предусмотрительно запер за собой Федор Филиппович.

Подошел и священник с опущенным крестом в руке и хриплым, усталым голосом проговорил:

— На все воля Господня! Чада мои сражались, пока были силы, теперь будем по-христиански умирать. Бог простит нам наши грехи.

Увидев в зарешеченное окошко Алисултана и священника, Рот отодвинул здоровой рукой железный засов и впустил их внутрь.

Вдруг двое молодых рослых мюридов, соскочив со стены, обгоняя друг друга, побежали к домику, где укрылись Рот с дочкой.

Они не слышали или не поняли, как Ади кричал им, что крепость сейчас взорвут, и они погибнут зря.

У одного мюрида слетела с головы папаха и его бритая голова ослепительно сверкала на солнце.

Новоселов и раненые, лежащие в тени за церковью, открыли стрельбу, как только мюриды подбежали к дверям штаба. Оба мюрида, один за другим, упали и, зажав раны

руками, стали кататься по земле, страшно ругая и проклиная неверных.

– Эй, урус! – снова закричали со стен. – Хватит стреляй! Война яман! Давай мир делать!

Постепенно выстрелы и крики стали стихать, бессмысленность сопротивления была очевидна и теперь все с нетерпением ждали взрыва штабного здания, расположенного почти в центре укрепления. Миориды, которым стало известно о готовящемся взрыве, не торопились спуститься со стен внутрь крепости, предпочитая пока находиться на безопасном расстоянии.

Тем временем Рот с вцепившейся в него дочерью осторожно стали спускаться по деревянным ступенькам в подполье. Следом шли священник и Алисултан.

– Прости меня, дочь. Я не должен был тебя вызывать сюда, – в который раз повторил Рот.

– Я давно мечтала пожить в крепости, подобной Белогорской, вот и сбылось, – печально улыбнувшись, ответила Нина. Она встала на колени и поцеловала крест, который держал священник.

Алисултан попросил перекрестить и его, что священник и сделал.

Услышав крики и топот ног снаружи, Федор Филиппович зажег факел, собираясь поджечь порох.

– Не торопись, сын мой, успеется, успеется... – прогудел басом священник за спиной Рота.

Все стали молча молиться и ждать, когда вокруг здания соберутся толпы неприятеля, пытаясь ворваться внутрь. Но снаружи ничего не было слышно, в наступившей тревожной тишине Нине вдруг показалось, что она осталась одна, как в том сне, который видела в ахтынских банях. Время тянулось долго, факел в руке Рота начал чадить и блекнуть. Все подавленно молчали, не зная, что предпринять. Лишь священник все повторял и повторял, как молитву, слова, обращенные к Роту:

– Не торопись, сын мой, успеется. Бог милостив!

И вдруг в наступившей томительной тишине снаружи раздался четкий, будто рядом, необычайно радостный зов:
— Федор Филиппыч! Федор Филиппыч!! Ура! Ура!! Спасены!

Никто в погребе не шелохнулся, не веря зову. Лишь когда громко заколотили в дверь и Нина, узнав голос Тизенгаузена, поднялась с колен и вопросительно посмотрела на отца, Рот отвел руку с факелом от пороховой бочки и, передав Алисултану свой пистолет, сказал:

— А ну, сынок, посмотри, что там.

Алисултан с пистолетом в руке вылез из погреба, и не увидев никого, кроме радостно размахивающего руками Тизенгаузена, отодвинул засов и отпер дверь.

— Бегут! Мюриды бегут! Генерал Аргутинский идет! Мы спасены! — кричал во все горло капитан, то и дело оглядываясь назад и осматривая крепостные стены, видимо боясь, как бы мюриды вновь не появились там и не начали стрелять ему в спину.

Тизенгаузен вбежал в штаб и наклонился над откинутым люком погреба, откуда выглядывало бородатое, осунувшееся, добродушное лицо батюшки, потерявшее румянец и свой обычный лоск.

— Повтори еще раз, повтори громко, что ты сказал, сын мой, повтори, славя Бога нашего, коль ты не нечистый! — громко и требовательно повелел батюшка, все еще не веря услышенному. Капитан радостно повторил, с каждым словом упоминая и Бога, и Иисуса Христа, и священник вдруг улыбнулся широко, обнажая крепкие лошадиные зубы.

— Слава тебе, Господи! Слава тебе! — зарокотал он довольным басом, проворно выбираясь из темного погреба наружу.

Нина снова осенила себя крестным знамением. Рот с неузнаваемо посеревшим лицом, не выпуская из одной руки угасающего дымного факела, с опаской вышел из здания и, все еще не веря услышенному и подозревая нередкое на войне предательство своих и хитрость неприятеля, по-

смотрел через пролом взорванной стены туда, куда указывал рукой улыбающийся Тизенгаузен.

В клубах пыли толпы мюридов в беспорядке бежали со стороны Мискинджи к Ахтам. Ахтынцы, которые недавно сидели на стенах крепости и ждали, когда защитники начнут сдаваться им, услышав крики, что их дома грабят отступающие мюриды, бросились в село.

Алисултан побежал на восточный бастион, поднялся наверх, откуда осмотрел все широкое поле перед крепостью, а затем взглянул в сторону Ахты и верховья Самурской долины и вдруг, сорвав с головы папаху, высоко подбросил ее вверх. Священник, который следил за Алисултаном, подняв крест над головой, закричал громовым голосом:

– Всевышний спас нас! Бога славим! Мы спасены!

– Неужели мы спасены?! – Рот обнял рукой, в которой все еще сжимал почти угасший факел, подошедшую Нину, и неожиданно для себя вдруг всхлипнул:

– Бог спас нас, дочка.

– Все сбылось, как я мечтала. Больше я не буду желать подобных опасностей, это страшно. И сон мой сбылся. Как предсказал Мирзаали, – вымученно улыбнулась Нина, и, не в силах больше сдерживать слез, прижалась к отцу и обняла его, все еще до конца не веря в свое спасение. Она и не подозревала, что одной из причин, может быть, и не главной, нападения на крепость был ее приезд в Ахты, в то же время многие офицеры показывали чудеса храбрости тоже ради нее, да и солдаты, хоть ворчали порой, защищали ее как родную дочь, ибо питали большое уважение к Роту, который видел в каждом солдате прежде всего человека, равного себе. Солдаты, у которых никогда не было своих семей, и вряд ли после службы они успели бы их завести, не могли ни сердцем, ни умом допустить, чтобы чистая, честная, со всеми ласковая, безвинная семнадцатилетняя Нина вдруг оказалась в руках неприятеля. Нет, им легче было погибнуть, чем допустить подобное.

Алисултан спрыгнул с бастиона, подобрал папаху и вслед за священником, который перекрестил его, повторил этот жест.

Увидев неумело осеняющего себя крестным знамением Алисултана, Рот удивился еще больше и, наклонив голову, широко раскрытыми глазами смотрел, как на его глазах этот мусульманин превращается волею судьбы в христианина.

— Нина! Твой Иса спас тебя и меня... — закричал Алисултан и радостно взглянул на Нину.

Нина тихо подошла к Алисултану и взяла его за руку.

— Нина! Дочка! Ты должна стать женой Алисултана! Только так будет верно! Так велела нам судьба! — неожиданно порывистым, громким командирским голосом крикнул обычно сдержанnyй и чопорный Рот.

— Так повелел Бог! Аминь! — громко заявил священник и тут же благословил молодых людей.

Алисултан и Нина, казалось, не слышали ни слов Федора Филипповича, ни слов священника, они неотрывно смотрели в глаза друг друга и там видели самое прекрасное, что есть в жизни человека — любовь, любовь, подаренную им суповой матерью-судьбой. Они чувствовали в своих сердцах того единого Бога, который и открыл им пути друг к другу, они слышали единственную божественную музыку небес — вечную мелодию любви, которой только и внимает все живое на Земле.

До них двоих не доносились ни охрипшие голоса усталых офицеров и солдат, ни плач изнеможенных женщин, которые из крепостных амбразур и с бастионов смотрели на бегство неприятеля, только что грозившего пленить их, от стен их крепости, разрушенной и залитой кровью. И это было радостное и прекрасное зрелище, возвращавшее им самую дорогую и единственно неповторимую ценность, которая была у них — жизнь!

Переночевав в Ахнute, Аргутинский во главе войска, не торопясь, спускался к Самуру, чтобы не спеша переправиться на правый берег, перехватить в Захуле, дождаться подкрепления из Дербента и лишь потом начать движение к Ахтам. Аргутинский сам и все его офицеры считали крепость уже захваченной горцами, ибо силы защитников были слишком малы да и крепость наполовину разрушена. Все стали неразговорчивыми и хмурыми, старались не глядеть на князя Аргутинского, за глаза говоря, что он не сделал всего возможного для спасения гарнизона, ради чего они день и ночь спешили через заснеженные горы и бурные потоки ущелий.

«Неужели надо было так торопиться, чтобы только издали показаться защитникам крепости, а затем развернуться и уйти обратно, оставив их в окружении неприятеля? Представьте, что они о нас думали и говорили, когда мы ушли, бросив их на уничтожение врагу?» – негодовали офицеры. Солдаты больше молчали, их дело – ревностно выполнять приказы, а не разговаривать. Командующий и господа офицеры лучше знают. Хотя не по-божески, не по-русски отнеслись они к гибнущему на их глазах гарнизону. Кому-то этот грех зачтется на том свете.

После обильных дождей, прошедших в горах, Самур был многоводен и быстр. Из первой партии рядовых, которые стали переходить реку, унесло двоих. Потеряв ружье, выполз ниже по течению на берег еще один солдат.

Тут на противоположном берегу егеря заметили несущегося во весь опор всадника, который, переправившись на версту выше того места, где начало переправу войско, подскакал к офицерам и закричал:

– Эй! Урус! Быстра иди! Крепость ждет! Рут ждет! Быстра, хайда! За мной хайда!

Все обступили Ади (а это был он), горячо объясняющего Бучкиеву, офицеру из крепости, который сопровождал Аргутинского и в совершенстве владел лезгинским, положение крепости.

Поняв, что Нина с отцом решили погибнуть, Ади не смог смириться с этим и, ничего не в силах придумать другого для спасения девушки, решил поторопить подход войск Аргутинского. Он не думал о том, что помогая русским, он предает своих, для него смысл всех действий заключался в том, чтобы спасти Нину, уберечь ее от опасности, ибо наивное и не испорченное еще подлостями жизни сердце молодого чабана сжималось при одной только мысли, что такое прекрасное создание, как Нина, может умереть или попасть в плен, и если бы это произошло, он перестал бы считать себя достойным называться мужчиной.

Ади, после того, как десять лет назад в Аджиахурском сражении погиб его отец, воспитывался дедом, который не признавал никаких слабостей, то и дело повторяя: «Мужчина должен и скалы разрубить, и решетки стальные разгрызть, чтобы добиться своей цели».

Ади считал величайшей несправедливостью эту войну, в которой, кроме Нины, мог погибнуть и Алисултан, и другие хорошо знакомые ему люди и с лезгинской, и с русской сторон, среди которых было много друзей и родственников.

Когда Букчиев перевел слова Ади, что крепость держится, все пришли в неописуемое волнение. Сбросив всю тяжелую поклажу, офицеры, без приказа Аргутинского поскакали вслед за Ади, который показал им место, где можно легко перейти на правый берег рано поутру, пока в горах еще не тает выпавший недавно снег и воды в реке меньше, чем после полудня.

Когда переправа началась, Ади стегнул лошадь и помчался обратно в сторону Ахты, чтобы в случае взятия крепости сделать все возможное и увести Нину в горы, не отдать никому.

Переправив до полудня девять батальонов и оставив тяжелую поклажу под охраной батальона у Захула, Аргутинский 22 сентября то бегом, то маршем в спешном порядке двинулся к Ахтам.

Аргутинский хоть и считал себя правым, но где-то в глубине души чувствовал неловкость перед своими офицерами, что ушел от Ахтынской крепости, фактически оставив их один на один с многократно превосходящими силами противника. Но он не имел права погубить всех ради спасения обреченной крепости. Такова логика войны. Шамиль хитер, все время стремится заманить его, Аргутинского, в ловушку и взять в плен, как доносят лазутчики с гор. И теперь, узнав, что гарнизон держится, Аргутинский облегченно вздохнул, перекрестился и стал торопить всех, то и дело выскакивая на своем тяжелом коне вперед и призывая солдат то идти быстрым шагом, то переходить на бег, если дорога шла под гору.

Перед подъемом к Мискинджи их встретили многорядные завалы, за которыми мелькало множество белых овчинных полушибков и папах горцев. Справа позиции мюридов защищали высокий обрыв и Самур, а слева – крутой подъем. Около полудня, когда все батальоны перешли реку Усухвац и сосредоточились на равнине в пойме реки Самур, в версте от неприятеля, Аргутинский приказал из горных орудий открыть огонь по правому флангу и начать штурм там, где большие камни, кривые деревья и густые кустарники скрывали наступающих. Кроме того, крутой подъем не давал возможности неприятелю из вторых и третьих рядов завалов (окопы и заграждения) вести огонь по наступающим.

Командиру конницы Бакиханову Аргутинский приказал переправиться на левый берег реки и, пройдя с версту вверх по течению, обратно переправиться на этот берег и, обойдя таким образом позиции неприятеля, ударить ему в спину.

Когда Бакиханов ускакал выполнять приказ, Аргутинский посмотрел в подзорную трубу на правый фланг. Второй батальон ашперонцев, не обращая внимания на пули, молча пошел в штыковую атаку. Горцы, так же молча и хладнокровно, подпустив русских поближе, дали залп по ним и с гиканьем и свистом, выхватив сабли и кинжалы, бросились из завалов навстречу.

Вторая гренадерская рота под командованием поручика Шагубатова и шестая мушкетерская рота капитана Дьяконо娃 первыми приняли на себя удар горцев и многие погибли от их неотразимых кинжалов и градом летящих камней. Но идущие уже следом роты опрокинули разрозненные толпы горцев и, несмотря на их отчаянные попытки удержать позиции, заняли первый ряд завалов, а когда следом подошли другие, они, цепляясь за кусты и ветви деревьев, двинулись вверх по крутому склону и снова, несмотря на град пуль и камней и потерю половины личного состава, овладели второй линией неприятельских укреплений.

После поражения на казалось бы неприступном левом фланге позиций, и услышав, что конница русских переправляется через Самур, чтобы зайти им в тыл, Даниель-султан повернул коня и направился вместе со своим отрядом в сторону Ахты, решив, что теперь русских не удержать. Он ничего при этом не поручил передать Хаджи-Мурату, предоставив тому возможность показать одному свою острую саблю перед русскими.

Хаджи-Мурат, хотя и был в ссоре с Даниель-султаном, но зорко следил за каждым его шагом, и увидев, что тот оставил позиции, презрительно ухмыльнулся и повернулся к своим сотенным:

— Видите, бросив всех, этот полуурус-полугорец, который у русских служил генералом, а у Шамиля главным наимбом, смело кинулся под крыло Шамиля. Теперь и нам ничего не остается, как уйти на юг, самим добывать себе добро и имя, а имаму славу.

Кавалерия Бакиханова, после неоднократных сигналов трубы, криков и угроз Аргутинского отдать под суд за нерешительность, не спеша переправилась на правый берег, медленно скопилась на покатом склоне, усеянном бело-красными валунами, и начала, наконец, атаку на отступающего в беспорядке неприятеля лишь тогда, когда Бакиханов увидел, что конница Даниель-султана скрылась в сторону Ахты, а конники Хаджи-Мурата, которых он больше всех и остерегался, отходят в сторону Мискинджи.

Выхватив из ножен саблю, Бакиханов бросил конницу на отступающих пеших горцев, в большинстве вооруженных кинжалами и кремневыми ружьями. У Бакиханова были особые личные счеты к воинам Самурской долины, убившим во время кубинского восстания в 1838 году его родственников, верой и правдой, как и сам полковник Джрафар-Кули-Ага Бакиханов, служивших русской администрации. Офицеры говорили ему, что не велика доблесть рубить убегающего с поля битвы неприятеля, но Бакиханов был неумолим.

Когда отходящие к югу конники Хаджи-Мурата приблизились к Мискинджи, с крыш и из окошек домов раздались частые выстрелы. Мискинджинцы, старающиеся во всех столкновениях самурцев придерживаться нейтральной позиции, от чего всегда выгадывали, и на этот раз, узнав, что русские войска оказались сильнее и войска имама отступили, тут же открыли огонь по конникам Хаджи-Мурата, не давая им пройти через село и заставляя сворачивать на более трудную дорогу через Микрах, где Хаджи-Мурат оказался бы на виду русских.

43.

Солнце садилось в пыли, поднятой отходящими в беспорядке от Ахтов мюридами имама Шамиля и наступающими русскими батальонами. Увидев впереди полуразрушенные ахтынские укрепления, Аргутинский велел дать несколько пушечных залпов в честь мужественных защитников и оркестру играть боевой марш. Генерал любил громко возвещать о своих победах, умалчивая, а то и вовсе скрывая неудачи.

В стоящей у восточных ворот крепости, рядом с подполковником Ротом, женщине в красном платье и с осунувшимся бледным лицом, Аргутинский узнал Нину. Он попридержал коня, погрозил ей мясистым коротким пальцем и сказал не то в шутку, не то всерьез с нарочитым горским акцентом:

— Говорил тыбе, не хады в Ахты, а жывы в Дербенте...
Тоже mine, капитанская дочка Пушкина...

Услышав о бегстве Шамиля и прибытии в Ахты Аргутинского, с которым в Самурском округе многие были хорошо знакомы во время его службы начальником округа и комендантом Ахтынской крепости, из горных сел прибывали их старшины с овцами и бурдюками масла и сыра, чтобы поздравить Аргутинского с победой и еще раз выразить свою покорность русскому царю.

Увидев знакомые лица горских старшин, Аргутинский недовольно качал головой, не то приветствуя их, не то осуждая за события, учиненные в округе, где он за время своей службы навел порядок согласно российским законам. Аргутинский знал, что если бы победил Шамиль, они, эти горские дипломаты в лохматых папахах, так же пришли бы поздравлять имама с победой и привезли бы еще больше подарков. Он хорошо понимал политику горских общин, для которых их дома, их скот, их пастбища и, наконец, сама жизнь были превыше и борьбы за свободу и веру, к чему призывал Шамиль, и тех законов, неукоснительное соблюдение которых требовала царская администрация.

— Что делать, снова приходится кабана называть отцом! — шутили меж собой старшины, довольные тем, что Аргутинский заметил их и принял дары, значит, все уладится. Командующий потребовал у старшин выдать участников нападения на крепость, и те в один голос пообещали поймать и выдать их русским, конечно, если виновные вдруг появятся в их селах.

От самого большого ахтынского джамаата Аргутинского встречали лишь вдовы казненных нукеров и старая тетя Мирзаали, рядом с которой стоял старик в испачканной белой горской шубе, бывший, как догадался Аргутинский, негласным посланником виновных ахтынцев, чтобы разузнать, что их ожидает.

Аргутинский пообещал похлопотать о помощи государства семьям погибших, а Мирзаали обменять на пленных мюридов.

Подняв голову и посмотрев на дымящийся от пожаров Ахты, Аргутинский укоризненно качал головой.

— Ах, Ахты, Ахты! Кормили, поили, ноги мыли ослам, спустившимся с гор, которые в благодарность за это вас же бросили и убежали, прихватив еще ваше имущество, — сказал командующий.

Потом он посмотрел на старика и, догадавшись, что тот ничего не понял из сказанного им, прошел сердито сквозь зубы на лезгинском языке, который он хорошо освоил за три года службы в Ахтынском укреплении: — Ламар квачар чи-хей ахцахар! (Ослам ноги мывшие ахтынцы).

Старик от этих слов сердито дернул головой, с ненавистью посмотрел в мясистое лицо Аргутинского и громко заговорил, жестикулируя рукой:

— Шамиль сказал, Кибит-Магома виноват за крепость. Имущество наше Шамиль вернул, сам стал у дороги, заставил мюридов все выложить. Ноги мыли мы не ослам, а нашим единоверцам-братьям. Гостю с дороги помыть ноги — таков наш горский обычай. Грязным, вонючим людям этого обычая не понять! — уже с вызовом в голосе громко добавил старик, глядя прямо в темные глаза командующего.

Аргутинский покачал головой.

— Старый, а не понимаешь. Шамиль боялся одного, что отважные ахтынцы не простят им грабежа, ударят в спину. Вы, ахтынцы, верили всему, что Шамиль вам говорил. Кибит виноват! Кубут виноват! Без него, Шамиля, повеления никто не сможет и шагу сделать. Я Шамиля вижу насквозь, знаю, сколько кишок у него внутри, так же, как и у вас, ахтынцев.

— И мы знаем, сколько и чего у вас внутри, — сердито выпалил старик, но Аргутинский не обратил внимания на этот выпад старого человека, который, как и все в Ахтах, за словом в карман не лез.

— У вас полсела состоит из разумных, работающих людей, а другая половина — из драчунов и бездельников, которые кормятся набегами на равнинные земли за Кавказским хребтом. Вы требуете у царской власти, чтобы Шекин-

ская область, как и до прихода русских, платила дань вам, ахтынцам? За что же вам такая милость, за разрушение царской крепости?

— Мы же шекинцев защищаем от набегов других. У нас с ними договор с древних времен, мы один народ, одна земля! — начал громко разъяснять старик, чуть не ссыкаясь на крик, но Аргутинский не стал его слушать и тронул коня. Он уже решил представить в Тифлис предложение о лишении взбунтовавшихся ахтынцев, кюринцев и микрахцев части хлебородных земель на равнине и сенокосов в горах, передать их соседним мирным селам или в фонд государства.

Аргутинский пришпорил коня и, весело улыбаясь, въехал в раскрытые перед ним настежь тяжелые стальные крепостные ворота под гром крепостных орудий и громкое «ура» значительно поредевшего гарнизона.

Вечером на свежем воздухе накрыли столы, пили вино и водку, ели вареное мясо и шашлыки из подаренных победителям овец.

Аргутинский сидел во главе стола с офицерами, пил водку, рюмка за рюмкой, и беспрерывно дымил трубкой, выслушивая с интересом все тосты — славословия в свой адрес, то и дело перебивая говорящих и высказывая резким голосом свои замечания:

— Своим бездействием мы только потакаем этим разбойникам в овечьих шубах. У них, у горцев, создается впечатление, что мы беспомощны. Для них все люди делятся на тех, кто сильнее их и с кем надо считаться, и на тех, кто слабее их и с которыми можно не только не считаться, но и грабить, и помыкать слабыми, как им заблагорассудится. Мы делаем вид, будто их боимся и поэтому считаемся с ними, а они, знай, делают свое дело и перестают считаться с нами, с законной властью, которой они много раз клялись верно служить и не сдерживали своего слова.

Все молча слушали Аргутинского, соглашались с ним; подвыпившие молодые офицеры, которые впервые видели командующего так близко и хотели обратить на себя его внимание, то и дело удовлетворенно и подобострастно кри-

чали: «Верно! Правильно! Бить надо их для их же пользы! Иначе отбываются сюда от рук! Пусть наша плетка всегда будет над их спиной! Тогда будет мир!»

Довольный произведенным впечатлением, Аргутинский вдруг ткнул пальцем в сторону Рота, который сидел за столом неподалеку от него вместе с молчаливой Ниной, и громко сказал:

— А ты сам способствовал усложнению нашей борьбы с ними. Зачем ты им раздал патроны? Отвечай, зачем?

Наступила тишина, все с любопытством смотрели на беспомощно поднявшего руку к перевязанной шее Рота и багрового от выпитой водки Аргутинского.

Заметив умоляющий взгляд Нины, Аргутинский пыхнул трубкой, отвернулся от Рота и снова сказал громко, чтоб слышали все:

— Наша армянская пословица говорит: «Ты сам виноват во всем, что происходит с тобой в жизни!» Понял?!

Рот кивнул головой. Аргутинский ждал возражений чопорного немца, любимца Воронцова, но Рот, зная сварливый бесцеремонный характер командующего, решил дипломатично промолчать.

Тут главнокомандующему принесли донесение лазутчиков о том, что Шамиль, обвинив в поражении у Ахтынского укрепления наибов и распустив на зиму войско по домам, уходит к себе в Дарго.

— Все виноваты у Шамиля, только он сам и прав во всем, — хмыкнул Аргутинский, небрежно бросая аккуратно переписанный в штабе листок на стол, уставленный грудами мяса и батареями бутылок с водкой, вином и шампанским.

Князь сидел в компании с офицерами до самого утра, принимал новые изъявления покорности от делегаций дальних сел, распорядился о детях и семьях казненных нункеров, приказал подготовить войско к походу на Рутул и Лучек, чтобы восстановить власть и порядок во всем Самурском округе и примерно наказать бунтарей, отдав на разграбление войску их дома и имущество.

Когда первые лучи солнца окрасили в розовый цвет небо над Китиндагом и горнист протрубил поход, Рот с Ниной вышли провожать начальника Дагестанской области, командующего князя Аргутинского до временно наведенного за ночь солдатами моста через Самур.

Аргутинский вплотную подъехал на своем коне к Нине и Роту, вынул трубку изо рта и, чуть наклонившись к девушке, и обдавая ее густым тошнотворным запахом водки и табака, уставился в ее удивленные, большие серые глаза своими маленькими черными, прикрытыми жирными веками глазками, потом спросил глухим требовательным голосом:

– Ну что, поговорила с отцом, решилась дать ответ на мое предложение? Отвечай мне.

Нина опустила голову, вздохнула и покачала головой.

– Она от ужаса осады не оправилась, князь, – сказал Рот, не забывший вчерашнего обидного замечания командующего. На все воля Божья.

– Нет! Твоя воля, Рот!! Знаю я вас, немцев, все на полвека вперед рассчитываете! – погрозил ему Аргутинский пальцем и, уже не глядя ни на девушку, ни на остальных провожающих, снова сунул в рот потухшую было трубку и тронул коня.

Рот некоторое время задумчиво смотрел вслед тяжело шагающему коню Аргутинского, а затем стал говорить тихо, чтобы слышала только Нина:

– У князя есть имения в Дербенте и Темир-Хан-Шуре. И сам крепок еще мужик, – но Нина перебила его:

– Отец! Ты же назвал Алисултана. И священник твоему слову свидетель.

– Это так, но ведь ты, дочка, ничего не ответила мне, – вздохнул Рот, беря дочь под руку и возвращаясь в крепость.

– На все воля Божья, отец. По его велению ты назвал Алисултана сыном, как я изменю судьбе? Ведь он не жалел своей жизни, чтобы спасти нас, а не Аргутинский, который безжалостно бросил нас на погибель, разве такое можно забыть?!

— Ты выросла в столице, привыкла за семь лет к культурной жизни, а что может дать тебе Алисултан в этом окраинном Ахты? Вот о чем я беспокоюсь, дочка.

— Я не изменю судьбе, которая свела нас, отец! — тихим, но твердым голосом промолвила Нина, прижимаясь к отцовской руке и глядя на ослепительно сверкающую в синем небе горную вершину Шалбуздага.

44.

В крепость к Роту пришел Мажид насчет оплаты за овец, пригнанных Ади еще до штурма, и за коней, уведенных у Даниель-султана, — за них Алисултаном было обещано новое ружье и патроны.

— Я слышал, вы захватили многа и ружа, и патрун. Теперь давай расчет делать, — сказал Мажид, отведя Рота чуть в сторону от стоящих рядом офицеров. Мажид никогда не совершал торговые сделки в присутствии свидетелей. «Зачем посторонним знать, что у меня в карманах, что у меня в голове и в сердце», — любил повторять он.

— Алисултана я послал с донесением в Тифлис, — сказал озабоченно Рот. — Деньги пришлют, сразу и оплатим, я знаю, Алисултан пригнал в крепость твоих баранов, они поддержали нас крепко, тебе спасибо за это. Да и кони отменные. Все офицеры хвалят.

— Ты, Рут, никому не говори, мой баран, твой баран, кони ворованные. Нам надо жить среди своих. Баран давно съел, кто знает, чей баран? Конь купил — забудь, кто продал и чей конь. Зачем всем это знать? Ты, Рут, ружа давай, патрун давай, эта лучше денег. Кругом все бандит стал. Баранта воруй делает, лошадь, бык воруй, — Мажид махнул рукой в сторону полдневной горы. — Без винт — ружа, без патрун нельзя жить, все украдь изделают, все атнимай изделают, качах многа стал.

— Хорошо, хорошо, я добро помню, — быстро заговорил Рот. — Пожалуй, я пришлю к тебе Яна. Он принесет обещан-

ное, понял? Никому не говори, а то до ушей начальства дойдет, неприятностей снова не оберешься, — сказал негромким голосом Рот, глядя в большие серо-желтые глаза Мажида.

— Ты знай, я знай — больше никто не знай. И твой человек Ян знай, кунак Ади! — обрадовался Мажид, поняв из слов Рота, что оплату, наконец, он получит так, как желал — оружием и патронами.

— А где сам твой племянник, он столько сделал для меня, я в долг перед ним еще за спасение Нины? — спросил Рот.

Мажид заглянул ему в глаза, пытаясь определить, правду говорит комендант или хочет выведать место нахождения Ади, который не раз участвовал в штурме крепости и даже первым врывался внутрь, подбегая с саблей к Роту, чтобы взять с собой его и его дочь Нину.

— Ахмак — дурак Ади! Я говорил ему, не надо, не хади в крепость. Там наш Алисултан, там твоя кунак Ян и Иван, там дядя наш Мирзаали, там уважаемый Рут и там Нина, катурый ты спасал. Зачем туда бегать, у тебя и ружа нет. Маладуй савсем, не хучет слушай, хучет сам все делай, как свая дурак башка хучет.

— Ничего, не беспокойся, война сурова, мир добр. Я попытаюсь уладить вместе с Алисултаном это дело, скажем всем, что Ади спасти хотел нас.

— Валлах-биллах, и я говорил ему, нада спасать Федур, надо спасать Нина. Айда крепуть, айда их сюда, у кунак спрятал сделай, мюрид не найдет.

— Да, храни вас Бог, мне говорили, мы тогда не поверили, думали хитрости наивов...

— Адин слов хачу сказать тебе, Федур. Ун, эта Ади, маладуй, дурак еще. Ун твай Нина крепко хотел свой жена сделать, Федур. Паэтум хател Нина от мюрюд айда делать, спрятать делать. Понимаешь, Федур?!

— Ну что ж, еще один жених появился у Нины, я расскажу ей об этом, хорошо? — улыбнулся Рот.

— Э-э, — махнул рукой Мажид. — Кто есть Ади? Кто есть Нина? Не делай шутка, уважаемый Рут. Мая говорил Ади, эй, хайван, Нина царя видел, атец генерал, у тебя дом нет, где ее посадить. Ун не понимать. Гаварит, Нине хачу. И все делай, чтоб Нина был харащу. А теперь салдат ищет Ади — зачем крепость залез, мюрид ищут Ади — зачем урус помагай сделал. Фитне-люди (кляузники) есть у нас в Ахцах. Мюрид передали — Ади лущадь украл, афцер сказал — Ади крепость залез. Рут и Нина плен делай хател. Секир башка хочет Ади исделать. Я сказал, хади в лес, абрек будешь, спасай себя... Время уйдет, тиха будет, забудут все... Тогда вернись.

45.

Ночью на яилаг к Мажиду пришли переодетые, как лазутчики, рядовые Иван Попмарин и Ян Ясинский с двумя штуцерами, захваченными у мюридов во время осады крепости, и половиной мешка патронов к ним.

Рот доверял этим двум старым солдатам, которых знал с первых дней своей службы в Ахтах. Несмотря на негласные указания о суровом отношении к сосланным в самые дальние и опасные гарнизоны участникам восстания декабристов и польского восстания, Рот в душе жалел их, особенно поляков, загружал работами этих поседевших старых солдат не больше других, хотя перед офицерами часто повторял, чтобы со всей строгостью, в соответствии с предписаниями, держали тех, кто осмелился посягнуть на священные основы Российской империи. Офицеры понимали, что комендант требует это по долгу службы, чтобы отвлечь от себя возможные обвинения в лояльном отношении к бывшим бунтарям. Но ведь многие офицеры, особенно молодые, сами в душе были декабристами, до них тоже доходили новые веяния истории из Европы и Америки, где монархии сменялись республиками. Поэтому не только большинство офицеров, но и рядовые относились к «деду Ивану и деду Яну» с уважением, не обижали их. И среди ахтынцев также

многие знали прошлое ссыльных солдат, выступивших, как и они, против самого белого царя, и надеялись, что эти солдаты помогут захватить крепость. Но у ссыльных, как у всех настоящих солдат, в мыслях не было изменять присяге. Да и как они могли предать честного и справедливого Федора Филипповича, который им за время совместной службы ни разу даже грубого слова не сказал. Ничего так не ценится у служивых людей, как справедливость и честность между командирами и подчиненными, что является основой сплоченности и непобедимости воинского коллектива. Нет, не могли старые солдаты предать свою крепость неприятелю и сохранить себе жизнь, ибо это была бы не измена царю, которого они меж собой, в кругу доверенных товарищай, и не поминали добрым словом, а изменой тем добрым, братским отношениям, которые нередко складываются между начальником и подчиненными на Кавказе за утомительно долгие годы совместной службы.

Как только залаяла собака и бросилась вниз по тропе, ведущей от Ахцаха, Мажид растолкал Ади, спавшего за большим камнем, укутавшись в толстый чабанский лйт –войлок, и послал его узнать, кто среди ночи подымается на их яйлаг. Сам, взяв ружье, залег за камнем.

Увидев Ади целым и невредимым, Иван и Ян обрадовались, передали ему мешок с патронами и вскоре все трое, сопровождаемые лаем собаки, подошли к месту стоянки.

Узнав пришедших, Мажид обрадовался и, оставив ружье, вышел навстречу долгожданным гостям, обнял их, усадил на расстеленную на траве епанжу (бурку). Приняв два штуцера и патроны, Мажид сразу повеселел и, велев Ади запалить костер, побежал к гурту овец, приплясывая на ходу.

Вскоре он принес на плечах увесистого черного барана и при свете пламени быстро зарезал его и начал свежевать. Когда Мажид, достав кинжал, резал горло животному, Иван отвернулся и прикрыл глаза локтем: – Не могу видеть, как режут безвинных животных, – сказал он в ответ на удивленный взгляд Мажида.

— А как колол штыком мюридов на стенах крепости?—
услыхнулся Ян.

— Так там или я их, или они из меня пар выпустят. А барашек ведь мне ничего плохого не сделал, — сказал Иван, отведя руку от лица и стараясь не видеть, как Мажид сильными волосатыми руками сноровисто снимает целиком шкуру с еще дергающегося в судороге животного.

Когда шашлыки были готовы, Мажид оттолкнул в сторону камень, на котором сидел, отгреб немного земли и вынул из ямы закопанный бурдюк.

— Что это? — спросил Иван.

— Чтоб горячий шашлык в горло не застрял. Цапицар знай? Цапицар вода!

— Цапицар — виноград что ли? — удивился Иван, следя, как темная жидкость с веселым журчаньем льется в бычий рог в руках Мажида.

— Да тебе же нельзя пить вино! Ты мусульманин! — сказал Ян, осторожно беря из рук Мажида полный рог.

— Мулла видит — нельзя! Сам мулла — нельзя. Но, я знай, есть мулла в Ахцах, он чихир (вино) пьет ночью, как качах, когда никто не видит. Раз мулла ночь пьет, нам можно и днем, и ночью! — сверкнул белыми крепкими зубами Мажид.

— Все-таки нарушение горского закона, — покачал головой Ян, выпивая рог до дна и принимая из рук Мажида кусок лаваша с жирной овечьей брынзой сверху.

— Кто эта закон написал, сделал? Такой человек, как ты и я. Катурый тоже пиет. А если и не пиет, значит балнуй, не мужет пить, стариk, да, как ребенок стал, штаны себе пачкает, ему нельзя, — добродушно улыбался Мажид, наполняя рог для Ивана.

— В рай, говорят, дорога будет закрыта тем мусульманам, кто вино пьет, — сказал Иван, бережно, обеими руками принимая наполненный до краев рог.

— Женнет (рай) обещают нам реки чихира, красивый хури (девственницы) и кушать все, что хочу. Мы издесь маламала женнет делай.

– Ну, если так, то с Богом! – бравым голосом сказал Иван и разом опрокинул полный рог в свой широкий рот.

– Урус друг выпил, паляк друг выпил, разве нельзя лезгин друг выпить? Там, – Мажид указал пальцем в звездное небо над головой, мая деда, мая атец чта скажет мине? За дружба, за дуст (друг) как мужна не пить? Чта у нас в жизни будет без дружб, без кунак, без тюн-хун (выпить-закусить)? Валлах-биллах хайван (скот) жизни будет! Жахнам(ад) жизни будет, каму такуй нужен? Без радости – хайван живет, человек не живет! Кту радость жизни не видал, такуй человек и там, – Мажид махнул рукой на землю, на которой сидел, – рай не увидит.

Пока говорил, Мажид наполнил рог и, высоко подняв его над головой, неторопливо выпил и обернулся к костру, возле которого Ади, пока старшие пили, быстро вырезал куски мяса из задней части барашка и, нанизав их на гибкие прутики, устраивал на камнях, подгребая палкой под шампуры образующиеся в костре раскаленные угли.

– Ади! Наши желудки залиты халудным чихир и хучет раскаленный жирный шиш – кабаб, шашлык хучет! Мнуга жарит нельзя. Пусть шашлык мала-мала живой будет! Цай-огонь пакажи мяса с три старана и айда сюда, кушать нада сразу, когда жир на мясе весело шипит от огня.

Ади еще раз покрутил шампуры над синеватыми углями и отдал дяде. Мажид сам пюдал один шампур с сочающимися жирным соком кусками мяса Яну, как самому старшему по возрасту, второй – Ивану.

– Такой шашлык, никогда не ел, во рту тает, – похвалил Ян, отправляя в рот кусок за куском.

– У нас так не получается почему-то, – качал головой от удовольствия Иван, – даже беззубому можно легко есть.

– А знаешь, почему? – спросил Мажид, снова наполняя рог и подавая Яну. – Шашлык нада делай из живой мяса. Тут зарезал, тут жарил, тут сраз кушал. Из стариц-баран шашлык не делай. Мяса маладуй харуш, жена маладуй харуш.

Пока гости пили по второму и третьему рогу и ели шашлыки, Ади кинжалом разрубил всю тушу барашка и, уложив мясо жирными частями на дно большого закопченного котла, накрыл его крышкой и устроил на камнях над огнем.

Ян, который внимательно следил за действиями Ади, удивленно сказал: – Ты же забыл воду налить, сейчас пригорит!

– Нет! Вада не надо! – улыбнулся Мажид. Ади в присутствии старшего в разговоре совсем не участвовал, а только слушал.

– Как это не надо, без воды мясо не сварится, а пожарится! – заявил, размахивая рукой, Иван.

– Чабан як (мясо) варит без вада. Вада изделай як совсем не вкусный. Вкусна мяса – без вада мяса. Харашу, Ади знает, Ади изделает мяса. Давай хабар-разговор делать. Утра далека. Звезды слушай нас. Наши атцы и наши деды слушай нас. Расскажи, Иван-стха (брать), как ты прутив царя вайна делал. Патум ты, Ян-стха, рассказ сделай; как ты вайна делал прутив царя. Пачуму хачу эта знать? Патаму чту наш лезгин туже вайна делай прутив царя, знай хачу – какуй канец бывай такуй вайна.

Ян тяжело вздохнул и грустно улыбнулся:

– Это была наша молодость, Мажид, тогда мы всем верили, а нам царь крылья сжег.

Иван вздохнул и покачал головой: – Нам запрещено что-либо рассказывать об этом, но если ты, Мажид, не боишься по-своему делать, и, несмотря на запрет, вместе с нами пить вино, то нам грех бояться рассказывать тебе правду о нашей жизни. Ведь до сих пор царь боится декабристов, хотя всех, кто в тот морозный день декабря 1825 года вышли на Дворцовую площадь просить у царя закона для всех – и богатых, и бедных, посадили и сгноили в тюрьмах и ссылках, повесили, как воров. У нас в Рассее всех врагов вместе взятых столько не боятся, как своего народа. Боятся дать народу волю, дать по закону, как Европам дали, как в дальней Америке дали, за тридевять земель. Боятся дать землю

народу, что будут тогда жрать помещики и начальники, если вдруг крестьяне заживут богато.

И Иван, и Ян, представляя в лицах, как это было, кто как отдавал команды, стали рассказывать про восстание декабристов и восстание поляков Мажиду и Ади, которые слушали, затаив дыхание. Бурдюк вскоре был опустошен и лежал на земле, подобно ненужной тряпке, барабашек был съеден и кости обглоданы. А разговор продолжался. Всю ночь на вершине горы горел костер, говорили русский, поляк и лезгин о свободе, которая одна могла их сделать истинно братьями, а не цари со своими войнами и не имамы со своим газаватом.

— Пока есть богатые, которые хотят стать еще богаче, свободы не видать... — сказал русский.

— Пока есть цари и правители, которые защищают богатых, свободы не видать, — дополнил его мысль поляк.

— Пока есть богатые и цари, пока есть люди, кто хочет есть, но не хочет работать — свободы нам не видать, — сказал лезгин.

Никто никому не возражал, никто ни с кем не спорил, все со всем соглашались, ибо ничто так не сближает людей, как вместе съеденный хлеб и вместе выпитое вино, и слова правды, искренне сказанные друг другу.

46.

Получив рапорт от Аргутинского, а затем донесение от Рота, которое привез в Тифлис Алисултан прямо из Ахтынского укрепления, граф Воронцов, наместник на Кавказе, остался доволен. Очень доволен. Немногочисленный гарнизон выдержал почти двухнедельную осаду превосходящих в десятки раз сил противника. Благодаря крепости, построенной по повелению самого императора Николая. Большую помощь в спасении крепости сыграли туземцы, привлеченные на службу империи не только благодаря хорошей оплате, но и тому, что он, Воронцов, повелевал всем командующим войсками, комендантам крепостей и началь-

никам округов всячески уважать обычай горцев, их религию. Наместник решил за счет налогов построить восемь мусульманских духовных училищ в Тифлисе. Неграмотные муиллы и знахари ведь и народ держат в невежестве.

Воронцов весной был в Ахтах, когда проезжал из Темир-Хан-Шуры через Кумух, Чираг, Курах и Ахты в Кусары, Кубу и оттуда в Тифлис. Ему понравились тогда Ахты, и народ понравился, в чем-то похожий на немцев и англичан. Особенно запомнилась беседа с Мирзаали, кази Самурского округа, и он велел Роту, чтобы таких умных и дальновидных людей всячески поддерживали и всячески усиливали их влияние в округе, ибо только через преданных и умных представителей можно и весь народ вовлечь в русло цивилизации и на этой почве сделать их сперва лояльными, а затем и ревностными сторонниками русской империи.

Воронцов посоветовал Роту вместе с Мирзаали и старшинами Ахцаха подумать о строительстве силами и населения, и округа русской школы для детей офицеров и горцев, а затем и больницы. Позаботиться о завозе саженцев лучших сортов яблонь и груш, ведь здесь наиболее благоприятный климат для выращивания фруктов. Воронцов пробовал сохранившиеся до мая местные сорта яблок и остался весьма доволен их отменным вкусом. Побывав на горячих источниках, Воронцов не стал купаться в столь диких условиях, но поручил Роту благоустроить все бани, построить над ними каменные купола, чтобы в зимнее время не простивали купающиеся, и обещал представить в Санкт-Петербург предложение о выделении денег на строительство здесь здания для лечения раненых офицеров и солдат.

Он остался не доволен медленными темпами строительства конной дороги из Ахты в Шеки через Хнов и Борч. И когда раскрасневшийся от волнения и поминутно вытирающий пот с лица генерал Бюрно принес образцы твердых горных пород, которые с большими усилиями вырубались из сводов строящегося хновского туннеля, то Воронцов велел отправить их в Санкт-Петербург, чтобы убедить там финансовое ведомство увеличить расходы на строительство.

Ему тогда не понравился Бюрно, который и в горы возил с собой девиц, а маркитанты не успевали снабжать его дорогими винами. Вот теперь этого Бюрно надо будет предать суду за то, что несмотря на предписание, не присоединился к Ахтынскому гарнизону, а предпочел через Салаватский перевал ретироваться в Кубу.

Слушая торопливый и сбивчивый рассказ Алисултана об эпизодах обороны крепости, о взрыве порохового склада выстрелом неприятельской пушки, которую мюриды втащили на гору, Воронцов тонко улыбнулся и не преминул заметить присутствующим при разговоре офицерам, что он, Воронцов, еще весной, будучи в Ахтах, говорил Роту, что генерал Головин поставил крепость слишком близко к горе, в пределах досягаемости пушечных выстрелов, хотя была возможность построить ее на самой середине долины, на равновеликом отдалении от всех окружающих гор.

— Тогда бы ни одна горская пушка не смогла достать выстрелом крепость, и потери гарнизона были бы намного меньше, — добавил Воронцов и на этом разговор прекратил, поручив адъютанту вместе с переводчиком подробно расспросить Алисултана и записать все, что он видел и знает про каждый день обороны крепости.

— В рапорте Рот пишет много хорошего о тебе, — сказал на прощанье Воронцов Алисултану. — Он докладывает, что благодаря тебе вовремя было доставлено донесение Бrimмеру в Кусары, защитники крепости получили помочь, что удвоило их силы, помогло выдержать штурм. Рот в письме называет тебя сыном и пишет, что обещал отдать свою дочь за тебя. Что ты сам об этом думаешь? — ласково улыбаясь, спросил Воронцов.

— Я свой жизнь дал Нине, другой жизнь у меня нет! — ответил Алисултан, не отводя взгляда от белого холеного лица Воронцова.

— Похвально! Похвально... — молвил Воронцов, изучающе разглядывая Алисултана. — Но скажи, твой дядя Даниель-султан, он знает о твоем намерении жениться на девушке другой веры?

— У меня этот дядя нет, для меня он умер, он моих братьев убил, он моя мать оскорбил. Мой дядя — мой враг, я в его руки попаду — он обещал меня убить, он в мои руки попадет — я его убью.

— Верю, верю, — снова еле заметно, тонкими губами улыбнулся Воронцов, довольный услышанным, но еще не совсем доверяя молодому горцу, чьи клятвы по отношению к русским могут, как и у многих других его соплеменников, как у его дяди Даниель-султана, и измениться, в зависимости от обстоятельств и личной выгоды. Воронцов оставил Алисултана с комендантом Тифлиса и пошел к своему огромному столу. Макнув перо в чернила, он что-то пометил в своей тетради в кожаном переплете и кивнул высокому стройному ординарцу, мол, приглашай следующего посетителя.

47.

Николай Павлович после прогулки вернулся в плохом настроении: несмотря на постоянные обтирания льдом, длительные вечерние прогулки в любую погоду на свежем воздухе, болело горло, и он не хотел из-за этого приглашать лекарей, которые толком ничего не понимают в своем деле, поэтому так же болеют и мрут, как и все остальные люди. «Если не могут лечить себя и продлевать жизнь себе, как эти шарлатаны могут излечить меня?» — думал Николай Павлович, садясь за широкий стол и приказывая бесшумно появившемуся в высоких, узорчатых, позолоченных дверях красавцу-адъютанту пригласить первым для доклада военного министра Чернышева.

Осторожными шагами войдя в кабинет, Чернышев внимательно глянул в лицо императора и, четко выговаривая каждое слово, поздоровался. По тому, как император еле заметно сморщился и нехотя кивнул головой, министр понял, что Николай нынче не в духе, хотя никакой

информации о возможных причинах этого Чернышев ни от кого не получал.

— Ну, что у тебя там хорошего? — спросил Николай, хмуро глядя, как министр достает из кожаной папки аккуратно переписанные бумаги.

— Хорошие новости. Ваше величество! Реализация ваших дальновидных планов на Кавказе приносит свои плоды. Вот получено от наместника на Кавказе письмо о нападении полчищ горцев, численностью около двадцати тысяч, на Ахтынское укрепление, о двухнедельной героической обороне гарнизона, где в начале осады находилось всего около двухсот нижних чинов и восемнадцать офицеров.

— Ну, и крепость доблестно пала, — хмыкнул Николай Павлович, хорошо зная страсть военных чиновников выдавать даже поражение за победу, преуменьшать свои потери и преувеличивать потери противника. Если собрать и сложить все потери неприятеля, о которых докладывали только ему, Николаю, то на Кавказе не должно было остаться ни одного туземца, а они, видишь, по-прежнему, как ни в чем не бывало, воюют, и его стопятидесятитысячной армии не удается усмирить этих дикарей.

— В том-то и дело, Ваше Величество, гарнизон выдержал осаду благодаря крепости, построенной по Вашему повелению в 1839 году, хоть и потерял больше половины состава. Выстоял, несмотря на медлительность идущего на помощь Аргутинского. Шамиль вместе со своими полчищами не смог пробиться через Ахтынское укрепление на юг, и он поспешно ретировался в свои вертепы и вынужден был отказаться от далеко идущих планов захватить все Закавказье, соединиться с единоверцами в Турции и, может, и в Иране.

— Маленькая моя крепость остановила большие планы Шамиля?! — сказал громко Николай и, задев плотным, тую стянутым широким поясом животом стол, встал и свысока глянул на гладкую сверкающую лысину Чернышева.

— Всех отличившихся представить к наградам! Гарнизону выделить годовое жалованье, но не в засчет — знаю я

vas! – а сверх положенного. Также представить к поощрению местных, которые верой и правдой служат мне, остальным в пример!

Сделав несколько решительных шагов по огромному кабинету, Николай Павлович остановился напротив Чернышева, довольного своим докладом императору.

– Как фамилия коменданта Ахтынского укрепления? – спросил Николай.

– Подполковник Рот, – четко ответил Чернышев. – Был тяжело ранен в шею во время штурма, но выжил. И дочка была с ним рядом.

– Что с дочкой? – глянул большими, навыкате глазами в лицо Чернышева Николай, вспомнив свое посещение Смольного института весной прошлого года и затем поспешный отъезд этой красивой полунемки-полугрузинки к отцу, в Ахтынское укрепление. Отъезд этот, как сразу понял Николай, свершился не без любезного участия императрицы, которая с немецкой педантичностью заботилась о моральном здоровье императора всея Руси.

– Дочка, видимо, с отцом, – ответил, замявшись, Чернышев, который не имел точных сведений о дочери Рота.

– Пусть Воронцов подробно доложит о всех отличившихся при обороне Ахты.

Николай решил вызвать к себе во дворец эту смелую девушку и устроить ее на службу при дворе. Но об этом Николай не стал говорить Чернышеву, для таких дел у него был министр по особым поручениям.

48.

Аргутинский временно назначил начальником Самурского округа другое лицо, и в конце ноября Рот вместе с Ниной выехали из Ахтынской крепости в Кусары. Выпал большой снег и лошади с трудом тащили сани по узкой дороге вдоль берега Самура. Ослепительно белый слой снега, будто огромным толстым небесным саваном накрыл разрушенный и сожженный Ахты, многочисленные могилы пав-

ших в боях. Сильные морозы загнали людей в укрытия, к огню, чтобы вдали от чужих глаз пережить боль от потерь. Снег скрыл следы разрушений и пожаров, но на суровых лицах встречных горцев читалось не столько горе, сколько ненависть к тем, кто принес это горе в их мирную жизнь. Увидев сани, в которых ехали Нина с отцом в сопровождении полуроты казаков, встречные отходили в сторону, мужчины плевали вслед, а женщины открыто и громко выкрикивали проклятия в адрес урусов, которые убили их близких и родных, спалили их дома.

В погребе разрушенного до основания Аджиахурского (Тифлисского) укрепления, которое решили осмотреть Рот и Нина, казаки обнаружили солдатский ранец, а в нем листовки. Сами они не умели читать и передали их Роту. Нина взяла из рук отца небольшой пожелтевший лист и громко прочитала текст, написанный по-русски и по-французски:

«Вольная Франция поздравляет все народы мира и призывает казаков, поляков и народы Кавказа объединиться в борьбе против царя за свободу».

Рот скомкал листовки и брезгливым жестом отбросил на снег.

— Зачем повторять эту крамолу во всеуслышание? — сказал он дочери.

Нина замолчала, увидев, что казаки, стоящие неподалеку, внимательно слушают ее.

Резкий порыв холодного ветра вырвал листовку из продрогших пальцев Нины и она, словно белая птица, стремительно взмыла высоко над Самурской долиной.

Всю оставшуюся дорогу отец и дочь ехали молча. Когда сани по глубокому снегу подъехали к дому генерала Бrimмера в Кусарах, и сам генерал и его дородная супруга спустились с крыльца встречать гостей, Нина, повторяя только одно слово: «Спаситель!» бросилась генералу на шею и зарыдала.

Жена Бrimмера, Дарья Петровна, после обильного обеда, когда мужчины ушли продолжить свой разговор и пить коньяк в другую комнату, сообщила Нине, что все офицеры Кубинского и Кусарского гарнизонов, начиная с Новоселова

и Тизенгаузена, влюбились в неё. И везде Нину называют не иначе, как «девой гор».

— А ты знаешь, Тизенгаузен — храбрый молодец, сейчас живет как настоящий горец, и голову бреет, и черкеску носит, я уверена, вы вдвоем составите добрую пару.

Нина зарделась, ей и самой был симпатичен этот одетый по-горски, но грамотный и культурный немец, однако глубоко вздохнула и, решительно покачав головой, ответила Дарье Петровне, что Алисултан семьдесят вёрст проскакал за день, рискуя жизнью, не ради того, чтобы она стала женой Тизенгаузена.

— Но, дорогая, они, горцы, могут и убить, ведь ради чести они и мать родную, как Шамиль, не пожалеют. У них в жизни женщина не на первом месте, как у нас, а на последнем. Я понимаю, вы обязаны ему жизнью, но он просто выполнял свой долг, а другие, а Тизенгаузен, а Новоселов, разве меньше рисковали жизнью ради тебя?! — напористо говорила Дарья Петровна, но Нина с улыбкой все качала головой, не соглашаясь с ее словами.

— Отец уже обещал... Так всё случилось... Судьба. Небеса так решили, разве тот, кто пойдет наперекор судьбе, будет счастлив? Есть события в жизни, которые от нас, смертных, мало зависят, — вздохнула Нина.

— Да, я понимаю, — уже безразличным тоном, улыбаясь, отвечала Дарья Петровна, раздосадованная тем, что ей не удалось выполнить обещания, данного Тизенгаузену, добиться согласия Нины выйти за него замуж. И стараясь, как всякая светская дама, скрыть свое разочарование перед этой юной романтичной девушкой из крепости, столь свято чтившей долг и покорной судьбе, заговорила о последних французских модах.

Погостив декабрь у Б्रиммеров, Нина с отцом к Новому, 1849 году, приехали в Тифлис, где Рот окончательно залечил свои раны, и в начале сентября был назначен комендантром города.

— Сперва был комендантом в маленькой Тифлиси, а те-

перь в большой, — щутил Рот, довольный тем, что снова будет служить рядом с Воронцовым.

Алисултана наместник собирался назначить начальником над инголийцами, повелев ему исподволь обращать их в христианство. Потом, когда сможет показать себя в деле, можно поговорить о начальстве над Илисуйским султанством; о чем Алисултан мечтал и день, и ночь, чтобы отомстить дяде. Нина всё больше приходила к мысли, что не столь из-за любви, а из-за ненависти к Даниель-султану он хочет жениться на ней... И она не спешила... Торопили её и отец, и Воронцов, и тифлисские дамы, которые были готовы на всё, дабы угодить наместнику. Лишь жена Воронцова, Елизавета Ксаверьевна, очаровательная, изящная, с искренней улыбкой на умном лице, обнимала Нину и горячо шептала:

— Не слушай никого, слушай своё сердце — и никогда не ошибешься, не пожалеешь. Любовь — это солнце души женской, а без солнца жизнь сера и тосклива...

Когда они оставались наедине, Елизавета Ксаверьевна любила рассказывать Нине про Пушкина, при этом ее глаза по-молодому загорались далеким светом бурной юности. Если поблизости не было Воронцова или дам, способных донести до ушей мужа ее воспоминания о поэте, которого Воронцов обзвал жалким подражателем Байрону, Елизавета Ксаверьевна, мечтательно вздыхая, читала стихи Пушкина, посвященные ей влюбленным в нее поэтом:

Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует,
Никто ее колен в забвенье не целует,
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.
Никто ее любви небесной не достоин...

49.

Время в Тифлисе текло быстро. Благодаря усилиям графа Воронцова были открыты Грузинский театр, итальянская опера, и богачи Тифлиса — и грузины, и армяне с удо-

вольствием стали ездить по вечерам в театры, где их жены и дочери блистали туалетами, разглядывая потенциальных женихов среди офицеров русской армии.

По предложению Воронцова, который не оставлял без своего внимания Нину ни на одном балу или светском приеме, «деву гор» назначили помощницей начальницы только что открытого Закавказского девичьего института.

«Теперь граф еще больше станет добиваться твоей благосклонности, — шепнула на балу Нине графиня Воронцова с лукавой улыбкой на устах. — Семьдесят лет, а все еще представляет себя свету большим ловеласом. Он все мстит мне за любовь к Пушкину, но это не мешает мне незабвенно помнить любившего меня поэта».

Воронцов не раз на светских приемах наведывался в комнаты, где собирались молодые незамужние девицы, чтобы поделиться своими секретами и привести в порядок наряды, и при всех наместник говорил лестные комплименты Нине. Он же сообщил, что им заказана пьеса об «ахтынской осаде», а также поручено составить подробное описание героической обороны для издания книги в типографии, впервые открываемой на Кавказе.

Несмотря на уговоры и отца, и Воронцова, Нина все медлила со свадьбой. Алисултан чурался светского общества, и как большинство горцев, он не делал того, что считал ненужным или неправильным. Он отказывался посещать театр или балы, ходить на светские приемы, где были разодетые дамы с обнаженными шеями и плечами, страшно ревновал, если на такие приемы соглашалась идти Нина, даже в сопровождении отца.

Однажды во время приема в доме наместника, Воронцов сообщил Нине и Федору Филипповичу, что государь-император и государыня-императрица изъявили желание видеть полковника Рота, и непременно с дочерью.

— Государь будет щедр к вам во всем, — тихо сказал потом Воронцов, кружка Нину в вальсе, — и надо быть весьма благодарным ему за это...

Нина согласно кивала, еще толком не понимая, о чем конкретно идет речь.

50.

И вот Рот с Ниной предстали перед государем и государыней. Одновременно с ними был приглашён и Л. К. Мердер, из дворян Лифляндской губернии, ранее служивший в Прусском полку и ныне назначенный командиром бригады Кавказских батальонов. Он не был участником обороны Ахты, но им была написана пьеса в трех картинах «Оборона Ахты». Воронцов дал ему рекомендательное письмо к директору Императорских театров с просьбой посодействовать в постановке пьесы на столичной сцене, чтобы ее непременно увидел государь-император.

Государь и государыня были ласковы и благожелательны к героям Кавказской войны. Они знали Нину ещё институткой, и Николай стал предлагать ей разные должности при дворе. Нина, заметив, как нахмурилась государыня, посмотрела на отца, и Рот чётким голосом, будто рапортую на плацу, сказал, что нельзя Нину разлучать с Алисултаном, да и граф Воронцов считает, что они больше пользы принесут Отечеству, живя и работая в Тифлисе.

Николай нахмурился, посмотрел на государыню. Та улыбнулась и, мягко кивнув головой, сказала:

— Они думают об империи больше, чем о своей выгоде.

Свысока взглянув на императрицу, Николай ничего не ответил. Затем, уставившись своими большими, навыкате глазами на смущенную Нину, громким голосом объявил, что он своим указом производит подполковника Рота в генералы и награждает его орденом святого Станислава первой степени. Новоселов из капитанов произведен сразу в подполковники, награжден Георгиевским крестом и назначен плац-майором в Царское село. Иван Бучкиев, грузин, в совершенстве знающий лезгинский и татарский языки, получил Георгиевский крест. Князь Аргутинский стал генерал-адъютантом.

Государыня поинтересовалась, когда у Нины состоится свадьба с лезгином из Ахты. Узнав, что весной и непременно в Ахтынской крепости, Александра Федоровна одобрила это решение и пожелала стать крестной матерью будущих детей Нины.

— Тогда мне остается стать сватом и крестным отцом, — без улыбки сказал Николай и пристально посмотрел на Нину.

Нина встала и низко поклонилась императору и императрице.

— Это будет награда и память гарнизону, не жалея жизни отстоявшему крепость, — взволнованным голосом сказал Рот, привстав с кресла.

Государыня спросила, когда Нина с отцом собираются в Тифлис.

— Служба не ждет, сразу и поедем, — ответил Рот.

Николай поднял палец и громко сказал, не сводя взгляда с Нины:

— Поедете после просмотра пьесы об обороне Ахты в Александровском театре. А до этого сыграем помолвку у нас, в Зимнем Дворце. Пусть болтливое светское общество видит, какие герои служат в дальних гарнизонах нашей великой империи. Пусть знают, что у нас людей ценят не по сословиям, а по заслугам перед государем и Отечеством!

51.

Наконец, после долгого ожидания, отца и дочь пригласили в императорскую ложу театра, на премьеру спектакля «Оборона Ахты» в трех действиях. Разыгрываемые артистами события мало походили на действительность. Вместо Нины героиню называли Верой, Федора Филипповича — Николаем Петровичем. Ни Мирзаали, ни Алисултана, никого из горцев, защищавших крепость вместе с русскими, среди героев пьесы не было.

Нина обернулась к отцу, чтобы сказать ему об этом. Но генерал Рот приложил палец к губам и велел молчать, пока-

зывая глазами на сидящих на белой скамье с позолотой императора и императрицу, с большим интересом следящих за действием, происходившим на сцене. Пока шел спектакль, Николай не раз с важным видом оглядывался и самодовольно смотрел на Нину. Особенно нравились ему места, когда на сцену выскакивали повозки с настоящими лошадьми и громко барабанили пушки, заволакивая всю сцену клубами дыма.

После спектакля Николай пригласил Нину прогуляться вместе с ним, ибо государыня уехала во дворец раньше, со славшимися на недомогание. Николай и Нина сперва прошли по Адмиралтейскому бульвару, потом по Английской набережной и Миллионной улице. Федор Филиппович с сопровождающими шли позади, на почтительном расстоянии. Во время прогулки Нина рассказывала Николаю об Ахтынской крепости, о лезгинах и об Ахты, о природных банях, обычаях и характере горцев, о Мирзаали и Алисултане, которые верно служат императору и не жалеют для этого жизни, но о которых ни слова не было в пьесе.

Поняв из слов Нины, что пьеса совсем неправдоподобная, Николай рассердился и, нахмурившись, уехал во дворец, посадив Нину в сани, которые сопровождали их во время прогулки.

Утром Николай вызвал директора театра и сердитым голосом велел ему заставить автора переделать пьесу под руководством Нины, чтобы все соответствовало действительности.

52.

Ади с братьями-качаками с утра притаились по обе стороны лесной речки, стекающей со склонов Шахдага, заросших высокими кряжистыми деревьями и густым кустарником.

Многие из деревьев и кустарников буйно цвели, расточая вокруг терпкий медовый запах нектара, на который с первыми лучами солнца слетались пчелы, заполняя воздух

дружным нетерпеливым гулом. Над цветущими дикими деревьями возвышались вековые орешники, дубы, осины и тополя.

Ади, как самый молодой и быстрый, вскарабкался на раскидистую осину и, устроившись на развилке ветвей, следил за дорогой. Прошлой осенью он не ушел с дядей Мажидом на зимние пастбища в Шеки, его там могли выдать русским. Он ушел в качахи (разбойники), стал с такими же, как он, грабить купцов и царскую почту, наводить страх на всех своими дерзкими набегами. Ему казалось, что теперь его жизнь соответствует тем твердым правилам, которые не раз слышал он в разговорах с дядей: что «настоящий мужчина ни от кого не зависим, а все зависят от него. Настоящий мужчина никогда ни у кого ничего не просит, а наоборот, сам всем нуждающимся или у него просящим дает необходимое».

Сперва Ади примкнул к отряду качаха Рамазана, а потом разочаровался в них, потому что они воровали овец и другой скот у своих же бедных односельчан, затем сушили мясные туши в пещерах Шахдага себе на зиму.

Встретив нескольких парней из окрестных сел, так же, как и он, скрывающихся от преследования, Ади решил создать свой отряд качахов. Место для постоянного пребывания он не стал выбирать, чтобы никто не мог выследить и выдать их. От Кусары до Ахты в лесах, в глухих ущельях, в темных пещерах у них было несколько укромных мест, где они прятали запасы пороха, патронов, еды и теплой одежды. Было решено два дня подряд на одном месте не ночевать, никому о своих передвижениях не сообщать.

Обычно всю добычу качахи продавали и деньги делили поровну, ибо у денег, в отличие от быков, нет рогов, по которым хозяин мог бы опознать свое.

В зависимости от складывающихся обстоятельств, Ади с товарищами, среди которых был и светловолосый Андрей, выбирали наиболее подходящее место для засады и распределяли обязанности каждого при нападении.

Андрей, тот самый тяжелораненый солдат, которого не

решилась заколоть вилами Джахварат, после излечения травами на дальнем стойбище Мажида не захотел вернуться в свой батальон, когда Мажид и Ади отпускали его на все четыре стороны. «Что там я не видал, кроме мордобоев? – сказал он своим товарищам. – Такие же побои меня ждут, даже если я отслужу все двадцать пять лет и вернусь домой, к помещикам своим. Только у вас, в горах, я почувствовал себя свободным человеком. Я теперь считаю себя лезгином, Мажида и Ади – братьями, а когда научусь молитвам, я и мусульманином стану, как все настоящие мужчины. Бог даст, братья мне и жену, лезгинку, найдут. Заживу тогда явольно, почитая только Аллаха, своих братьев и друзей».

Узнав хорошо Андрея в делах, качахи торжественно поклялись, что отныне считают его своим братом.

Как-то ночью мальчишка, прискакавший из села, расположенного меж Кусары и Ахты, сообщил Ади, что на двухколесной повозке везут какой-то ценный сундук, который легко заносят в помещение двое, но охраняют этот сундук пятьдесят казаков с офицером, и на постое в Кусарах казаки спрашивали о состоянии дороги в Ахты, куда, видимо, и везут столь ценный груз.

После недолгих споров качахи решили выкрасть сундук. То, что охраны было почти вдесятеро больше, лишь раззадорило их, особенно Ади и Андрея, которого качахи переименовали в Анри.

– Пользы не видно, силы не равны, зачем зря рисковать? – возразил один из качахов, но когда узнал план нападения, у него не осталось сомнений в успехе, тем более, самую опасную часть дела Ади и Анри брали на себя.

Когда оказия с разморенными от жары конниками въехала на узкую дорогу, к которой вплотную подходил густой, заросший непроходимым кустарником лес, и повозка с сундуком проехала место соединения дороги с глухой лесной развилкой, оттуда вдруг выскочило большое стадо буйволов, и перепуганные животные, толкая и напирая друг на друга, понеслись навстречу казакам, отсекая их от повозки.

При виде несущегося на них рогатого буйволового ста-

да, кони под казаками испуганно заржали, остановились и стали пятиться назад и разворачиваться, перестали реагировать на крики и удары плетками. Пока двое качаев гнали на казаков буйволов, Ади и Андрей вскочили с обеих сторон на оставшуюся без охраны повозку, вырвали из рук испуганного возчика ружье, вожжи, а затем, столкнув его на землю, начали вовсю хлестать коней и кричать, пока повозка не понеслась во весь опор, с грохотом подпрыгивая на толстых корневищах, на каждом шагу выпирающих из земли. Двух казаков, успевших проскочить мимо буйволов и погнавшихся, размахивая шашками, за повозкой, Андрей и Ади сбили выстрелами.

Андрей кинжалом срезал ремни, которыми был привязан сундук, на ходу сбросил его на цветущие кусты шиповника слева от дороги, и спрыгнув следом, уволок сундук в гущу кустарников, дав свистом знать Ади, что все в порядке. Проехав с полверсты, Ади резко повернул коней на открывшийся справа сенокосный луг, узкой полоской тянувшийся между дорогой и глубоким отвесным обрывом над Самуром, выхватил кинжал и несколькими быстрыми ударами разрубил постремки. Освободившись от повозки, кони рванулись обратно на дорогу, а повозка, проехав по инерции десяток саженей по покатому лугу, полетела под обрыв с безостановочно вращающимися в воздухе колесами.

Качаи, оставленные в засаде возле огромных осин, как только повозка с Ади на облучке проскочила мимо, кинжалами разрушили ремни, которые держали подпиленные раскйдистые густые деревья, и они грохнулись на дорогу, закрывая ее перед казаками.

До темноты казаки обшарили весь заросший непроходимыми колючими кустарниками склон под высоким обрывом, но кроме кусков разлетевшейся вдребезги повозки ничего не нашли.

53.

Как и было заранее условленно, двое качаев доставили украденный сундук в одну из пещер на склоне Шахдага. Ко-

гда, весьма довольные удачно выполненным делом, все собрались к полуночи под закопченными сводами пещеры и при свете костра, сломав сургучную печать и замок, вскрыли, наконец, таинственный сундук, то нашли в нем только одно-единственное белоснежное платье.

Сверху платья лежал розовый конверт из плотной бумаги.

Андрей, не обращая внимания на возгласы сожаления качахов, аккуратно вскрыл конверт и по слогам начал читать:

«Государь-император и государыня-императрица желают своей крестнице Нине Федоровне Рот долгих лет счастья в супружеской жизни с обращенным в христианство Николаем Николаевичем».

Андрей присвистнул.

— Дочери помещиков, у которых я был мальчиком на побегушках, когда выходили замуж, надевали подобные платья. Подвенечное называется.

— Что мы будем делать с платьем? Кому продадим? Да и кто купит? У нас такие не носят... — стали деловито говорить качахи, осторожно щупая необычный для них свадебный наряд.

— Я... грех не возьму на душу, мне доля не нужна... Девушки невинной слезы мне ни к чему... — сказал Андрей, глядя на Ади. — Это не та Нина, дочь коменданта, про которую ты рассказывал?

— Она Тифлис айда сделала! Алисултан и Нина, хабар слышал я, вместе стали... — хриплым голосом сердито сказал Ади и отвернулся.

— Тогда, кто это такой будет, Николай Николаевич? — удивленно спросил Андрей, с сочувствием глянув на Ади. Но тот отвернулся и ничего не ответил, ибо не слышал о новообращении Алисултана.

— Значит, она в крепости... Проехали... А мы не слышали — не знали... — заговорили качахи. — Они же все боятся нас, поэтому проезжают тайком.

– Шайтанская (чертова) маташка, – проворчал один из них. – Пока была в крепости, никто не мог ее взять. Теперь вот проехала. Что-то будет нехорошее для нас. Наши глаза и уши и в Кусарах, и в Дербенте, и в Чахчах, и в Захуле, и Ахцахе – никто не видел. Как птица пролетела.

– Надо бы вернуть платье, братцы. К чему оно нам, – предложил Андрей, осторожно опуская платье в сундук.

– А зачем рисковали? Что толку нам? Надо подумать, как продать подороже, а деньги разделить.

– Кто купит?

– Урус маташка!

– А все уже знают, что украли! Все посты секретно получили хабар. Все лазутчики, все уши и глаза царские ищут. Не зря столько казаков сопровождало это платье. Поймают, и сразу на виселицу! Позорная смерть будет! Из-за девушки. Понял?

– Ты, Анри, нас не пугай. Мы сама знай, что делай, понял? Армен купец продам, хорошую цену возьмем, ведь не зря платье так охраняли? – сказал кто-то и все согласились, что это самый верный путь получить свою долю за столь удачную операцию. Удивляясь столь большой охране, качаки не знали, что в сумке офицера лежала опечатанная шкатулка с бриллиантовыми колье, кольцами и подвесками для Нинны, истинно по-царски щедрый свадебный подарок от императрицы.

Ничего не решив, качаки положили сундук с платьем на уступ скалы в пещере, поели сав (толокно), запили его ключевой водой и устроились спать на своих япунжи (бурках) на траве среди кустов, буйно росших вокруг входа в пещеру. Было тепло, небо усыпало звезды.

Ади и Андрей лежали рядом, подложив под голову ладони, и смотрели в бездонное звездное небо.

– А ты любил когда-нибудь, Анри? – спросил Ади, думая о своем.

– Помещичью дочь Веру... Да куда нам, холопам грязным, до хозяйской дочери! За это и сослали меня рекрутом, подальше...

- А она любила тебя? — снова спросил Ади.
- Потому и сослали, что любила. Чем я не пригож: и рослый, и белый, и учёный. Меня с её братиком, чтоб скучно ему не было, обучали читать и писать.
- А как ты любил её?
- Как? Как... А вот каждый день, каждый миг думал о ней. Что бы ни делал, с кем бы ни говорил — в голове всё время она. Её смех, её глаза, как она ходит. Сам не свой, как дурной ходил я тогда.
- И я так... И я всегда думай...о ней, много думай...
- Знаешь, Ади... Ты как хочешь, но платье надо вернуть. Грех большой девушек невинных грабить...
- Завтра Ахцах поеду. Узнаю в крепости. Там у меня кунаки есть, Ян и Иван — имя их. Они скажут, потом подумаем... — промолвил Ади, уже засыпая.

Под утро ему приснился сон. Будто Нина падает вместе с повозкой и лошадьми в пропасть и кричит ему:

— Ади! Спаси! Моё платье!

Ади вскочил на ноги. Зубцы Шалбуздага начинали выделяться на ёщё звездном небе. Ади бесшумно обошел хра-пящего Андрея, перешагнул через качаха, который, широко раскинув руки, лежал у самого входа в пещеру, осторожно снял с выступа сундук, тихо открыл его, вынул платье, бе-режно перекинул через плечо и направился к поляне, где паслись стреноженные лошади.

Отвязав радостно заржавшую Деликуш, Ади аккуратно завернул платье в бурку и приторочил к седлу, затем в пово-ду за собой повел лошадь по тропинке, которая вела к доро-ге на Ахцах.

Когда после полудня усталая Деликуш, чувствуя при-ближение родного села, быстрым шагом одолела камунхуш-ский подъём и поскакала по прямой дороге к крепости, мальчишки, что пасли коров на лужайке, расположенной выше местечка «Чехикампал», радостно закричали:

— Смотрите, Деликуш! Ади приехал! Ади! Тебя урусы ищут!

Ади, не обращая внимания на крики, пришпорил лошадь и вскоре оказался у ворот крепости.

Часовой над воротами был из вновь прибывших солдат и не знал Ади. Но по его просьбе он кликнул кого-то в крепости и попросил позвать Яна и Ивана.

Вскоре оба старых кунака Ади появились в воротах, но следом за ними шел незнакомый дежурный офицер при сабле и двух пистолетах на поясе. Ади насторожился, услыхав, как о чем-то сердито заговорил офицер с Яном, а потом раздался голос Ивана, по-лезгински крикнувшего ему, чтобы уезжал.

Ади резко повернул лошадь и, закричав: – Эй! Айда булах (родник) у реки! У меня хабар есть! Одна вещь есть! – поскакал к роднику у берега Самура.

Офицер уже знал об ограблении, знал, чьих это рук дело. Поняв, что главарь сам пожаловал к нему в руки, и за его поимку можно получить награду или чин, он крикнул караульному у ворот, чтобы поднял взвод казаков.

У родника Ади отвязал от седла бурку, не сходя с лошади, развернул ее и показал платье и письмо на плотной бумаге с гербом прибежавшим следом Яну и Ивану. Подоспевший офицер сразу подскочил к Ади, выхватил из его рук платье с буркой вместе, затем отшвырнул бурку в сторону, быстро свернул платье и, сунув в руки Ивана, приказал ему бегом доставить в штаб.

– Ваше благородие, надо бы оплатить, пишкеш сделать за доставку в целости и сохранности, он нам много способствовал и при осаде... – начал было Ян, но офицер не дал ему говорит:

– Молчать!! За возвращение похищенного не награда полагается, а наказание! Арестовать бунтовщика и вора! – Офицер рванул из ножен шашку и, подняв ее над головой, стал надвигаться на Ади.

– Беги! – крикнул по-лезгински Иван.

Деликуш, которой передалась тревога хозяина, галопом понеслась берегом реки. Выстрел из пистолета офицера просвистел над головой Ади.

Офицер взбежал вверх по склону к крепости и заорал караульным на бастионах, чтобы казаки бросились вдогонку бандиту.

Ади заметил, как от крепости отделился отряд казаков с шашками наголо. Он хлестнул Деликуш, и уставшая за долгий переход лошадь рванулась вперед из последних сил.

Доскакав до заросшего кустарником склона местечка «Чехикампай», Ади направил лошадь по еле заметной тропе, вслед ему загремели выстрелы догонявших его казаков, но кустарники и извилистый склон скрывали беглеца. Ади скочил с лошади и, встав за ствол толстого орешника, досстал из чехла ружье и выстрелил в видневшихся сквозь листву на фоне синего неба всадников.

Пуля задела чью-то лошадь, казаки отпрянули назад, раздались ругательства и крики: – Полвзвода направить по дороге! В двух верстах ниже по реке перекроем ему путь! Там никуда от нас не денется!

Услышав, что одна группа казаков намеревается перекрыть ему дорогу в сторону Усухчая, а другая, спешившись, с винтовками в руках, низко приседая к земле, стала осторожно спускаться по тропе вслед за ним, Ади вскочил на Деликуш и погнал лошадь по сенокосам прямо к реке.

Казаки, поняв его план, уже не остерегаясь пуль, тоже вскочили на коней и бросились вслед. Свежие казацкие кони медленно стали нагонять Деликуш. Увидев, что Деликуш начала спотыкаться на каменистой пойме, Ади направил ее в реку, чтобы, скрывшись в воде, проплыть вниз по течению, а затем, когда казаки отстанут, выйти на противоположный берег. Летом, купаясь с мальчишками, он не раз переплывал Самур вместе с Деликуш в самых опасных местах, приучая и лошадь и себя к таким переправам.

Казаки сняли со спин ружья и привычно стали с ходу стрелять в скрывающегося в бурунах реки всадника, надеясь на то, что Бог даст, одна пуля достанет ловкого разбойника.

Самурская долина встретила Нину, Федора Филипповича и Алисултана весенним солнцем и торжественной тишиной, напоенной ароматом цветущих абрикосов.

Одолев последний, камункамский подъём, коляска, сопровождаемая конвоем казаков из Кусарской крепости, весело покатила по ахтынскому «михию» – плато в попечнике версты две, образованному между Ахтычаем и Самуром селевыми наносами из ущелья Цакункам, радовавшему глаз густыми темно-зелеными всходами зерновых.

– Ахтынское укрепление! Ваше превосходительство, видно! – радостно крикнул один из казаков, привстав на стременах и подгоняя коня поближе к коляске, в которой ехали Нина с отцом и Алисултаном.

Нина приподнялась с сиденья. К ним навстречу, что-то радостно крича, неслась большая конная группа офицеров и нукеров. Впереди всех скакал новый комендант Ахтынской крепости и начальник Самурского округа Шульц Мориц Христианович.

– Федор Филиппович! Голубчик! Нина Федоровна! Ангел наш! Алисултан! – офицеры, радостно улыбаясь, соскочили с коней и окружили со всех сторон коляску. Рот, Алисултан, Нина, смущенно улыбаясь, сошли на землю.

– Здорово, братцы! – громко, как на плацу, крикнул Федор Филиппович и, не сдержав своих чувств, бросился обниматься с боевыми товарищами. – Это ваша награда у меня на шее. Государь благодарит всех! – как бы оправдываясь, смахивая невольную слезу, громко говорил он.

– Рады стараться, Ваше превосходительство, – улыбаясь, отвечали офицеры.

Нине ласково целовали руки, умилённо называли её кто «святой Ниной», кто «молитвенницей нашей». Алисултану крепко жали руку и хлопали по плечу, мол, молодец, заслуженно стал русским офицером за храбрые дела.

Когда стихли первые приветствия, Рот представил Алисултана в новом качестве.

— Вот, ребята, прошу любить и жаловать, жених моей дочери Нины — Николай Николаевич, бывший наш спаситель Алисултан. Вы его знаете! Сам государь-император сватал за него Нину! Алисултан крещен и взял себе имя нашего государя-императора! — с гордостью поведал Рот, и все офицеры закричали "Ура!" и стали обниматься с Алисултаном, теперь Николаем Николаевичем.

Потом все вместе двинулись по пыльной дороге к крепости. Справа, со стороны Самура, показалось десяток мужчин, которые несли в руках и на спинах мокрые мешки с каким-то грузом.

— Откуда они? Что несут? — спросил Рот Шульца.

Шульц неопределенно пожал плечами.

Но тут один из новых нукеров, решив отличиться, громко стал рассказывать:

— В этом году зима была холодная, весна наступила поздно, льды на мелководье держались долго и рыба только теперь пошла из моря метать икру, вот ахцахцы с вилами и пиками добывают себе осетров и кутума на маловодных протоках Самур-реки.

— А наши солдаты наловили рыбки? — посмотрел Рот на Шульца.

— Есть, есть, сушили много, на весь год хватит, и вас угостим янтарным бальком, — улыбнулся новый комендант.

— Богат Самур-батюшка рыбой! И красная рано весной приходит с моря, успевай ловить — не зевай, и форели много осенью спускается из чистых высокогорных притоков реки вниз по течению, и усачей солдаты ловят все лето, не переводится рыбешка на нашем столе

Когда ахтынцы, а это были, в основном, старики и мальчишки, со своею ношней пересекли дорогу, бросая полные ненависти и презрения взгляды на офицеров и коляску, один из нукеров, желая как-то оправдать негостеприимность земляков, крикнул:

— Говорят, встреча с людьми, несущими полные кувшины воды или мешки с продуктами, всегда к добру!

Все заулыбались и разом заговорили о том, что дейст-

вительно приметы и сны часто сбываются, намекая на сон Нины, который так точно сбылся в ее жизни.

Шульц стал рассказывать Роту о том, что за последнее время много развелось абреков – разбойников, особенно после событий 1848 года. Они грабят казенные обозы и воруют скот у населения, угояют гарнизонных лошадей во время пастьбы.

— Я доложу об участившихся разбоях наместнику, — сказал сухо Рот и, завидев впереди белые стены Ахтынской крепости, перекрестился, и чтобы скрыть слезы, вдруг застлавшие глаза, опустил голову.

Солдаты со стен и бастионов с интересом смотрели на приближающуюся к крепости процессию: впереди бывший комендант с обнаженной седой головой, склоненной набок после ранения, и рядом новый комендант, позади них коляска с Ниной и Алисултаном, следом за коляской – офицеры на конях, и позади всех нукеры в белых палахах и черкесках.

Когда процессия приблизилась к распахнутым настежь восточным воротам, оглушительно грохнула с соседнего бастиона холостым зарядом пушка и грянуло солдатское «Ура!».

Уже въехав в ворота, Нина попросила остановить коляску и сошла на землю. Следом вышел и Алисултан. Среди встречающих очень много было новых, незнакомых лиц, направленных служить в Ахтынский гарнизон взамен павших и покалеченных, но немало виднелось и знакомых, со слезами на глазах приветствующих дорогих незабываемых однополчан. Нина горячо приветствовала оставшихся в крепости участников обороны, крепко пожала руки рядовым, обнялась и поцеловалась с женщинами. Потом она, утомленная неблизкой и нелегкой дорогой, направилась к квартире, отведенной ей, ее жениху и отцу семьей нового коменданта, чтобы умыться с дороги, сменить запылившуюся дорожную одежду, поужинать и отдохнуть до утра.

Нина всю ночь не могла уснуть в той самой комнате, где жила раньше, и которую теперь жена и дочери Щульца,

розовощекие, белокурые, уже созревшие девицы, вежливо уступили ей.

Утром, с восходом солнца, Нина с отцом и женихом, в окружении офицеров, со священником во главе, направились на воинское кладбище защитников Ахтынской крепости, расположенное на зеленоей поляне над скалистым берегом Самура, недалеко от родника. Когда Нина увидела множество могил, появившихся на кладбище после осады крепости, она, не выдержав охвативших ее чувств, бросилась к большому деревянному кресту на могиле молодого офицера, упала на колени и громко зарыдала, не стесняясь своих слез.

55.

Через неделю во дворе крепости играли свадьбу Нины и Николая Николаевича (Алисултана). Между зданиями штаба и церкви, в тени молодых ив были установлены столы и скамейки, вынесенные из солдатской столовой.

На столах вдоволь было вареной и жареной барабанины, доставленной старшинами соседних сел в подарок старому кунаку Роту. Также от них были получены жирная овечья брынза в бурдюках, янтарный мед в сотах, масло коровье, хорошо сохранившиеся в земле яблоки и груши прошлогоднего урожая, сушеные вишни, абрикосы и сливы. Вяленая и свежая красная рыба, кутум, черная икра были поданы из кладовых крепости. Вина, коньяки, шампанское, тутовая и виноградная чача привезены из Тифлиса, Кубы и Дербента. Оттуда же поступили орехи, фундук и каштаны, гранаты и апельсины, хурма и кишмиш. Свадебный стол ломился от обилия всего, что может пожелать человеческая душа, ибо Ахты был расположен недалеко от караванных путей по берегу Каспийского моря, по которым провозили все товары мира.

Для солдат также был приготовлен сытный мясной обед в столовой и каждому преподнесена большая чарочка креп-

кой чачи. Песенникам налили еще по одной, для «веселости и громкости» голосов. Ругульский старшина привез лилипутов, которые все время забавляли гостей.

Когда Нина и Николай в сопровождении Федора Филипповича, коменданта крепости Шульца, его упитанной жены и их белокурых, румянощеких пухленьких дочерей вышли из распахнутых настежь дверей церкви, музыканты разом заиграли марш, а песенники грязнули «Славься».

На Нине было ослепительно белое платье, на котором сверкали бриллианты и рубины, присланные посаженой материю – государыней-императрицей из самого Санкт-Петербурга.

К свадьбе было получено и предписание о том, что муж Нины – Николай Николаевич должен отныне состоять при наместнике Кавказа, в качестве откомандированного к нему флигель-адъютанта Его Величества. Милостивым повелением императора Николая, по просьбе крестника Николая Николаевича и с учетом его заслуг в защите Ахтынской крепости, его дядя Даниель-султан освобождался из заключения в Метехском замке и ему дозволялся выезд в Турцию. «Чтобы не мешал впоследствии Алисултану править Илисским султанатом и чтобы иметь человека в окружении турецкого султана для получения тайной информации о шагах, предпринимаемых турками против России», – со значением говорили офицеры, хорошо разбирающиеся в хитросплетениях кавказской политики наместника Воронцова.

Все невольно сняли шапки и поклонились новобрачным, которые жмурились от лучей яркого солнца, сверкающего с ослепительно синего неба над Самурской долиной.

Вдали курился редкими дымами молчаливый Ахты. Оттуда поздравить новобрачных пришел осунувшийся, но все такой же невозмутимый Мирзаали, которого недавно обменяли у Шамиля на пленных мюридов, и который вновь работал главным кази округа.

Рот привез ему из Тифлиса подарки и при каждом удобном случае благодарил Мирзаали за то, что тот спас его от неминуемой смерти, на что Мирзаали отвечал стихами:

Мы живем на этой грешной земле,
Чтоб творить друг другу добро,
И лишь с этим богатством в конце
Предстать пред милосердием Бога...

После первых тостов за новобрачных и их родителей, за государя и государыню – крестных Нины и Николая, за павших при защите крепости, слово дали Мирзаали.

– Федур и Нина не раз были моими гостями, я рад был бы, если бы они пришли снова ко мне в гости. Но вы знаете, мой дом разрушен, книги растащили, добро разворовали. Но я об это не тужу, ибо все богатство человека в его душе и в его голове, а это отнять может только Всевышний. Мое богатство – я сам и мои верные друзья. В мире нет различий между людьми по их языку и обычаям, в мире есть различия лишь по уму и доброте. Умные и добрые люди, кто бы они ни были по национальности: лезгины, русские, немцы, грузины, армяне, персы, турки и все остальные, они ближе друг другу, чем злые дураки, которые думают только о наживе за счет честных и добрых. Мир, который строят умные и добрые, стремятся разрушить злые и жадные, в которых вселилась душа шайтана (черта). Десять лет был мир над нами, и все были счастливы, росли дети, игрались свадьбы, люди все больше и больше осваивали новые земли и накапливали от отцов к сыновьям добро и знания, многие были счастливы, ибо без мира не бывает ни у кого ни счастья, ни богатства. И десять дней была война, и все хорошее, что было у людей, все уничтожила война. Мне ничего не жалко в этой жизни, кроме молодых смелых мужчин, погибших с обеих сторон. Сколько родителей в горе, сколько невест и жен остались без мужей, сколько не рождается детей! Эти десять дней принесли горе всему джамаату Самура, погубили и покалечили солдат и офицеров в крепости. Мой дорогой кунак, Федур, чуть не погиб, и сама Нина могла попасть в плен к Шамилю и стать еще одной его женой. Но Всевышний спас нас всех, как и было предсказано Нине в ее сне, ниспосланном с небес.

При этих словах Федор Филиппович встал, обнял крепко Мирзаали, приговаривая, что пока жив, и он, и Нина будут помнить и благодарить Мирзаали как спасителя.

Все, кому не терпелось ещё раз выпить, закричали «Ура!» и, вскочив на ноги, залпом дружно опрокинули в рот свои кружки и бокалы.

Мирзаали ласково посмотрел на смущенно улыбающуюся ему Нину и поднял руку, требуя тишины и внимания:

— А теперь, дорогие друзья, я прочту стихи для Нины, а Джамирзе пусть переведет. Эти слова сложились в моей душе в дни суровых испытаний здесь, в крепости, и в Ирибе, где живут семьи многих лезгин, ушедших еще в 1839 году от преследований царской власти, самые отъявленные наши лезгинские головорезы. Я сидел у них в сырой яме, с ворами. Мои земляки приходили к решетке и сверху плевали на меня, как на изменника. Лишь потом, после письма Шамилю, меня перевезли в Хунзах, боясь, что среди лезгин, живущих в Ирибе, Игали и Цурибе, вдруг найдется один, кто захочет выпустить из ямы земляка-ученого. Хунзахцы самые умные и мужественные люди в наших горах. Благородные хунзахцы оказали мне больше уважения, чем я получал от земляков-ахтынцев. Узнав, что я был влюблен в семнадцатилетнюю девушку из русской крепости, они выдали за меня семнадцатилетнюю хунзахскую красавицу из достойной семьи. Я был счастлив среди этих достойных людей.

Услышав слова Мирзаали, собравшиеся заулыбались, восхищенно качая головами и приговаривая:

— Да, могуч старик! Даже в плену любил, не терялся.

Мирзаали улыбнулся, помолчал, опустив голову, а когда наступила тишина, начал торжественным речитативом читать стихи, а ашуг, приглашенный на свадьбу рутульским старшиной, стал тихо подыгрывать ему на чунгуре:

На этой земле грешной, знайте, мы все чужеземцы,
Нам верные друзья — лишь наши мысли и чувства,
Одиночими приходим и уходим мы из сада жизни,
Потомкам оставляя дела, мудрость и мужество.

Нам ведь не понять, что в мире происходит с нами,
Лишь с друзьями одолеем мы испытания судьбы,
На подвиг не бросайся ты просто ради забавы,
Твои дела когда-то оценит лишь Бог с высоты.
Нет на земле человека небу столь близкого,
Чем тот, кто всегда верен слову, дружбе и чести,
Мало нам пользы от грозного и угрюмого,
Лишь открытое лицо доказательство верности.

Мирзаали подождал, пока стоящий рядом Джамирзе переведет, потом посмотрел с улыбкой на Нину и стал читать ещё один куплет, не отводя взгляда серых, навыкате глаз от смущенного лица девушки:

Пусть минуют тебя, словно тучи, все беды,
Честь береги – священный дар небес,
Только честным, кристально чистым девам,
Сад счастья и добра будет всегда цвесть.

Кто-то громко крикнул: «Горько!» Нина порывисто встала на ноги, опрокинув при этом покрытый ковровой подушкой табурет, подбежала к Мирзаали и поцеловала в щеку его, потом отца, вставшего ей навстречу, и с глазами, полными счастливых слез, вернулась на свое место. Молодой офицер в черкеске и черной папахе подошел к коменданту Шульцу и попросил разрешения тоже почтить стихи.

– Конечно, читай! Это свадьба, это не служба. Только хорошо читай, без этого... э-э... – Шульц посмотрел на Рота, который лучше говорил по-русски.

– Без крамолы, братец, чтобы все было чинно... – добавил Рот, похлопывая по плечу офицера, красного и возбужденного от выпитого вина.

– Да! Без этого ... – подтвердил Шульц, и офицер, как-то дурашливо козырнув, поспешил на своё место, где от избытка переполнявших его чувств встал с помощью соседа на свободный табурет. Все, осушив кружки с вином и чачей, стали закусывать рыбой и мясом.

– Слушайте, слушайте, теперь я почитаю вам стихи! – закричал было он, но многим было не до стихов, которыми увлекались молодые офицеры на Кавказе в первые годы

службы, порой и сами пытаясь что-то сочинять в подражание Пушкину и Лермонтову. Поняв, что поэзия не очень привлекает увлеченных выпивкой и закуской товарищей, офицер все же упрямо дернул головой и запел громким, надрывным голосом, четко выговаривая каждое слово:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я,
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь сочились моя.

Раскрасневшийся от вина его товарищ задиристым голосом крикнул с места: – С свинцом или с винцом??

Все засмеялись и весело заговорили: – С свинцом, было дело, лежали в Самурской долине, во время осады крепости! С винцом тоже, может, сегодня и ляжем!

– Зачем же вы шутить изволите? Это же Лермонтов! Великий наш поэт! Я не позволю!!

– Корнет, что ли? Да как же, как же, помним такого! При Валерике показал себя довольно хладнокровным.

– Потом уехал лечиться. В Пятигорске на дуэли убит!

– Задира и повеса! Знавали его.

– Да что вы говорите? – возмущался молодой офицер.– Это же наша гордость! Великий поэт! Великий!!

– Если Лермонтов за один бой стал великим, то мы за десяток боев, за оборону нашей крепости от в стократ пре-восходящего врага, – мы все стали великие!

– А что у него было великое? Ходил всегда хмурый, будто с пьянки.

Услышав такие слова о Лермонтове, офицер подскочил к говорящему, схватил его за грудки, приподнял со скамейки и стал трясти со всей силой.

– Ты! Ты оскорбляешь великого поэта!, Я тебя! Я тебя вызываю...

Но к скандалящим подскочили товарищи и стали разнимать. Кто-то махнул оркестру, мол, играйте! Оркестр грянул полюбившуюся в крепости быструю лезгинскую мелодию «Айиштар», под которую обычно любили плясать за-

дорные ахтынские девушки. Музыканты гарнизонного оркестра не только разучили эту мелодию, но и отправили ее ноты в Тифлис, откуда их, по поручению графа Воронцова, повезли в Санкт-Петербург, чтобы исполнять эту мелодию в спектакле «Оборона Ахты». Но в столице в светских салонах и на балах под эту темпераментную музыку вскоре стала танцевать молодежь, давшая танцу более понятное ей название «Лезгинка». Нина рассказывала сидящей рядом жене Щульца, что она слышала, как «Лезгинку» после спектакля об обороне Ахты напевал во время прогулки сам государь-император.

Услышав слова Нины, жена коменданта встала и стала громко хлопать в такт мелодии и просить Нину и Николая станцевать. Вслед за комендантшей и остальные стали с азартом хлопать в ладоши и выкрикивать имена молодоженов, вызывая их на танец.

Нина глянула на нахмутившегося своего жениха, задорно тряхнула головой, будто сбрасывала с себя все воспоминания о пережитом, и первая вышла в круг. За ней, нехотя расправляя плечи и поправляя позолоченные саблю и кинжал, гордо подняв голову и не глядя ни на кого, вышел Алисултан и стал плясать, степенно и не в такт быстрой мелодии. Затем Нина пригласила на танец Мирзаали, но тот отказался, сказав, что кази не может веселиться, когда его народ в трауре. Тогда Нина попросила в круг коменданта Щульца, а Федор Филиппович – его жену. К переставшему было танцевать Николаю, улыбаясь, подскочила старшая дочь коменданта, а за ней, стараясь казаться серьезной, выскочила и младшая. К удивлению присутствующих, обе дочери Щульца танцевали отменно, видимо, тайком получив уроки от приходящих к ним помогать в домашних делах ахтынских девушек.

Все встали и громко стали хлопать в такт музыке. Песенники запели под мелодию лезгинки ставшую популярной в крепости песню:

Дело было на Кавказе,
Дело славное, друзья!
Мы дралися тут с Шамилем
И с мюридами его.

Когда Нина, разгоряченная быстрым танцем на уже жгучем апрельском солнце, счастливо улыбаясь, вышла из круга танцующих, к ней протиснулся Ян и протянул большую корзину, доверху наполненную золотистыми яблоками с ярким румянцем на боках.

— Ой! Неужели и такие яблоки растут в Ахтах? — удивленно глядя на Яна, спросила Нина.

— Вот, мальчишка, родич Ади, принес. Говорит, Ади закопал еще осенью в саду, чтобы сохранить свежими, и поручил ему отнести тебе, когда ты приедешь в Ахты.

Нина взяла одно яблоко и, откусив румяный бок, почувствовала сладкий медовый вкус сочного плода. Капля сока медленно потекла по ее подбородку.

— Осторожно! От сока этих яблок желтеют губы и одежда, как бы не замарать платье. Ковровщицы из коры этих яблонь делают не выцветающую краску для ковров. В Ахтах говорят, что кто с утра натощак кушает по три таких яблока, тот излечивается от всяких желудочных болей.

— Как называются эти яблоки? — спросила Нина у Яна.

— Когда во время осады Ади приносил для тебя эти яблоки, он называл их сладкими.

— Приносил для меня яблоки? — переспросила удивленно Нина.

— Да, но их съели солдаты, сказав, что барышня из Петербурга побрезгует есть яблоки, доставленные горцем, который вместе со всеми штурмует крепость. А вдруг от этих яблок с дочкой коменданта что-то случится, аль уснет на семь лет непробудным сном, как в сказке, что тогда? И солдаты решили не рисковать вашим здоровьем и все яблоки съели сами.

— И ты ел, Ян? — улыбнулась Нина.

— И я ел... — опустил голову Ян.

— А мне ни одного не дали.

Ян молча покачал головой.

— Теперь я имею право и тебе не дать. Я эти яблоки повезу в Тифлис. Угощу наместника. Я знаю, он распорядится прислать их много, чтобы отправить в столицу, государю и государыне, нашим посаженым отцу и матери. Уверена, им эти яблоки понравятся. Таких вкусных яблок нигде в России больше нет. Даже в Тифлисе. Давай спросим у Мирзаали, как называются они.

Нина, ухватив за локоть Яна, который все держал в руках тяжелую корзину, вместе с ним подошла к Мирзаали.

— Уважаемый Мирзаали, объясните мне, как называются эти яблоки, полученные в подарок от твоего родственника Ади.

Мирзаали взял двумя пальцами яблоко и покачал головой.

— Это яблоки из сада Чуру, чьего сына, бывшего нуке-ром в крепости, казнили люди Шамиля. Только в саду Чуру растет взрослое дерево, приносящее такие плоды, потому что он первый вывел этот сорт. Теперь все берут у него саженцы, чтобы каждому в своем саду тоже иметь такие яблоки. Люди называют этот сорт «Чуру-ич» — яблоко Чуру.

— Значит, нигде, кроме Ахты, таких яблок нет? — спросила Нина.

Мирзаали покачал головой и ответил, что он не слыхал, что где-то еще растут такие яблоки.

Дочки коменданта, пока родители не вернулись за стол, стали наперебой рассказывать о том, что какой-то ахцахский абрев привез в крепость похищенное подвенечное платье, о чем их отец велел гостям не говорить. Нина сразу подумала, что такое мог совершить только Ади.

Снова слезы стали застилать глаза Нины и она, опустив голову, побежала в комнату, куда до этого отправила с яблоками Яна, чтобы расспросить его об истории с ее платьем. Оркестр играл «лезгинку» все быстрее и громче, и уход Нины для многих остался незамеченным.

Пьяный молодой офицер, любитель поэзии, стоял в обнимку с товарищами и все они громкими голосами пели:

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню...
Так храм оставленный – все храм,
Кумир поверженный – все бог!

Когда посерьезневшая Нина в сопровождении Алисултана вернулась к столу, Мирзаали подошел к ней и Федору Филипповичу и стал прощаться. Рот и Шульц уговаривали его еще оставаться, но Мирзаали грустно улыбнулся:

– Я живу у родственников, не в своем доме. Видишь, солнце садится, время молиться, потом ужинать.
– Помилуйте, Мирзаали, тут за столом чего не хватает?

– Рот показал рукой на заваленный едой длинный стол.

– Я не о себе. Без меня дома не сядут за суфра – скатерть. Я старший, они меня уважают, и я обязан их уважать. Уважение в семье не только от младших к старшим, но и от старших к младшим идти должно. Тогда только мир и согласие будут в каждом доме. И такую семью полюбит и возьмет под свое крыло благополучия сам Аллах, да будет его воля во всем мире.

Бывшему и новому коменданту крепости ничего не оставалось, как вместе с Ниной пойти провожать Мирзаали, который по случаю свадьбы надел шитый золотыми нитями длинный халат, подаренный генералом Головиным десять лет назад, после замирения лезгин с русскими.

Выйдя из главных крепостных ворот, обращенных в сторону Ахты, провожающие направились к каменному мосту через Ахтычай. Недавно построенный арочный мост, перекинутый с одной скалы на другую, в десятке метров от слияния более спокойного и прозрачного Самура с бурным и мутным Ахтычаем, прочно соединял два берега, – и тот, на скалах которого неприступной твердыней вознесся Ахты, и тот, на котором стояло Ахтынское укрепление, ставшее известным в Санкт-Петербурге и всей России. Нина, разевающаяся на ветру подвенечном платье и большой шляпе остановилась на самой середине моста и, глядя то на берег, где высоко вздымался на скалах Ахты, то на берег, где над

двумя реками возвышались восстановленные после осады и побеленные стены крепости, стала читать стихи Пушкина:

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный,
Услышал я в последний раз.

Мирзаали улыбнулся и, подозвав Джамирзе, тут же ответил:

Из тьмы годов луч правды засверкает,
Кто преданно любил, того Всевышний знает!

Увидев нахмуренное лица Алисултана, Мирзаали осторожно отнял свою руку от Нины и, сказав: «Мир вам!», неторопливыми старческими шагами перешел мост, потом он обернулся к провожающим, произнес: «Фатеха!» (К молитве!) и прочитал на прощанье молитву, провел рукой по своей ставшей совсем белой бороде, благословляя своих друзей. Стоящие на мосту в ответ перекрестились.

56.

— Давайте проводим Мирзаали до дома. Посмотрим, что стало с Ахты после осады, — вдруг сказала Нина и, не дожидаясь ответа, побежала на левый берег.

— Не надо сейчас этого делать, нежелательно это... — пытался возразить Шульц, но Нина его не слышала, и догнав Мирзаали, снова взяла его под руку.

— Только до абрикосовых деревьев, дальше не следует идти, — сказал Мирзаали, заметив неудовольствие на лице коменданта.

Алисултану тоже не хотелось появляться в селе. После того как солдаты по приказу Аргутинского, в наказание ахтынцам за переход на сторону Шамиля, разграбили и разрушили их древний Ахцах, Алисултан в душе чувствовал и свою вину перед земляками.

Да еще и отступление от религии предков и изменение

своего имени на имя ненавистного ахцахцам Николая, — нет, не хотелось Алисултану идти в село. Но он не мог в присутствии генерала Рота и коменданта Шульца схватить Нину за руку и насильно повести обратно. Алисултану ничего не оставалось, как молча, стиснув зубы, идти вслед за своим равной женой. «Ради моего дела я все перетерплю, стану султаном или суйским, потом посмотрим, кто кого будет слушаться. Она станет одной из многих моих жен, как у Шамиля!»

— Нина Федоровна, вы туфли испортите по этим камням, плашь испачкаете в пыли, свадьба еще не кончилась, — сказал Шульц, когда Нина оглянулась назад, проверяя, идет ли за ней ее муж.

— Должна же я, как будущий историк, увидеть, что стало со вторым Тифлисом на Кавказе. Пусть земляки тоже увидят своего Николая Николаевича в офицерском мундире. Тебе же есть чем гордиться перед ахтынцами, — улыбнулась Нина, взглядываясь в сердитое лицо Алисултана.

По пути они встретили трех женщин, одетых во все черное, шедших из села навстречу возвращавшемуся с пастьбы стаду. Мирзаали остановился и посоветовал своим провожающим вернуться обратно.

— Одним горе от войны, а другим счастье, — услышал Мирзаали слова, сказанные по-лезгински одной из женщин, которые, загородив дорогу среди густо зеленеющих озимых, бесцеремонно разглядывали столь важных, сытых и очень довольных собой начальников с русской матицкой.

— На племянника Даниеля посмотри, чин получил, предав свой народ, — громко, чтобы услышал Алисултан, крикнула другая женщина. Но сказанных слов ей показалось мало, она с перекошенным лицом вдруг подбежала вплотную к Алисултану и плюнула на его мундир. Третья женщина, сгорбленная годами и горем, не обращая внимания на окрик Мирзаали, подняла над головой палку, на которую опиралась во время ходьбы, и стала приближаться к Алисултану, пронзительным голосом крича ему:

— С каким лицом ты идешь в Ахцах? Кому ты нужен? Полсела разграбил твой трусливый дядя Даниель, чтоб ему

покоя не было на белом свете, хорошие ковры, большие котлы и другое добро увезли с собой. А дома наши разрушили пьяные, ненасытные казаки, одетые в такую же одежду, что и ты, изменник!

— Я никому не изменял! — не выдержав, закричал Алисултан и, положив руку на позолоченный эфес шашки, шагнул вперед, но его ухватил за руку Рог.

— Иди! Ударь! Убей меня! Нам все равно теперь, жить или умереть, когда погибли наши мужья и сыновья! Погибли по вине твоего дяди, Даниеля, на индюка похожего, который обманул всех обещаниями и бросил навстречу русским пушкам, пока сам отсиживался вместе с Шамилем на стороне. Погибли по твоей вине, ты русским привел помочь, и этим спас крепость. Поэтому тебе дали чин и эту матишку!

Потрясенная услышанным, Нина молча смотрела на женщин, которых она знала стеснительными и робкими, не смеющими глянуть в лицо мужчины, а теперь они как злые тигрицы окружили их и готовы были разорвать на куски. Почувствовав дрожь в руке Нины, Мирзаали поднял голову и закричал:

— Не гневите Аллаха! Они гости! Сами приехали посмотреть и доложить русскому царю, чем помочь вам! Они же хотят вам добра!

— От царей, от афцеров, от наибов и имамов, кази и мул никогда народу добра не было и не будет! Вы только о себе, о своих детях, о своем богатстве и удовольствиях думаете! — крикнула сгорбленная женщина, угрожающе размахивая палкой.

— Астафиулла! (Упаси Аллах!) Астафиулла! — зарубомотал Мирзаали, смущенно глядя на гостей, которые по его вине попали в такую неприятную ситуацию.

Нина сделала шаг навстречу женщинам и тихим голосом сказала:

— Вы извините, я же ничего плохого вам не хотела, ведь войну начали не мы, а мюриды, они же... — но ей не дали договорить. Все три женщины вдруг накинулись на нее:

— Малчи! Твоя малчи, матишкя! Нине — кукла! Твоя ни-чегу не панимат. Кагда твоя дети убит, кагда твоя муж убит — тагда твоя знай будет! Харуш вайна! Нехаруш вайна! Та-гда увидиши!

— Уходите! Идите, идите, — несколько раз громким нетерпеливым голосом повторил Мирзаали, стараясь заслонить собой Нину от разъяренных женщин, которые в таком состоянии были способны на все.

Рот крепко взял за руку Нину и повел ее обратно. За ними молча, то и дело оглядываясь назад, понуро зашагали Шульц и Алисултан.

— Ни одного мужчины не осталась в селе, все дома разграбили и разрушили казаки-качахи, женщин, девушек безвинных опозорили, и после этого на нашем горе приехали свадьбу играть, — кричали женщины вдогонку. Когда же Мирзаали начал было увещевать и призывать к их совести, они все накинулись на него:

— Совести Мирзаали нет ни у тебя, ни у твоих хозяев! — крикнула сгорбленная женщина. — Ты первый хотел жениться на этой раскрашенной матишке, которая тебе не то что в дочери, во внучки годится. Она нам все беды принесла, сперва она приехала, следом за ней к нам война пришла, все потеряли голову и стали бросаться на крепость, чтобы получить ее в жены. И погибли ни за что! Про тех, кто приводит беду, говорят, что у них заячья нога.

— Я же говорил вам, не надо воевать с русскими, — начал оправдываться было Мирзаали, но женщины не дали ему говорить.

— Ты такой же, как они, поэтому ты стал слугой этих свиней. Вместо того, чтобы образумить свой народ и не допустить новых жертв, ты сбежал от нас в крепость, поближе к матишке, чтобы спасать свою шкуру. Ты себя и свою жизнь считаешь дороже всего. А народ пусть погибает под пушками.

— Я же говорил, я десять лет говорил это! — вдруг не выдержал Мирзаали и, забыв свой сан, громко закричал на женщин. — У ваших мужей и сыновей не хватило ума по-

нять, где ваша польза и где ваш вред. Вы сами первые кричали с крыши: «Долой крепость!» – вдруг Мирзаали надрывно закашлялся и схватился за грудь.

Женщины затихли и смущенно уставились на согнувшегося от старческого кашля Мирзаали. Издали послышалось мычанье коров, которых гнали две женщины со стороны реки.

– Что теперь кричать? Мужчины наши в земле, сами мы дотлеем в черном горе. Судьба такая выпала нам, остается смириться или броситься в реку, как Джахварат после того, как оказалась ночью в руках казаков, – сказала одна женщина.

– Единственное, что держит нас в этой жизни – наши сироты, которых надо растить назло врагам, чтобы отомстили за своих отцов. Кому-то надо же отомстить за павших, – добавила сгорбленная женщина и, подняв с земли свою палку, пошла навстречу стаду.

В крепости, увидев возвращавшихся коменданта с гостями, пьяные оркестранты и песенники грязнули «Камаринскую». Двое офицеров с бутылкой шампанского и бокалами пошли навстречу молодоженам, приглашая их на танец. Остальные пустились в пляс на площадке перед тяжелыми железными крепостными воротами.

Беспрерывно улыбающийся молодой офицер наполнил бокал и подал его Роту, как старшему и по возрасту, и по званию, затем Щульцу и после – молодоженам. Оркестр снова заиграл «Лезгинку» и офицер, наполнявший бокалы, не выдержав, вдруг громко запел в такт танцевальной мелодии:

Пей, друг, пока пьется,
В жизни горе забывай,
На Кавказе так ведется –
Пей, ума не пропивай.
Может, завтра в эту пору
Нас на бурках понесут
И опустят в мрачну яму,
Вечну память пропоют.

Придя домой, Мирзаали, ни с кем из родственников разговаривать не стал. Он молча помыл ноги, руки и лицо, поднялся на крышу, где обычно и спал в теплое время года. Под навесом, куда зимой обычно складывались сплетенные из прутьев ульи, поверх старого войлока был постелен сумах, а на нем лежали толстый шерстяной матрас и круглая подушка, а также скатанное толстое шерстяное одеяло, которым кази укрывался ночью.

Мирзаали медленно присел на край своей постели и задумался. Убывающая луна тусклым мертвящим светом освещала темные горы и чисто подметенную земляную крышу. Муэдзин старческим усталым хриплым голосом призвал правоверных к вечерней молитве. Как только его голос затих, в наступающей тишине стал явственнее слышен глухой рокот реки. Сквозь этот гул Мирзаали различил тихие печальные голоса двух девушек, которые, видимо, забыв про время намаза, пели у раскрытого зарешеченного окошка, глядя на тонкий серп убывающей луны.

Раньше песни о любви пели мы,
Ты свидетелем была, луна.
В пепел скорби превратились мы,
Будь всегда ты проклята, война.
Без любимых, к чему жизни свет,
Схороните и нас рядом с ними,
В саван горя зашиты мы все,
Закопайте нас в землю живыми.

Вслушиваясь в слова девичьей песни, Мирзаали не заметил, как перестал повторять заученные с детства слова намаза, и подняв голову, стал смотреть на звезды, все ярче и ярче загорающиеся над острыми вершинами высоких гор. Вглядываясь в таинственно мерцающие светила, он снова и снова шепотом спрашивал, обращаясь к небу:

– О Аллах! Почему ты столько горя и страданий посылаешь на человека? В чем провинились перед тобой молодые люди, которые пали с твоим именем на устах? Чем про-

гневили тебя эти чистые девушки, оставшиеся без женихов, ничего, кроме горя в жизни не видевшие? Чем они виноваты перед тобой? Одним ты даешь все, у других все отнимаешь. Я, Аллах, открай нам твою мудрость, твои законы, чтобы и ты был доволен нами, и мы всегда прославляли твою милость и великодушие.

Мирзаали молча смотрел на темное небо, все покрывающееся новыми мерцающими звездами, и не находил ответа. Вся долина была наполнена гулом разливающихся по весне бурных рек, которые, ворочая огромными валунами, с грохотом катили их вниз, сотрясая сковывающие их скалистые берега.

58.

Грустный день отъезда из Ахты наступил скоро. Рота ждали в Тифлисе обязанности коменданта, Алисултана – должность при наместнике, Нину – шестьдесят девиц Закавказского девичьего института, который, еще не имея собственного здания, размещался в частном доме.

Когда коляска выезжала из ворот крепости, к той стороне, где сидела Нина, приблизился Ян и преподнес ей веточку зацветающей яблони.

– Возле стены крепости росла, и, поломанная взрывом, все-таки выжила. Возьми на память, Нина, эта яблоня расцвела в день твоей свадьбы.

Нина взяла из рук Яна веточку и поднесла к лицу, от цветов исходил сладкий медовый запах.

Молодой офицер, который на свадьбе читал стихи Лермонтова, стоя в нескольких шагах, со скромным, виноватым видом махал фуражкой и, преодолевая свое смущение, както неестественно громко кричал, что будет собирать по подписке деньги на памятник Нине перед крепостью: как она отводит своими хрупкими руками столкнувшиеся в смертельном бою над ее головой лезгинский кинжал и русский штык.

День был такой ясный и тихий, что не хотелось никуда уезжать из Ахты. Хотелось построить здесь дом, родить детей, открыть школу, посадить большой сад, завести пчел. Что еще нужно человеку для счастья?! Но коляска, влекомая парой сытых, еще не уставших коней, безостановочно катилась по неширокой дороге, поддерживаемой солдатами гарнизона в хорошем состоянии.

Когда доехали до Мискинджи и остановились посмотреть места, где недавно стояли насмерть горцы и шли в штыковую атаку роты апшеронцев, в долине Самура, со стороны Усухчая показалась серая масса туч, медленно заполнявшая собой ослепительно синее небо над головой и закрывающая зеленые склоны крутых гор. Усухвац проезжали в холодном сумраке нависших над головой туч. Мальчишки в овчинных оборванных полуушубках и лохматых папахах настороженно следили за коляской, сжимая в кулаках камни, чтобы в удобный момент запустить вслед ненавистным военным, убившим их отцов. Но сопровождающие оказию двое конных милиционеров из местных лезгин, размахивая нагайками, разогнали по-взрослому матерившихся ребят.

Проехав без остановки разрушенное Тифлисское укрепление, коляска покатила вниз. Вдали, на поляне, называемой «Шахидрин сурар», двое мужчин рыли могилу, а третий, старик с густой белой бородою, сидя на корточках перед завернутым в черную бурку телом, читал негромким голосом молитву. Рядом стояла грязная лошадь с ободранными боками.

Увидев подъезжающую коляску, старик подозвал одного из роющих могилу и тот, выйдя из уже глубокой, в рост человека ямы, отряхнул одежду, вытер руки одну о другую, взял с камня черную папаху и, нахлобучив на голову, не спеша пошел навстречу коляске. Встав на середине дороги, этот рослый молодой парень лет двадцати высоко поднял руку и попросил остановиться.

— Издрасте! — сказал он, внимательно рассматривая сидящих в коляске и не обращая внимания на казаков, тревожно оглядывающих окрестности.

— Мертвый человек река принесла. Никто не искал его. Птица лети и кушай его. Лошадь его раненая гонял диких птиц. Аллах не разрешает мертвого держать на свете, он велит мертвого быстро хоронить. Для этого у нас белая ткань нет, саван делать не можем. Такой трудность у нас.

— Мы не куцы, у нас нет ткани, — сказал сердито полезгински Алисултан.

— Подожди, посмотрим, кто это, может, я опознаю, — сказал Рот, сходя с коляски и направляясь к покрытому черной лохматой буркой телу. Вслед за Ротом нехотя последовал и Алисултан. Лошадь задрала голову и тихо заржала. Несмотря на ободранные о скалы и облепленные мухами бока, Алисултан узнал ее — это была Деликуш.

Рот тоже узнал Деликуш и, обернувшись к подошедшей и взявший его под руку дочери, кивнул в сторону понурой лошади и спросил:

— Помнишь победителя скачек в Ахтах?

Нина пригляделась к грязному от мутной речной воды, израненному животному, и не столько узнала, сколько догадалась, что это лошадь того самого Ади, который бескорыстно столько сделал хорошего для нее. Нина теперь знала, что Ади не только спас ее, когда понесла лошадь, но и благодаря этому мальчишке Алисултан сумел быстро добраться с донесением в Кусарскую крепость. Ади привез и передал Алисултану барашка для раненого отца, угнал коней наивов, и наконец, рискуя жизнью, вернул ее подвенечное платье.

Когда старик, по желанию путников, откинул край черной бурки, Рот сразу узнал это худощавое длинное лицо со шрамом на лбу и, сняв фуражку, перекрестился.

— Пуля ударила его в грудь, там, где сердце. Вот там нашел платок, там тоже есть дырка от пули, — молодой лезгин достал из кармана скомканный, еще мокрый платок и, взяв за край, встрихнул, чтобы развернуть. Найдя место, где были вышиты буквы, он показал платок Роту.

Рот не смог различить инициалы, вышитые в углу платка и оглянулся на Нину. Она сразу узнала в куске тонкой ткани, ставшей серой от мутной воды, свой платок. Их у нее была целая дюжина, в углу каждого платка еще в институте, как было принято у воспитанниц, она вышила свои инициалы «Н.Р.». Это был тот самый платок, который она потеряла в Ахтах в тот день, когда Ади остановил ее обезумевшую от страха лошадь у самой пропасти над рекой.

Нина подошла к телу и посмотрела на бледное лицо мертвеца, которое она до этого почти не видела. Ади выглядел возмужавшим, широкий подбородок выдавался вперед, небольшие усы топорщились в стороны, словно острия кинжалов. Нина закрыла лицо обеими ладонями, чтобы никто не заметил ее невольных слез.

— Сколько надо денег? — нахмурившись, спросил Алисултан по-лезгински, доставая из нагрудного кармана большой увесистый бумажник.

— С деньгами здесь ткань на саван где найдешь? Базар в Дербенте и в Кубе, — развел руками старик, глядя в лицо Алисултану.

— У меня есть в сундуке чистые простыни, я сейчас, — не подымая головы, промолвила Нина и бросилась к коляске. Попросив кучера вытащить свой сундук, она торопливо развязала ремни, открыла крышку и, сунув руку под аккуратно сложенные платья, достала с самого дна две льняные простыни и передала их подошедшему старику. Тот взял только одну. Качая головой, он стал благодарить Нину за доброе сердце.

— Ты, сестра, лучше, чем некоторые мусульмане, дай Аллах тебе счастья на этой земле и райского сада в лучшем мире.

Пока двое молодых обустраивали могилу, старики расстелил простыню прямо поверх бурки, под которой лежало тело Ади, и начал ладить саван, достав откуда-то из-под папахи большую иголку с накрученной на нее самодельной шерстяной черной нитью.

Подошедший начальник конвоя стал торопить Рота, ссылаясь на быстро наступающую темноту и опасность проезда по лесным дорогам. Но и Нина, и Федор Филиппович, да и Алисултан решили подождать, пока тело Ади не опустят в могилу.

Когда, наконец, старик и подошедший молодой лезгин взялись за связанные концы савана, в который было зашито тело покойного, чтобы понести к могиле, Нина вдруг крикнула: «Постойте!» Вырвав свою руку из руки Алисултана, она подошла к лезгинам и попросила старика снова открыть лицо Ади. Старик не сразу понял, что говорит девушка, но когда услышал перевод ее слов, торопливо развязал веревку у изголовья и бережно отвел в стороны края савана. Лицо Ади, от выглянувшего на миг солнца, казалось, потеплело и оживилось. Нина зарыдала, уже не скрывая ни от кого своих слез, горестно откинула голову назад, посмотрела на небо, по которому медленно проплывали темные равнодушные тучи, и закричала сквозь душившие ее рыданья:

– Почему?! Почему так несправедливо устроена наша жизнь?! О Господи Боже!

Все молчали, потрясенные этим криком души, обращенным к небесам. Начальник конвоя испуганно перекрестился. Когда Нина снова взглянула на Ади, ей почудилось, будто по лицу мертвого проскользнула улыбка. Теперь оно выглядело умиротворенным.

– Пока я жива, и ты будешь жить в моем сердце, дорогой мой мальчишка, – всхлипнула Нина и, достав платок, стала вытираять глаза.

– Ехать надо, опаздываем, – сердито напомнил начальник конвоя.

С одной стороны отец, с другой муж взяли Нину под руки.

Нина глубоко вздохнула, примиряясь с законами жизни, но вдруг снова решительно вырвалась из рук мужа и отца, подошла к мертвому, нагнулась у изголовья и осторожно накрыла лицо Ади своим мокрым от слез платком. Затем поверх платка поцеловала его в лоб и медленно выпрями-

лась, понимая, что ничего больше не может сделать для этого юноши, который, может, и был тем единственным в мире человеком, предназначенным ей судьбой.

— Вах, теперь Ади чувствует себя как в раю, — сказал старик, снова аккуратно закрывая лицо мертвого. — Ему достался не только самый дорогой саван, но по нему плакала такая красивая и благородная девушка. Что еще нужно мертвому? Он свое получил. Все остальное, что ему положено, Аллах на том свете даст, хвала его милосердию!

Нина медленно пошла к коляске. Когда лошади тронулись, она оглянулась назад. Людей возле могилы уже не было видно, двое парней, спустившись в яму, устраивали в земле тело строго по мусульманским правилам. Старик, присев у большой кучи земли, протяжным зычным голосом читал молитву. Лишь темный силуэт Деликуш, с низко склоненной к земле головой, четко виднелся у могилы хозяина, да все также непоколебимо подпирала свинцово-облачное небо окрашенная в кровавый цвет вершина Шалбуздага. Все слышался неугомонный гул реки, да порывы холодного ветра доносили до путников строгий и печальный напев древней, как мир, молитвы.

Всю дорогу слезы застилали глаза Нины. Всю дорогу она порывисто оглядывалась назад и все смотрела и смотрела на закрывающиеся плотным сырьим туманом горы, и все повторяла и повторяла про себя слова о том, что пока она жива, память об Ади и всех павших в крепости будет всегда храниться в ее сердце. Ибо душа умершего остается на земле до тех пор, пока хоть один из живущих будет помнить о нем.

И вдруг в душе Нины зазвучал романс, который под гитару исполнял для нее молодой офицер, погибший в Ахтынской крепости при взрыве порохового склада:

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний,
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О дальнейшей судьбе героев повести известно следующее:

Нина Рот – жила в Тифлисе вместе с мужем, родила ему трех сыновей, старший сын вместе с Алисултаном погибли в русско-турецкой войне 1877 года. Нина умерла и похоронена в Тбилиси.

Федор Рот – был комендантом Тифлиса до 1858 года, умер и похоронен там же.

Мирзаали ал Ахди – после возвращения из плена у Шамиля еще десять лет был кази Самурского округа. Похоронен в Ахтах.

Николай I – третий сын Павла I, умер 18 февраля 1855 года. Как рассказала Ниине государыня, Николай часто вспоминал «деву гор», почему-то снова вызывал ее к себе накануне кончины. Но пока Нина доехала до Санкт-Петербурга, Николай был уже в могиле. Что он хотел сказать Ниине, никто так и не узнал.

Шамиль – 26 августа 1859 года сдался в плен русским войскам в окруженному Гунибе и был сослан в Калуту. Умер в возрасте 72 лет на пути в Мекку в 1871 году. Был имамом Чечни и Дагестана 25 лет, в 1834–1859 годы.

Хаджи-Мурат – в 1851 году перешел на сторону русских, в 1852 году убит при попытке бегства от них. Правил Аварским ханством в 1834–1836 годы.

Даниель-султан – летом 1849 года после освобождения из русского плена выехал в Турцию и хотел поступить на службу к турецкому султану, но, получив вежливый отказ, вынужден был вернуться в Россию и снова поступить на царскую службу.

Ахтынская крепость – вновь осаждалась в 1877 году восставшими жителями Самурской долины, но снова выдержала осаду. В 1918 году крепость перешла в руки Совета обороны Самурского округа. Впоследствии здесь размещались детский дом, школа-интернат, сельхозпредприятие, в настоящее время – цеха промышленного предприятия. Большая часть стен, бастионов и строений сохранилась в первоначальном виде.

Ахты – за годы советской власти превратился в один из крупных районных центров Дагестана, где проживает 15 тысяч населения. Ахты является самым южным и высокогорным районцентром России. В Ахтах работает большой краеведческий музей, где представлены портреты активных участников обороны Ахтынского укрепления и образцы их оружия.

Нариман Самуров

АХТЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ

Редактор *Н. Тумбова*. Художник *С. Магомедова*.
Художественный редактор *М. Левченко*. Корректор *Д. Багдасарова*.
Технический редактор *В. Гаджиева*.

Лицензия ИД 05334 от 10.07.2001

Сдано в набор 14.12.2001. Подписано в печать 25.02.2002.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Times».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,8.
Уч. изд. л. 11,2. Тираж 500. Заказ 280. Цена свободная.

ГУП «Дагестанское книжное издательство»
Министерства по национальной политике,
информации и внешним связям РД.
367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6.

Типография Дагестанского научного центра РАН
367015, Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.